
Анна Платунова
Другая история Золушки
Тёмная в академии Светлых

Другая история Золушки. Темная в академии Светлых

Анна Сергеевна Платунова

Аннотация
Анна Платунова. Другая история Золушки. Темная в академии Светлых
Пролог
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17

Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43

Глава 44
Глава 45
Глава 46
Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54
Глава 55
Глава 56
Глава 57
Глава 58
Глава 59
Глава 60
Глава 61
Глава 62
Глава 63
Глава 64
Глава 65
Глава 66
Глава 67
Глава 68
Глава 69

Глава 70
Эпилог

Аннотация

Меня зовут Миррель, и я – пепельный маг. Да-да, из тех самых магов, которых боятся, сторонятся и в лучшем случае стараются не замечать. И угадайте, куда меня занесло? В Академию Света. Место, где почитают светлорожденных магов, а таких, как я, держат на особом факультете – только потому, что без нас мир развалится на части. Удобно, правда?

Здесь меня встречают косые взгляды, насмешки и, конечно, Его Высочество – принц Роэн, который уверен, что я недостойна даже стоять рядом. И знаете что? Он мне тоже не особенно нравится.

Вот только у судьбы на нас с ним другие планы. Потому что однажды заносчивому Высочеству кто-то всаживает нож в спину, и только моя «проклятая» магия дает шанс все изменить.

- Сильные эмоции
- Язвительная героиня с чувством юмора
- Герой, которого полюбишь не сразу, но навсегда

- Временная петля с эффектом «дня сурка»
- Академия, полная секретов и смертельно опасных испытаний

Анна Платунова
Другая история Золушки. Темная в академии Светлых

Пролог

У простых пепелушек и принцев прекрасных,
У скромняги-героя, у злого лжеца
Есть волшебный ресурс, до конца неподвластный
Никому-никому, кроме воли Творца.
Им мечтают владеть, управлять неделимо,
Но минуты бегут, как река в берегах,
Время жизни конечно и невосполнимо
Даже в сказочных самых, волшебных мирах.
Но есть то, что намного сильнее теченья
Быстрокрылых часов и стремительных дней,
В чем герои найдут свой успех и спасенье
От разрухи, забвенья, потерь и смертей.
То, что вечно, незыблемо, что существует
В каждом мире и даже за гранью его,
То, что терпит и верит, прощает, страхует,
То, что есть тайный смысл бытия для всего…
То, что время завяжет упругой петлею,
И заставит бороться с судьбой вновь и вновь,
И пожертвует, если так надо, собою…
Бесконечно чиста и чудесна… Любовь…[1]

---

1 Примечания: 1
Стихотворение Ольги Моисеевой

Вот она я. Сижу на полу в луже крови и держу на коленях голову мертвого принца. Высокомерного и наглого мерзавца. Наша взаимная неприязнь ни для кого не была секретом.

Так и скажут: «Эта темная наследника престола и порешила. Смотрите-ка, ножик изящный, женский из-под лопатки торчит! Бедный-бедный мальчик, пострадал от рук ужасных пепельных магов, как и его дед почти век назад».

— Роэн… — Я потрясла его за плечо, отчаянно надеясь, что случившееся — тупейший розыгрыш, очередная неумная выходка высочества. — Эй! Ты совсем мертв?

Роэн смотрел в потолок застывшим взглядом. Совсем мертв. Мертвее некуда.

Проклятье!

Когда я думала, что сегодняшний отвратительный день, который не задался с самого утра, хуже стать уже не может, оказалось, я плохо знаю возможности мироздания. День не просто стал хуже, он завершился настоящей катастрофой.

Кого обвинят в смерти принца? Конечно, единственного на первом курсе пепельного мага.

Хотела бы я оказаться в другом месте! Знала бы — обошла десятой дорогой.

Да что вообще высочество забыл в общаге тем-

ных магов? Один! Поздним вечером!

Я направлялась в свою комнату, когда он шатающейся походкой вышел из-за угла. Мне показалось, что Роэн пьян. Когда он всем своим немаленьким весом повис на мне, бормоча: «Эль, Эль…», я влепила ему пощечину.

Хочется верить, что не моя пощечина его добила. Ведь уже через мгновение он рухнул на пол, нехило приложился затылком, и притих.

Наверное, надо было развернуться и бежать. Не осталось бы следов крови на одежде и никаких доказательств моей причастности к преступлению.

Зачем, спрашивается, я бросилась рядом на колени? Я приподняла его белобрысую глупую голову и лишь тогда заменила, что из-под спины принца вытекает алый ручеек. Подумала, что он, падая, напоролся на острый камень — в заброшенном общежитии от стен отваливались куски и валялись повсюду, но, когда с трудом повернула мускулистое тело набок, увидела, что из спины Роэна торчит кинжал, всаженный по самую рукоять. Тонкую рукоять филигранной работы.

Роэн был ранен. Как выяснилось — смертельно.

Больше рассмотреть я не успела: вздрогнула и

отпустила руки.

Пару минут я сидела, уставившись вверх. Мы с Роэном будто надеялись найти на покрытом плесенью и влажными разводами потолке ответ на риторический вопрос «Что за?!..».

Мысленно я орала. Долго. Отчаянно. Употребляя слова, о наличии которых приличная девушка вовсе не должна догадываться.

Потом потихоньку отползла, встала, держась за стену, и, отдышавшись, припустила по коридору.

Я никому не собиралась сообщать о смерти Роэна. Меня здесь не было! Ничего не знаю и знать не хочу.

Учитывая отвратительный характер этого венценосного засранца, я вообще не удивлена, что его укокошили. Туда ему и дорога!

Глава 1

«С радостью спешим уведомить, что Миррель Лир прошла вступительное испытание и зачислена в Академию Люминар…»

Я не верила своим глазам. Когда я вынула из почтового ящика, полного желтой осенней листвы, простой конверт с печатью Академии — свиток и молния, — я не сомневалась, что меня ждет вежливый (или не очень) отказ. Когда в Люминар в последний раз зачисляли пепельных магов? Лет пять назад? Или еще раньше?

На бумаге и светлорожденные, и пепельные маги имели равные возможности и право на обучение в академии магии. Век назад, при открытии Люминара, так и было. Учебные корпуса для светлых — стройные, вытянутые вверх здания со стрельчатыми окнами. Учебные корпуса для пепельных — массивные, наполовину погруженные в землю, чтобы выстоять в случае неконтролируемого выброса силы. Все знают, что пепельная магия — магия хаоса, и невозможно точно предсказать, какой дар разовьет в себе ее обладатель.

Общежитие для пепельников не ремонтировалось лет семьдесят. Ну да, семьдесят. Как раз с попытки государственного переворота, когда пепельный маг Гай Эриус, обладавший даром внушения, и горстка верных ему людей пытались убить короля Роэнмара. Убить не убили, но сделали калекой, а от дворца не оставили камня на камне, как, впрочем, и от всей старой столицы. Поверьте, даже горстки пепельных магов более чем достаточно, чтобы разнести город в щепки.

— Что это у тебя, Елка?

Любопытный младший братец зашел было в дом, но, не дождавшись меня, вернулся и теперь подпрыгивал, силясь прочитать короткие строчки официального приглашения. Он скакал на носочках, и отросшая темная челка взлетала и снова падала ему на лоб.

Темные волосы сразу выдавали в нем будущего пепельного мага. Хоть что с ними делай, хоть всю ночь сиди со жгучей вытяжкой кислицы на голове: пряди осветлялись на день, самое большее на два — потом снова темнели. Маги хаоса несли этот цвет волос как несмываемое клеймо. После того как Гай Эриус и его приспешники по камешку разворотили Куарон, у простых людей черный цвет волос ассоциировался с черными

мыслями и черной душой.

Так и получилось, что в новой столице, выстроенной по другую сторону реки, пепельных магов постепенно оттеснили на задворки города. Пепелище Куарона, разрушенные башни и остовы домов никуда не делись и до сих пор служат напоминанием коварства пепельников и их темных сердец.

Никто не хотел становиться нашими соседями. Никто, кроме воришек, любителей горячительного и прочих несчастных, но у них, по сути, и выбора-то не было. Стоило кому-то поправить дела, как они драпали из неблагополучного района, сверкая пятками.

Надо ли говорить, что о приличной работе такие, как мы, могли лишь мечтать?

Моей семье еще повезло. Мама с юности работала на богатую семью Веймер, а потом и меня пристроила служанкой. Моя сестра, когда чуть-чуть подрастет, пойдет по нашим стопам. С раннего утра до позднего вечера мы драили полы, стирали, гладили, выгребали золу из каминов — делали самую черную работу по дому.

— Какая ты… грязная! — заявил мне как-то сын хозяина, вредный подросток.

Он застыл в дверях и разглядывал меня, брезг-

ливо наморщив нос.

— Настоящая пепелушка! Или золушка! Вот!

Я отложила совок, которым чистила камин, и медленно поднялась.

— А не боишься, что пепельный маг тебе твои худосочные ножульки узлом завяжет, эйр Веймер?

— Ты не маг, — пискнул мальчишка, но на всякий случай попятился. — Дар могут развить только в Люминаре!

— Ты уверен? — загадочно улыбнулась я.

И громко ударила в ладоши — от шлепка взвилось темное облачко сажи.

— Я все папе расскажу! — заорал паршивец, улепетывая по коридору.

— Смотри не споткнись! — напутствовала я его. — Береги ножульки!

Наверное, всем понятно, что меня, строптивую и язвительную служанку, держали в доме только благодаря многолетней службе матери. Они с эйри Веймер знакомы с юности. И, кажется, когда-то дружили, что странно. Не знаю, что там за история и как могли подружиться настолько разные по происхождению девушки.

…Брат затеребил меня за рукав.

— Эй, Елочка! Чего ты застыла! Что там напи-

сано?

— Сколько раз я просила, чтобы ты не звал меня Елкой? — рявкнула я на мелкого, он аж отпрыгнул. — Миррель! Или Эль!

Когда Себастьян учился говорить, он перековеркал Эль в Ель. Ладно, малышу я готова была простить ошибку, но скоро меня принялась называть Елкой и Элиза, а потом и мама. Дурацкое имя прижилось.

— Ты такая же колючая, как елочка, — разводила руками мама. — Не обижайся, Эль.

— Спасибо, что не зелененькая! — привычно ворчала я.

Бороться с прозвищем было примерно так же эффективно, как с непогодой. Пришлось смириться, что мама, Лиза и Себ продолжат звать меня Елкой. Но больше никому я бы не советовала повторять их ошибки! Ради его же собственного спокойствия!

Я снова с начала до конца перечитала текст, напечатанный на листе. Всего несколько строк. Но они могли полностью перевернуть мою жизнь.

«С радостью спешим уведомить, что Миррель Лир прошла вступительное испытание и зачислена в Академию Люминар. Ей следует прибыть с вещами к центральным воротам в последний

день лиственя и приложить ладонь к распределяющему диску».

Последний день лиственя. Завтра.

— Ну держитесь! — заявила я в пустоту невидимым распорядителям.

Глава 2

Вступительные испытания для желающих учиться в Люминаре проводятся в последнюю неделю весны. Я помню, что стояла прекрасная летняя погода, у меня впервые за месяц выдался выходной, и мама предложила прогуляться.

— С уборкой по дому мне сегодня поможет Лиззи и Себ…

— Чего это я-то?

— И Себ, я сказала! А ты иди, Елочка, иди, подыши свежим воздухом. Вон, на речку сходи. Ты видела, в честь начала испытаний в академии старый мост через Быстрянку обновили? Покрасили белой краской и доски заменили, теперь точно никто в воду не свалится.

— Это вдохновляет, — проворчала я.

Мне вовсе не хотелось тратить единственный день отдыха на бесцельное шатание по берегу Быстрянки. Мама разогнулась, откинула тыльной стороной ладони волосы — но все равно испачкала лоб мукой, она как раз лепила пирожки из ржаной муки — и внимательно посмотрела на меня.

— Иди, Эль, — произнесла она тихо и будто с намеком. — Иди погуляй.

В непроизнесенных словах мне слышалось: «А если заглянешь в приемную комиссию, то я ругаться не стану».

Эх, мама. Разве ты не понимаешь, какая это глупая затея? В Люминаре не видели пепельных магов уже несколько лет, и ходили упорные слухи, что Адриан II лично распорядился не принимать на обучение носителей магии хаоса, чтобы не воспитать ненароком нового отступника и убийцу королей.

Такое его желание вполне понятно. Если бы моему деду оторвало руки, я бы тоже предпочитала не рисковать. Подумаешь, всех темноволосых магов согнали в гетто, не убили же.

Сарказм чувствуете, надеюсь?

На самом деле во мне закипала кровь, когда я начинала думать о несправедливой судьбе, уготованной пепельникам.

А ведь, между прочим, десять лет назад именно пепельный маг спас королевство от несущейся из небесной тверди взбесившейся хвостатой звезды. Оказалось, что твердь не такая уж твердь, по крайней мере для звезд. Первые обломки градом посыпались на Нов-Куарон, и разделил бы он

судьбу старого Куарона, если бы не тот парень с гладкими черными волосами, собранными в хвост.

Имени его никто не знает. Академии он не оканчивал. Пришел из ниоткуда, развеял в пыль хвостатую звезду и ушел в никуда.

На такое способны только маги хаоса. Их дар может быть каким угодно. Новым, сильным, совершенно непредсказуемым. Спасительным. Или, увы, смертельным.

То ли дело предсказуемые светлорожденные маги. С такими ясными и такими скучными дарами. Ладно, ладно, я ничего не имею против целителей или заклинателей погоды, бытовиков и боевых магов — пусть те умеют лишь пускать молнии и огненные сферы. Но ни один из них не переставит с места на место гору и не повернет реку вспять, не сможет управлять животными, поднимать мертвых.

Я тоже что-то такое могла. В моей груди дремал пока не разбуженный удивительный и необыкновенный дар. Тлел, будто уголек, пока не заметный никому. Вот только если вовремя не раздуть его в пламя, мой дар так и умрет под гнетом золы, потухнет. И я никогда не узнаю, каким сильным магом я могла бы стать.

Наверняка и попечители Люминара понимали, что королевство нуждается в пепельных магах. На случай новой хвостатой звезды, нашествия саранчи или смертельной эпидемии. Поэтому изредка нас все-таки принимали в академию. Как запасной вариант. Мало ли. Небо снова рухнет на землю, а в Нов-Куароне ни одного завалящего мага хаоса нет. Неловко получится.

Мама не просто настойчиво отправляла меня прогуляться в тот солнечный весенний день по мосту через Быстрянку на другой берег, где неподалеку от руин старой столицы возвышались здания академии. Она едва ли не прямым текстом мне говорила: «Рискни, дочка! И будь что будет!»

— Прогуляюсь, — мрачно согласилась я.

И в итоге догуляла до ворот Люминара, где уже толпились светловолосые соискатели. При виде меня они расступилась, будто им навстречу шла не симпатичная — смею надеяться — девушка, а зубастое чудовище.

Я подавила в себе желание изобразить пальцами растопыренные когти и сказать: «Гррр!»

— Спасибо, что пропустили вперед! — мило улыбнулась я и, пройдя через арку во внутренний двор, оказалась у развилки дороги.

За воротами обнаружился указатель, сотво-

ренный, по-видимому, каким-то косоруким двоечником, отрабатывающим пропущенные занятия. Тонкая желтая стрелка мерцала, будто в предобморочном состоянии. Надпись, которая то появлялась, то исчезала, гласила: «Вступительные испытания светлых магов».

Черная стрелка, извиваясь как червяк, указывала на заросшую травой тропинку, терявшуюся в дебрях академического парка. И без надписи можно было догадаться, куда приглашают пепельных магов. Спасибо, что не сразу на тот свет.

Я в одиночестве пошла по узкой тропинке, с трудом протискиваясь между переплетенных ветвей. Давненько здесь никто не ходил!

Глава 3

Учебный корпус, где проходили вступительные испытания пепельных магов, представлял собой печальное зрелище. Когда-то ухоженные газоны заросли колючками и сорняками, сквозь побеги плюща, плотно овивавшие стены, зияли пустыми глазницами окна. В них притаилась тьма.

Могу себе вообразить, как весело здесь учиться в зимний мрачный день, когда и сейчас, солнечным ясным утром, мне сделалось не по себе, а по коже побежали мурашки. Казалось, что в полуразрушенном корпусе может скрываться какое угодно зло, а темнота внутри была не просто темнотой, а воплощенной душой сотен пепельных магов, когда-то учившихся здесь.

Я тряхнула головой, сбрасывая наваждение. Мне ли, рожденной магом хаоса, бояться жалких колючек и выбитых окон! Это пусть мягкотелые светлорожденные неженки шарахаются от собственной тени, как и от всего, в чем есть хоть немного темноты.

Поговаривали, что на учебной территории пепельников до сих пор бродят порождения ма-

гии хаоса, отловить их или еще как-то с ними бороться никто не решился, поэтому академию разделили внутри магической границей, переступить которую чудовища не в силах. Неженки могли их не опасаться. А вот я явилась прямиком в логово и могла лишь надеяться, что тварюшки не примут меня за завтрак. Глупый, отчаянный завтрак, идущий к ним в пасти.

На пороге корпуса — дверей, кстати, не наблюдалось — я громко потопала и похлопала, распугивая чудищ. Если таковые имелись. Ведь слухи вполне могли оказаться городской легендой: страшилкой, которую перед сном любят рассказывать друг другу дети.

На устроенный мной грохот в коридор высунулся человек. Глаза после яркого света еще не привыкли к темноте, поэтому я разглядела лишь силуэт. Руки, ноги, голова. Точно человек. Надеюсь!

— Это какой-то ритуал на удачу? — саркастично осведомился он. — Или вы пытаетесь привлечь сумеречных тварей?

— Пытаюсь отпугнуть! — честно призналась я.

— Не получится, — спокойно ответил он. — Сумеречники не из трусливых. Однако сейчас не их время, они не любят свет. Появляются после

заката.

— Так это правда? Ого!

— Очень многое, что болтают об Академии, правда, дитя. И лучше тебе об этом не знать. Не хочешь зайти в аудиторию? Полагаю, так разговаривать будет удобнее.

— Да-да!

Я поспешно преодолела расстояние между входом и распахнутой дверью в кабинет — здесь хотя бы имелась дверь! — и кинула мимолетный взгляд на преподавателя. По голосу он мне показался мужчиной средних лет, но я ошиблась. Да, он сохранил неплохую осанку, и фигура его еще была крепка, но многочисленные морщины выдавали возраст. К тому же мой экзаменатор оказался полностью лыс. Совершенно. Его макушка была гладкой, как куриное яйцо.

Странная ассоциация, согласна. Но что поделать, если его продолговатая голова всем своим видом напоминала яйцо. Да и кожа молочно-белого цвета, будто ее обладатель никогда не выходит на солнечный свет. Как сумеречник, ха-ха.

Мало того, что у мужчины не оказалось волос, так и бровей я не обнаружила, лишь складочки на том месте, где они должны находиться. Это

придавало преподавателю — точно, теперь я заприметила и потрепанную академическую мантию — одновременно строгий и комичный вид.

И главное, совершенно непонятно: светлый передо мной маг или пепельный?

— Магистр Морвин Кроу, — представился он, будто прочитал в моих глазах невысказанный вопрос. — Пепельный, моя юная коллега.

— А я…

Он махнул рукой и прервал меня:

— Мне нет никакой нужды запоминать твое имя, пока не пройдено испытание.

Как практично! Я так удивилась, что даже забыла обидеться.

— Ну давайте, испытывайте, — грубовато бросила я, осматриваясь.

Учебная аудитория в общем-то не слишком отличалась от класса в бесплатной школе, которую я посещала семь лет. Обычно обучение длится четыре года, но мне повезло, меня отобрали как наиболее толковую ученицу. Моя дорогая учительница надеялась, что сможет дать мне лучший шанс в жизни, воспитав из меня гувернантку. Я на отлично окончила сложный курс, да только никто не хотел нанимать черноволосую

девушку своим детям. Вроде на вид она невинна и мила, но кто знает, какие темные мысли роятся в этой хорошенькой головке.

Не знаю, почему пробудились воспоминания. Может быть, их оживили поцарапанные парты и грифельная доска на стене?

В центре аудитории на столе возвышалась гипсовая ваза. Поодаль на преподавательской кафедре — еще несколько таких же ваз. Ясно — расходный материал. Что мне нужно с ней сделать?

— Сейчас твоя магия напоминает крошечный огонек на кончике спички — слаба и неопасна. Вряд ли ты когда-то замечала ее присутствие. — Магистр Кроу зашел издалека.

— Хм… Да.

— Мой дар — усиливать многократно любую магию, но совсем ненадолго, на несколько секунд. Этого времени должно хватить, чтобы ты сделала что-нибудь с этой вазой.

— Что? — не поняла я. — Что-нибудь? Это как?

— Отдайся инстинкту. Выплесни энергию. Поглядим, что получится.

Я обошла вазу по кругу. Интересно, что может получиться? Я разнесу ее в крошку? Заморожу? Испепелю? И можно ли вообще испепелить гипс?

Превращу в медь или золото?

Зачем гадать, надо пробовать!

Честно, сделалось тревожно! Конечно, я с детства понимала, что в моей крови дремлет дар магии хаоса, но это было сродни уверенности, что на вершине Кристального пика лежит снег и что на юге в теплом соленом море водятся поющие рыбы. Все про это слышали, но мало кто видел.

— Давай, не тяни! — подстегнул меня голос экзаменатора, сделавшийся суровым.

— А куда торопимся? — съязвила я. — Я что-то не вижу очереди у дверей!

— Быстро! — В голосе зазвучал металл.

И то ли от неожиданности, то ли от поспешности я вздела руки. Кожа на ладонях сделалась горячей, я ощутила движение воздуха, будто толкнула пустоту пальцами, а она отозвалась.

Ваза исчезла. Просто растворилась в воздухе.

— М-да… — протянул магистр Кроу с долей разочарования.

И тут ваза вывалилась из пространства, с грохотом обрушилась на прежнее место, закачалась туда-сюда на неустойчивом основании.

На белой поверхности гипса печатными буквами тянулась надпись: «Елка, это не закончится, пока ты его не спасешь!».

Так и не найдя равновесия, ваза, кувыркнувшись, с грохотом обрушилась на пол и разбилась на кучу осколков. А может, это грохотала моя отвалившаяся челюсть?

Елка! Мое домашнее прозвище знали только три человека, но едва ли мама и Элиза — Себ еще не умел писать — сумели бы оставить на вазе загадочные послания.

Что оно значит? Как его понимать? И какой из всего этого следует сделать вывод?

— Имя! — коротко потребовал эйр Кроу.

— Э-э… Миррель Лир.

— Адрес!

— Может, запишете? — Я немного пришла в себя.

— Я запомню, не сомневайся!

Глава 4

Собирая меня в академию, семья не сомкнула глаз.

— Мама, ты не перепутала? Я отправляюсь на учебу, а не в тюрьму! — возмутилась я, вынимая из пузатого потрепанного саквояжа мешочек с сухарями. — Нас будут кормить, и весьма неплохо!

— Это на вечерний перекус, — протестующе всплеснула руками мама, и не успел мешочек опуститься на столешницу, как тут же перекочевал обратно к вещам. — Ты не забыла, что первокурсникам нельзя покидать стены Академии первые полгода? Ты не сможешь выйти в город, а я нечасто смогу тебя навещать.

— Я не то чтобы забыла, — пробормотала я. — Я про это впервые слышу! Вот это новости! И с чем же связан такой запрет? С тем, что неокрепший магический организм рискует подцепить неизведанную магическую хворь?

— Скорее наоборот, — улыбнулась мама, укладывая в саквояж яблоки: на это я смогла лишь вздохнуть, но больше не делала попыток избавиться от продуктов. — Пока студенты не

научатся мало-мальски обращаться со своей силой, они представляют некоторую опасность для обычных людей. Может произойти неконтролируемый выброс магии…

Мама со значением посмотрела на меня.

— Особенно у мага хаоса.

— Понятно…

Мне действительно не хотелось бы причинить вред ни в чем не повинным людям, пусть даже они и считают пепельников отбросами общества.

Скоро саквояж раздулся до невероятных размеров, и, когда я уже начала сомневаться, что дотащу его до Академии самостоятельно — тем более что на кресле ожидали упаковки тяжелое ватное осеннее пальто и ботинки на толстой подошве, — мама, хитро улыбнувшись, принесла из спальни уменьшающий артефакт, прозрачный кристалл в оплетке из серебра. Она опустила его в саквояж, и тот немедленно сдулся, как воздушный шарик, проткнутый иголкой.

— Мам, откуда у нас уменьшалка? Она же стоит целое состояние!

— Она досталась мне от мамы, а ей — от бабушки. Наш род не всегда ютился на окраине города, Эль. В старом Куароне род Неил занимал особняк

в центре, так что…

— О дивные старые времена! — закатила я глаза.

Я не любила этих бессмысленных разговоров о прошлом. Что было — не вернется, не правда ли?

Мама отвернулась и в молчании впихнула в саквояж пальто. Это выглядело как ловкий балаганный фокус — в недрах саквояжа исчез один рукав, второй, а потом и все пальто целиком. За пальто последовали ботинки — раз, два и готово.

Любопытный Себ сунул нос в открытый зев саквояжа, а потом одним пальцем приподнял его за ручку.

— Там на дне болтаются малю-юсенькие вещички! — известил он. — А мне можно туда залезть?

— Нет! — рявкнули мы с мамой одновременно, а я закончила: — Уменьшалка только на вещи действует. Ты не уменьшишься, а вот твои штаны и рубашка — да. И придушат тебя, глупого!

— Ну, ла-а-адно!

Потом мама принялась перешивать свое единственное нарядное платье. Мама, как и я, невысокого росточка, хрупкая, лишь чуть-чуть шире меня в талии. Платье висело в шкафу, защищенном заклинанием от моли и пыли, вот уже несколько лет. Мама покупала его на годовщину

свадьбы с папой и надела лишь раз.

Платье действительно было красивым: из тонкой, струящейся темно-синей ткани, в которой на свету поблескивали искры — так сверкает снег в солнечных лучах.

— Как я могу его забрать! — сделала я третью за вечер попытку отговорить маму. — Да мне и надеть его будет некуда! Мне выдадут форму. Не на занятия же я пойду в вечернем платье!

— Мало ли! — загадочно парировала мама.

— Елка пойдет в нем на свидание! — крикнул неугомонный Себ, а Лиззи уставилась на меня во все глаза.

— Какое свидание! — Я и в страшном сне не могла представить себя на свидании с белобрысым типом, а других в Академии не водится. — Разве что с сумеречником!

— Не говори так! — Мама испуганно прижала руки к груди. — Эль, обещай мне не выходить из комнаты после заката!

— Обещаю, обещаю, — с легкостью согласилась я, ведь я действительно не собиралась разгуливать по территории Люминара после наступления темноты.

Скоро с обновлением было покончено, и меня в шесть рук — две мамины, две Лизины и две

мальчишеские цепкие ручонки, которые скорее мешали, чем помогали, — обрядили в платье.

Мама отошла к стене, любуясь мной. Ее темно-синие глаза, так похожие на мои, затуманились слезами.

— Видел бы тебя сейчас отец…

— Мама, я не замуж выхожу! — грубовато ответила я.

Не хочу, чтобы она плакала, пусть лучше обижается на свою колючую и язвительную дочь.

Папа погиб несколько лет назад — внезапно, глупо и несправедливо. В Нов-Куароне случился небывалый пожар, в котором, к счастью, не погибли люди, но пострадали амбары с запасами зерна и муки, а значит, городу грозил если не голод, то весьма умеренное житье. Всем пришлось затянуть пояса потуже. И, конечно, в происшествии обвинили пепельных магов, кого же еще. Не обвинять же беспримерную жару и безжалостное солнце, которое настолько просушило крыши и стены, что достаточно было одной искры, чтобы занялось пламя.

Папа возвращался домой из мастерской, где работал. Он наткнулся на шайку подвыпивших мужчин, которые еще в трактире подзадорили друг друга разговорами о темноволосых негодя-

ях. Они, дескать, во всем виноваты! И надо же такому случиться, что на соседней улочке они натолкнулись на одного из них, мирно идущего к своей семье.

Никто не пришел к папе на помощь. Против целой толпы озверевших людей он продержался недолго.

Иногда я думала: как жаль, что его дар, каким бы он ни был, не проснулся перед лицом смертельной опасности. Ведь, говорят, так бывает. Дар может пробудиться у мага хаоса самопроизвольно в минуту большого волнения или страха.

Увы, папина магия, видимо, совсем потухла, осыпалась золой. Вдруг он родился кем-то сильным? Опасным? Разметал бы негодяев щелчком пальцев!

— Ты очень красивая, Елочка, — сказала сестренка, вытерла глаза и шмыгнула носом.

Я как стояла, так и села на подлокотник старенького скрипучего кресла, просевшего под моим невеликим весом.

— И что это я придумала? — упавшим голосом произнесла я. — Мои дорогие, как же я вас оставлю! Мама, как ты справишься без меня с уборкой? Лиззи еще должна учиться, ее нельзя забирать из школы. Вот что… Знаете… Я остаюсь!

И Элиза, и мама, и даже Себ, хотя, кажется, он не вполне понял, что происходит, — замахали на меня руками.

— Не вздумай отказаться от такого шанса! — Обычно мягкий и нежный мамин голос приобрел твердость, и я сразу почувствовала себя нашкодившей маленькой девочкой. — Мы справимся! Ты покидаешь нас не навсегда! А потом, когда окончишь Люминар и получишь лицензию мага, и Лиззи, и Себастиан получат шанс выбраться из гетто. Ты не только ради себя идешь учиться, но и ради нас — помни об этом!

Я кивнула, прикусила губу и раскрыла объятия. Мы вчетвером прильнули друг к другу, прижались головами.

— Я окончу Люминар, обещаю! — сказала я. — Мы выберемся отсюда! И… Себ, ты когда в последний раз чистил зубы?

Глава 5

Не поторопилась ли я, давая обещание маме? Если дела в Люминаре пойдут так же плохо, как в первый день, не уверена, что я продержусь четыре года обучения.

Впрочем, начиналось все хорошо. Распределяющий диск, как положено, вспыхнул алым цветом. Вспыхнул — значит, я действительно зачислена. А ярко-алый цвет указывал на факультет хаос-магии. В отличие от более четких разделений на направления у светлых — целители, бытовики, боевики и стихийники, — у темных существовал единственный факультет, так как наши дары были исключительными.

За воротами два старшекурсника-волонтера направляли новичков в вещевой корпус.

Как все же отличались светлая и темная половины Люминара! Как день и ночь! Вымощенная желтыми пятиугольными плитами дорога вела по ухоженной аллее к центральному зданию, массивному и величественному, с позолоченным сияющим шпилем — символом светлой магии, пронзающей мироздание. От дороги во все сто-

роны разбегались тропинки — к общежитию светлорожденных, к учебным корпусам, к полигонам, столовой, мастерским.

Над этой частью академии будто и солнце сияло ярче и приветливей.

Другое дело — темная половина: настоящие непроходимые дебри. Здесь деревья словно становились злее, искривляли стволы, отращивали колючки, и сухие обломанные сучья, будто стрелы, издалека целились в неженок-светлорожденных. В глубине парка — хотя больше напрашивалось слово «чаща» — прятались полуразрушенные здания, где в подвалах и чердаках таились сумеречники. Именно на темной половине мне предстояло жить. Какой кошмар.

Старшекурсник с волосами цвета льна, который только что ослепительно улыбался робкой блондинке-первогодку, посмотрел на меня, и улыбка слетела с его лица, как осенний лист под порывом ветра. Будто и не бывало! Из-за растерянности? Ведь не каждый год в Люминар зачисляли на обучение хаотиков. Или из-за неприязни?

— До главного корпуса, налево, обойти фонтан и до конца аллеи, где высажены клены. Там уже не заблудишься: увидишь очередь из первокурсников перед крыльцом, — сказал он.

— Вряд ли на светлой половине вообще можно заблудиться! — сказала я вместо «спасибо», да и он мне удачи тоже не пожелал.

У крыльца небольшого двухэтажного домика службы обеспечения группками и поодиночке томились светлорожденные неженки всех мастей. Волосы у них, при всей своей неизменно светлой гамме, отличались оттенками: от чуть более темного, почти русого оттенка до золотистого и даже снежно-белого. Волосы, заплетенные в косы. Волосы, завитые в локоны. Коротко остриженные волосы. Кудрявые. Гладкие. Со смешными чубчиками и вихрами. Как тут не почувствовать легкое головокружение?

Я срезала путь через аллею напрямик, внезапно вынырнула из-за дерева — все разговоры немедленно смолкли, а лица повернулись ко мне. Потом, не сговариваясь, неженки уплотнились, сгрудились, оставляя между собой и мной пустое пространство.

Мило. Так доброжелательно. Сразу видно: они рады появлению в Академии пепельного мага и совсем меня не опасаются.

— Ну и что же! — истерически пискнула девица в начале очереди. — Пепельники живут отдельно. Вряд ли мы будем часто видеть *её*!

«*Её*» прозвучало так, словно речь шла о диком существе, обычно обитающем в лесу, но совершенно случайно выбравшемся к людям. Если меня не трогать, я постою-постою да, глядишь, тихонько уползу обратно в болото, из которого вылезла.

Я поняла, что завязать непринужденную беседу вряд ли получится, но и начинать учебный год со ссоры тоже не хотелось. Я распрямила плечи и стала разглядывать резные перильца крыльца, верхушки деревьев и трещинки в камнях мостовой.

Светлорожденные, однако, не угомонились, наоборот, осмелели, не встретив отпора.

— Вам не кажется, будто дымом потянуло? — Девушка, стоящая передо мной, вынула из кармана надушенный кружевной платочек и демонстративно прижала его к вздернутому носику. — Такой, знаете, душок неприятный.

Ее спутница с круглым добродушным лицом взглянула на меня с улыбкой, вполне себе человеческой, чему я несказанно удивилась, но когда светлая заговорила, очарование развеялось. Девушка оказалась отнюдь не мила, а просто туповата.

— Так оно и понятно, милочка Бэт. Пепелушки

— грязнули. Так уж в них природой заложено. Да и работу делают самую черную. А может, это их природный запах. Они же пепельные маги!

Даже Бэт взглянула на круглолицую как на законченную дуру, не оценившую ее остроумного каламбура.

— Как ты сказала? — крикнул парень из стоящей поодаль группы плечистых и бравых будущих магов — явно боевики. — Пепелушка?

— Пепелушка, пепелушка… — понеслось из уст в уста.

Игнорировать поддевки становилось все сложнее, но полное безразличие и спокойствие — единственный выход. Другая, может быть, разрыдалась бы и бросилась прочь, чтобы навсегда забыть о неудачной попытке поступления в Люминар — да только такой вариант точно не про меня. К тому же за свою пока недолгую жизнь каких я только гадостей не наслушалась. Взять хотя бы мелкого поганца — эйра Веймера: вот уж кто мастак упражняться в попытках вывести меня из душевного равновесия.

Второй вариант — внезапно перейти в наступление и ударить заносчивого белобрысого парня в нос — тоже не подходил. По многим причинам. Две самые очевидные: драться я не умею и вряд

ли окажусь настолько быстрой, чтобы засранец не успел увернуться. Поэтому я избила его мысленно: удар под дых, в челюсть и припечатать сверху кулаком после того, как он согнется в три погибели!

— Смотрите, смотрите, *она* закусила губу! — тоненько взвизгнула та самая паникерша. — *Она* нас проклянет!

— У нее пока нет магии, как и у всех нас, — свысока успокоил ее будущий боевик. — Это просто слабачка, которая ничего не может! Вот, глядите!

Он отделился от толпы дружков и широким шагом направился ко мне. Я вцепилась в ручку саквояжа и застыла на месте, хотя при приближении этого плечистого типа инстинкт самосохранения вопил о необходимости бежать.

Парень сжал кулак и толкнул меня в плечо. Несильно, но от удара я пошатнулась и на шаг отступила. Что же, драться я не умею и не люблю, но, похоже, придется. Прищурившись, я оценила слабые стороны верзилы: отросшие пряди — в них можно вцепиться. Против такого только физическая сила поможет, моих острот он не поймет. Если не дам спуску, он, глядишь, и не полезет больше.

— Видите? Вообще не страшно!

— Ты такой смелый! — с деланым восхищением протянула я. — Просто молодец!

Белобрысый стиснул губы и кулак, явно собираясь приложить меня со всей мочи.

— Альб, — пророкотал за моей спиной мужской голос. — Не стоит пачкать руки о грязнуль.

Я обернулась. К вещевому корпусу приближался очередной заносчивый светлорожденный в сопровождении двух парней ему под стать — таких же высоких и статных. Этот неженка отнюдь не выглядел неженкой, да и по возрасту казался старше зеленых первокурсников года на два-три. Первым делом мне бросились в глаза выпендрежный яркий дуплет из шелка — я впервые видела дуплет из шелка! — и гладкие длинные волосы, дающие фору любой моднице. Не замучился он, бедный, за ними ухаживать?

Незнакомец прошествовал мимо меня, не повернув головы и не удостоив мимолетным взглядом, а вот Альба дружески хлопнул по спине и нажал на предплечье, заставив опустить руку. Впрочем, тот не сопротивлялся, восхищенно глядя на вновь прибывшего обалдевшим.

— Бери пример с меня, — властно велел Златовласка. — Я обращаю на пепельников внимания не больше, чем на пыль под ногами. Ты ведь не

станешь тратить силы на пыль?

И вот тут мне сделалось так обидно! Так обидно, что разум немного отказал.

Я ждала и внутренне готовилась к неприязни, страху и агрессии — их и получила. Но полное пренебрежение моим человеческим достоинством, сравнение меня — подумать только! — с дорожной пылью, выбило из колеи сильнее издевок и истеричных писков.

— А что так поздно в Академию поступил? — услышала я свой самоуверенный голос. — Матушка не пускала?

Златовласка всем корпусом развернулся ко мне и посмотрел с некоторым удивлением, как на внезапно оживший и заговоривший пенек. Во всяком случае, теперь он меня заметил!

— Волновалась за дитятко?

Слова срывались с моих губ быстрее, чем я успевала их осознать. Меня внутри всю трясло от возмущения, но внешне это никак не проявлялось. Притихшие и обалдевшие светлорожденные видели только наглую девицу, нарывающуюся на неприятности!

Златовласка изогнул бровь: мол, продолжай, продолжай, ни в чем себе не отказывай.

— Ты ведь на факультет боевых магов поступа-

ешь, правильно?

Златовласка не снизошел до разговора с «грязнулей», вместо выпендрежника ответил его спутник:

— Да, на боевой.

— Оно и видно! Сразу так и поняла — боевик! Плечи широкие!..

Уголок рта Златовласки дернулся в подобии улыбки.

— Голова маленькая! — закончила я.

Кто-то нервно хихикнул, но смех быстро оборвался, будто студенту заткнули рот.

— Можно я ее убью? — выкрикнул Альб, но голос дал петуха, и завершил он шепотом: — Ваше высочество!

Ох, сажа мне на язык! Сколько раз мама просила подумать десять раз, прежде чем высказаться вслух. Это я, выходит, наследного принца Роэнмара сейчас поддела?

Вместо того, чтобы принести извинения, я, не иначе как в полном смятении чувств, добавила:

— По уставу в академии все равны! На территории Люминара нет аристократов и нет слуг!

Златовласка, или, как выяснилось, принц Роэн, облил меня холодным презрением, повернулся к Альбу, верноподданнически таращившему на

него глаза.

— Пыль, мой отважный друг. Просто пыль. Помни об этом.

Глава 6

Перед фееричным знакомством с сиятельным высочеством меркли все прочие неприятности. И то, что кастелянша выдала мне форму, траченную молью, и убогая запущенная комната в общежитии, и торжественный вечер встречи первокурсников, на котором мы с магистром Кроу выглядели двумя белыми воронами. Вернее, если уж быть ближе к правде — черными воронами в стае непуганых белых ворон.

Но обо всем по порядку!

— В платье дыра! И… И не одна!

Я продемонстрировала суровой старушке, стоящей за прилавком вещевой службы, россыпь мелких дырочек на подоле темного-серого платья. Декоративное черное кружево на воротничке с одной стороны явно пожевали мыши, а в правом рукаве устроили себе гнездышко лохматые гусеницы. Я еще не рассматривала мантию и теплую жилетку, но подозревала, что меня и здесь ждут неприятные сюрпризы.

— Тю! Это ж разве дыра! — бодро парировала старушенция и уперла сухонькие кулаки в бо-

ка. — Вот дыра!

Она достала из-под прилавка другое платье и вдела пятерню в прореху.

— Я и так уж расстаралась ради такого нежданного пополнения! Форму факультета уж лет семь как не обновляли, а новее она не становится, сама понимаешь! По сусекам поскребла, так что бери, дорогуша, что дают, лучше все равно нет!

Я с грустью посмотрела на сложенные стопочкой на краю стола платья для факультета бытовиков. В общем-то, форма отличалась только оттенками ткани и вышивкой на левом плече, но эта вышивка с символом факультета меняла все. У бытовиков она представляла собой стилизованное изображение ключа, у хаосмагов — круг, пересеченный молнией.

— Шить-то умеешь? — с неожиданным участием спросила кастелянша.

Несмотря на грубость, она мне нравилась. У старушенции имелось одно явное достоинство — она меня не опасалась. Такие, как эта пожилая женщина, не испугались бы и несущегося на них разъяренного быка.

— Умею. — Я сгребла стопку одежды и зажала ее под мышкой.

В конце концов, студентам Академии не запре-

щалось перешивать форму и украшать ее, нельзя убирать только символ факультета. На городской ярмарке я частенько встречала студентов Люминара — и парней, и девушек — в измененной до неузнаваемости форменной одежде. Девчонки отрезали юбки выше колен или, наоборот, вставляли клинья, удлиняли рукава, нашивали на ткань бусины и лоскутки. Самовыражались как могли, ведь одинаковая одежда — это так скучно.

Парни от них не отставали. Я сначала удивлялась, увидев узор из стекляруса на груди мужественного боевика, обметанные толстой белой ниткой манжеты, золоченые позументы на плечах, а потом поняла, что это некие знаки доблести, неофициальные, но ценные. И наверняка парням помогали их девушки.

Вот и я художественно заштопаю дырочки на подоле, будто так и было задумано! Вот только с собой в академию я захватила белые и черные нитки, ни одной цветной, нужно будет их где-то раздобыть.

Я отошла к фонтану, где пристроила на бортик саквояж и сунула внутрь форму, чтобы освободить руки. Так, и куда дальше? Из-за верхушек деревьев выглядывала двускатная крыша обще-

жития на темной половине. В красной черепице чернели прорехи, напоминая выпавшие чешуйки на шкуре дракона.

Я могу занять любую комнату в пустом здании? Видимо, да. Никого не потесню: я единственный пепельный маг не только на первом курсе, но и вообще среди студентов.

— Провожу! — каркнул в ухо скрипучий голос.

Я едва не подскочила.

— Напугал, — не спросил, а скорее констатировал магистр Кроу — именно он стоял у моего левого плеча.

Без лишних разговоров он подхватил мой саквояж, удивился его весу — безбровные бугорки сдвинулись к переносице — и зашагал вперед, не оборачиваясь.

Тропинка едва-едва виднелась в траве, а ведь когда-то она была такой же широкой, как дорога на светлой половине. Сквозь зеленые стебельки и опавшие листья можно было разглядеть потрескавшиеся пятиугольные плиты.

— Я смогу занять любую комнату? — спрашивала я у прямой спины.

Вот ведь пожилой человек, а бегает как молоденький! Куда он так несется? Я аж запыхалась. Полон сил, но, видимо, глуховат: на вопрос ма-

гистр Кроу не ответил.

— Можно располагаться в любой комнате? — крикнула я.

Во время вступительного испытания я не заметила, чтобы у преподавателя имелись проблемы со слухом. Закралось подозрение, что он меня попросту игнорирует! Никак не ожидала такого пренебрежения от собрата-пепельника.

Меж тем мы ступили в пустой и гулкий холл общежития. В большое трехстворчатое окно первого этажа врывался солнечный свет и свежий ветер, что неудивительно, ведь в рамах не осталось стекла. Входных дверей, по обыкновению, тоже не обнаружилось. У стены притулился продавленный и подранный когтями диван, из которого торчали пучки ваты. Пол усеивали листья и грязь. С потолка свисал остов когда-то красивой люстры, на проволочном ободе кое-где остались сверкающие стеклянные капли.

Пахло сыростью и котами.

— Кто же здесь подкармливает кошек? — задала я вопрос и в следующий миг оценила его нелепость.

Сами кормятся: мышей здесь наверняка водится в достатке.

Магистр Кроу оглянулся и посмотрел на меня с

кривоватой усмешкой.

— Это кошки подкармливают собой сумеречников. Если, конечно, забредают на темную половину. Чего обычно не случается: кошки — умные создания.

Так эти следы когтей? Этот неприятный запах?.. О-о…

— Можно мне поселиться в другом общежитии? — взмолилась я. — Хоть в крошечной каморке! Меня же сожрут!

— Не сожрут, если будешь осторожна! — отрезал магистр. — Поверь, здесь тебе будет лучше! Пойдем!

Он снова целенаправленно зашагал вперед, на этот раз по лестнице на второй этаж. Подвел меня к двери. Второй этаж общежития казался менее запущенным, во всяком случае, на полу сохранились вытертые до белесых пятен коврики, а окна в коридорах остались целыми.

— Будешь жить здесь! — Преподаватель кивнул на дверь, вернул мне саквояж и вынул из внутреннего кармана сюртука ключ. — Я зачаровал комнату: наложил защитное заклинание от сумеречников. Здесь ты будешь в безопасности после заката. А до заката и вовсе опасаться нечего. Выше нос, ученица!

Невольно повинуясь приказу, я задрала нос, и в этом носу тут же предательски защипало. Суровый магистр неловко пытался меня подбодрить, и я вдруг поняла, что ужасно соскучилась по маме, Лизе и Себу. В ближайшие месяцы мне не с кем будет и словом добрым перекинуться, не говоря уж о теплых объятиях.

Глава 7

— Располагайся и отдохни. В шесть вечера на площади у центрального корпуса общее построение академии. Ректор произнесет речь в честь новых студентов Люминара…

— А можно не ходить? — живо поинтересовалась я. — Моего отсутствия и не заметят!

Магистр Кроу почесал отсутствующую бровь и сказал:

— Боюсь, заметят. Тебе все равно придется присутствовать на общих занятиях с другими первокурсниками, лучше сразу привыкать.

— А что у меня будете преподавать вы? — прямо спросила я.

— Я подготовил для тебя индивидуальный учебный план. Иногда очень полезно быть единственным студентом факультета. Все мое внимание сосредоточится на тебе!

Даже не знаю, радоваться по этому поводу или грустить. Судя по загадочному прищуру темных глаз, магистр Кроу готовился приняться за меня всерьез и выместить весь свой нерастраченный преподавательский пыл на единственном учени-

ке. Одно успокаивало: вряд ли пожилой магистр станет много времени уделять тренировкам. Это пусть будущие боевики носятся по полигону.

Я сама не видела, но говорят, там оборудована учебная деревушка с домишками-развалюхами, с оврагами, колодцами, кирпичной стеной, окружающей поселение. Деревушка то горела ярким пламенем, то переживала потоп. Снежные заносы и нападения варварских племен — кто, интересно, выступал за варварские племена? — тоже не были редкостью. Натаскивали будущих боевиков по полной. Жаль, не увижу принца Роэна, по-пластунски ползущего по проселочной дороге. Пожалуй, он бы иначе взглянул на пыль под своими ногами.

— Жду тебя у входа без четверти шесть. — Голос магистра выдернул меня из сладкого видения: распластанный на земле принц, похожий на судорожно извивающегося червяка.

Комнатушка в заброшенной общаге не обманула ожиданий. Она оказалась ровно такой запущенной, сырой и хмурой, какой я ее и представляла.

Правда, присмотревшись, я снова испытала прилив благодарности к суровому магистру Кроу. Он наверняка проследил за тем, чтобы комнату

приготовили к заселению единственного студента факультета хаосмагии. Кто-то — неужели он сам? — приладил к дверцам шкафа и тумбочки явно неродные им ручки, заменил ножку кровати, подремонтировал старенький стул. Я его пошатала — он стоял устойчиво и даже не скрипнул.

Но главное — в закутке, отделенном от спальни занавеской, обнаружилась душевая с новенькими водными кристаллами для горячей и холодной воды. Дома мы использовали только голубоватый холодный кристалл, а воду грели по старинке, на плите. Очень уж дорого магистихийники просили за свои услуги. Розовые кристаллы еще и приходилось постоянно обновлять за половину стоимости.

Не веря своим глазам, я повернула кран над розовым кристаллом, сунула руку под теплую струю и ощутила себя особой королевских кровей! Это что же получается? Я каждый вечер, а то и каждое утро смогу беспрепятственно принимать горячий душ? Живем!

— Спасибо, магистр Кроу, — прошептала я.

Воодушевленная, я занялась починкой формы. На месте дырочек, прогрызенных молью, я задумала вышить снежинки. Но что-то пошло не

по плану.

Выяснилось, что я забыла дома белые нитки, взяла только черные, поэтому вышитые ими на подоле снежинки больше напоминали пауков. Вблизи еще не так, а вот издалека… Я отошла к окну и критически осмотрела раскинутое на кровати платье. Так и есть: стая пауков, явно задумавших недоброе, воинственно марширует по своим злодейским делам.

Ну просто хрестоматийная злая колдунья из сказки!

Впрочем, укрась я форму хоть розовыми единорогами, от этого я бы не перестала быть пепельным магом, пользующимся дурной славой.

Подумав, я вышила мохнатого паука на рукаве мантии. Гулять так гулять!

Я так увлеклась рукоделием, что потеряла счет времени. Издалека донесся приглушенный звон колокола, отмечающий половину часа. Но какого именно? Пятого или уже шестого?

Свет за окном сделался рассеянным и приглушенным, солнце постепенно клонилось к закату. Как быстро пролетел день! Я выглянула наружу — выяснилось, что окна моей комнаты выходят на крыльцо — и увидела магистра Кроу, который листал тонкую книжицу, опершись о стену, и

поджидал меня.

Пятнадцать минут до выхода! Благо форма готова, а с растрепавшейся косой я тоже быстро управилась: переплела ее и чуть пригладила водой пушистые пряди. Они у меня так и норовят выбраться из прически!

Мы с магистром явились на построение последними, когда все факультеты уже расположились напротив крыльца центрального корпуса.

Полукружие крыльца казалось сердцевиной цветка, а сектора-лучи — его лепестками. Цвет формы варьировался от серо-зеленого у целителей, серо-коричневого у боевиков, лилово-серого у стихийников и серо-желтого у бытовых магов до серо-серого, уныло серого цвета моей формы. Формы пепельного мага.

Или лучи представляли солнце? Точно, солнце, как я сразу не поняла!

Гармонии в нем явно недоставало, ведь на месте пятого сектора виднелся жалкий обрубок в лице магистра Кроу и меня — единственной первокурсницы.

Рядом с нами вытянулась шеренга бравых боевых магов. Где первогодки, где выпускники этого года — почти не различить. Все высокие, широкоплечие, суровые. Девушек среди них не

наблюдалось. Если не считать Златовласки, застывшего в последнем ряду.

Принц был на полголовы выше своих собратьев по факультету и выглядывал из-за моря светловолосых голов как крокодил, затаившийся в воде. Такой же невозмутимый и хладнокровный.

Так, и зачем я на него смотрю?

А зачем он смотрит на меня?

Я поспешно отвернулась и уставилась на ректора. Высокий мужчина со светлыми — а как иначе? — волосами вот уже несколько минут толкал проникновенную речь о равных возможностях обучения в академии Люминар. О свете и тьме как неизменных составляющих жизни.

Неужели ради меня так расстарался? Наверняка магистру — м-м-м… Янгвину, кажется, именно этим именем было подписано официальное приглашение — доложили об инциденте в очереди за формой. Если бы добряки-светлорожденные разорвали на лоскутки злобного пепельного мага, это плохо сказалось бы на репутации Люминара.

Я скосила взгляд на ряды боевиков. Они же открыто пялились на меня. Судя по стиснутым челюстям и прищуренным глазам, речью магистра Янгвина они не слишком прониклись.

Дернул меня кто-то оглянуться! Естественно,

Златовласка по-прежнему сверлил меня взглядом. То-то я чувствовала в затылке неприятное жжение!

Не сдержавшись, я изобразила в его сторону щелчок большим и указательным пальцем: «Отвали!» Ну, это если перевести на приличный язык. У принца глаза полезли на лоб.

Мама очень старалась уберечь своих детей от влияния улицы. Район у нас неблагополучный, всем известно. За углом ночлежка, где днем и ночью ошиваются личности самого низкого пошиба. Этот жест у них еще самый пристойный!

Моя мама, добрая, воспитанная мама, упала бы в обморок, увидев, что любимая старшая дочь ведет себя как девица легкого поведения.

— Студентка Лир, встаньте прямо и смотрите вперед! — прошипел магистр Кроу.

Я выпрямилась и честно попыталась вникнуть в приветственную речь ректора, но слова скользили мимо ушей, которые, к слову сказать, горели от стыда.

«Завтра начну заново! — думала я. — И всем докажу, что пепельники достойны уважения!»

Мои бы слова да Пресветлому в уши. Вот бы посмеялся!

До нового дня, кстати, надо было еще дожить,

а пока и у старого для меня сюрпризы не закончились.

Глава 8

После построения состоялся традиционный торжественный ужин. Кураторы факультетов выстроили подопечных и строем повели в столовую. Наконец-то! Признаюсь, последние полчаса я все чаще вспоминала о маминых сухарях.

Павильон столовой в честь праздника украсили гроздьями фонариков, длинные столы накрыли скатертями с эмблемами и цветами факультетов. Проголодавшиеся студенты оживленно переговаривались, смеялись, приветственно махали знакомым, рассаживались на местах, с шумом отодвигая стулья.

На столах стояли тарелки с овощами, фруктами, жареными цыплятами и запеченной рыбой, в корзинах лежали булочки, на блюдах янтарно светились ломтики сыра, высились графины с клюквенным морсом и легким яблочным сидром.

Я проглотила слюну, огляделась, не находя взглядом стол хаосмагического факультета.

— Пойдем, — кивнул магистр.

Он вел меня за собой мимо веселящихся сту-

дентов дальше и дальше, пока мы не очутились у дальней стены столовой, где в углу притулился столик, накрытый серой скатертью. Рядом с ним стояли два стула. Нет, цыплят, фруктов и прочих яств для нас не пожалели, но глядя на этот стол, точно отправленный в ссылку, спрятанный так, чтобы не смущать своим видом взгляд светлорожденных неженок, я снова вспомнила, что место пепельников на задворках жизни. «А вот и ты, пыль под ногами высочества, — всем своим неказистым видом сообщал столик. — Я уж заждался!»

Мало того, оба стула были повернуты так, чтобы мы с магистром Кроу сидели спиной к остальной части зала.

— Так, — сказала я, отодвигая стул. — Поможете мне?

Магистр Кроу перехватил стул с удивительной для пожилого человека легкостью.

— Что мы делаем? — поинтересовался он.

— Переставляем стол! Не знаю, как вам, а мне не хочется весь вечер лицезреть стену и…

Я указала подбородком на литографию, изображающую сцену королевской охоты. Величество с венцом на голове и с длинными развевающимися на ветру светлыми волосами — это у них

семейное, что ли? — изящно приподнимал копье, а другой рукой сжимал поводья белоснежного рысака.

— Родственника нашей Златовласки.

Преподаватель фыркнул. Клянусь, он пытался сдержать смех.

— Не стоит так говорить о принце Роэнмаре, — откашлявшись, сказал магистр.

— О, так вы сразу догадались, о ком я! — Я своей нахальной улыбки не прятала.

Магистр Кроу только головой покачал. В четыре руки мы отодвинули стол от стены и подставили стулья с другой стороны.

Я ела, пила и издалека наблюдала за чужой радостью. Видела, как студенты, вернувшиеся после каникул, обмениваются объятиями и маленькими подарками, широко улыбаются друг другу, болтают. Скоро все факультеты перемешались, студенты сидели где придется, за столами чужих факультетов, рядом со своими друзьями.

Сразу можно было понять, кто здесь пользуется популярностью. Рядом с хорошенькой девушкой с нежным, будто фарфоровым личиком так и вились бравые боевики, она улыбалась и благосклонно принимала их ухаживания. Другие студентки старались держаться поближе к ней,

чтобы и им перепала капля внимания.

Другой эпицентр обожания сформировался рядом со Златовлаской. Он стоял у торца стола и, кажется, еще даже не успел перекусить, судя по чистой тарелке и свернутой на ее краю салфетке. Так ему и надо!

Студенты, даже старшекурсники, подходили поздороваться, пожать ему руку, девчонки кокетничали напропалую. Златовласка благосклонно кивал и сдержанно улыбался своей холодной крокодильей улыбочкой.

И надо было такому случиться, что, подняв взгляд, он встретился глазами со мной! Прищурился. И вдруг произнес громко, на весь зал:

— Подойди!

Наследный принц королевства Соларин и мысли не допускал о том, что кто-то из его подданных может ослушаться прямого приказа. Просьбы? Нет, не слышали. Однако, как ни крути, я его подданная и сегодня успела выставить пепельников в самом невыгодном свете.

Я чувствовала себя ответственной за всех магов хаоса. Нельзя, чтобы из-за моей оплошности будущий правитель составил превратное впечатление о всех нас.

Поэтому я стиснула зубы и неторопливо при-

близилась, сохраняя достоинство.

Стоящие рядом с принцем студенты замолчали. Парни разглядывали меня с любопытством, девушки с легкой брезгливостью. Все ждали, что будет дальше. Ведь его высочество велел мне подойти явно не для того, чтобы похвалить пауков на моем подоле. К тому же многие видели, как я послала его на построении.

— Извинись! — коротко распорядился он.

Зачем тратить на пепельника лишние слова, правда? В его глазах я занимаю социальное положение ниже, чем лакей, что по утрам чистит ему сапоги.

Впрочем, лакея за такую недопустимую грубость немедленно рассчитали бы, выпоров напоследок.

Я почувствовала, что большой и указательный палец сами собой складываются в кольцо. Так, стоп! Елка, ты собиралась все исправить, а не заводить себе в академии врага!

— Ну извини, — процедила я.

— Без «ну»!

— Извини, Роэн.

А что так мордочку-то перекосило? Разве это не твое имя? Прости, мы тут все равны, мы оба студенты. Но да, признаю, переборщила чуток.

Окружавшие принца подхалимы судорожно вздохнули и вытаращили глаза.

— А ты невоспитанная девица, да, Миррель? — зло усмехнулся он.

Настало мое время удивляться: он знает мое имя?

— Да, Миррель Лир, я знаю, как тебя зовут.

Еще и мысли читает?

— Выяснил — после нашего утреннего знакомства.

А! Фух! Не читает!

— Ничего, я тебя перевоспитаю за четыре года, если уж твои родители с этим не справились.

И высочество этак пренебрежительно взмахнул указательным пальчиком, отправляя меня восвояси. Мол, иди и подумай над своим поведением.

Во мне закипела кровь. За долю секунды в воображении пронеслись разные варианты дальнейшего развития событий, и выплеснутый в лицо высочества морс казался среди них самым невинным.

«Дыши, дыши, Эль! Не опускайся до его уровня!» — приказала я себе.

— Раз уж ты взялся наставлять меня, отплачу услугой за услугу, — мило улыбнулась я. — И

научу тебя обращению с девушками. Я слышала, боевых магов часто называют солдафонами. Видать, не зря! Кто же с тобой на свидание пойдет, с грубияном!

— Я пойду! — пискнула девица, в которой я, присмотревшись, узнала паникершу. — Если что. Если надо! Ваш-высочество!

Роэн закатил глаза, я же поскорее развернулась и отправилась к выходу.

Прощай, недоеденное поджаристое бедрышко. И тот персик выглядел довольно аппетитно… Но я все равно не смогу проглотить больше ни кусочка: переволновалась. Сердце колотилось, во рту пересохло.

За порогом столовой меня встретила вечерняя прохлада и сумерки.

Сумерки!

Который теперь час?

Занятия и практикумы могут затягиваться допоздна. Придется сильно извернуться, чтобы успевать вернуться в общежитие до заката. Сейчас осень, а зимой станет темнеть еще раньше.

Я замерла на ступенях, глядя на темную половину Люминара, где деревья слились в единую массу.

— Стойте, студентка Лир! — прокаркал знако-

мый голос.

— Прово́дите? — обрадовалась я.

— Лучше! — усмехнулся магистр Кроу. — Я подумал, что вам пригодится это.

Он протянул мне резиновый мячик.

— М-м-м? Мячик? Мы… планируем поиграть?

— Это портальный переход. При малейшей опасности сожми его и сразу перенесешься в свою комнату, в безопасность. Пусть он всегда будет с тобой.

Я подкинула мячик на ладони, он был легким и удобно лежал в руке.

— Спасибо за все, магистр Кроу. Вы так добры ко мне!

— Это моя работа! — отрезал преподаватель, мол, не надо мне тут ваших расшаркиваний. — Лучшая благодарность — отличная учеба!

— Да-да, конечно…

— Идите!

— Уже иду.

— В семь утра жду внизу!

— Непременно буду!

— А что, у вас есть какой-то выбор? — прищурился он.

— Магистр Кроу, вы меня совсем запутали! — воскликнула я. — Я стану вашей лучшей учени-

цей, клянусь!

— Конечно, лучшей… — проворчал он мне вдогонку. — И лучшей, и худшей, и единственной.

До комнаты я добралась без приключений, хотя не успела я запереться, как в коридоре раздался цокот мелких коготков по полу, а потом кто-то поскребся в дверь.

— Иди ешь мышей, — посоветовала я сумеречнику.

Он вздохнул и убрался восвояси, а я подошла к окну. Дома окно спальни, которую я делила с Лизой, находилось в полуподвальном помещении и наполовину было утоплено в земле. Обычно мы с сестренкой наблюдали идущие мимо по мостовой сбитые ботинки, туфли с перевязанными бечевкой носами, а порой и босые грязные ноги.

Здесь же передо мной открывался вид на парк. Да, запущенный и заросший, и все же я могла любоваться деревьями, слышать пение птиц по утрам.

Я оперлась на подоконник и смотрела на волнующиеся под порывами ветра ветви, которые теряли желтые и алые листья.

Внезапно среди стволов появился силуэт. Стройный мужчина с черными как смоль волосами, длинными и собранными в хвост, целеустрем-

ленно шел куда-то в глубь темной половины.

Судя по всему, сумеречники были ему нипочем.

Я прилипла носом к стеклу, силясь разглядеть его подробнее, но темнота скрывала детали.

Не тот ли это самый пепельник, что спас всех нас от хвостатой звезды несколько лет назад?

Но что он делает в академии? И куда направляется?

Спустя несколько секунд, когда мужчина скрылся в чаще, я уже не была уверена, что он не привиделся мне.

Глава 9

— Это мое расписание? — Я в ужасе разглядывала сложенный вдвое лист, разделенный на квадраты по дням недели.

Магистр Кроу вручил мне его сразу, как только я утром спустилась вниз.

Относительно пустым оставалось воскресенье, где значилась только «самоподготовка», другие окошки густо усеивали строчки типографского шрифта. С понедельника по субботу я с утра до вечера буду занята. Причем посещать придется совершенно неожиданные дисциплины вместе с остальными первогодками.

Ладно, я еще могла понять общий курс истории магии или магическую этику, но зачем мне основы целительства или, еще пуще, алхимия и создание артефактов?

— Элементалистика? — воскликнула я, не веря своим глазам. — Разве этот курс не преподают только стихийникам?

Магистр Кроу невозмутимо кивал, соглашаясь, но что-либо менять, по всей видимости, не собирался.

— А это что? — У меня похолодело в солнечном сплетении. — Основы боевой подготовки? Фехтование? Серьезно?

Боевая подготовка и фехтование — сугубо мужские дисциплины. Я и в страшном сне не могла вообразить себя, мелкую и тощую девчонку, среди здоровых лбов. Они или умрут от смеха, или ненароком прихлопнут меня как муху. А самое поганое, что благодаря ужасающему расписанию придется лицезреть Златовласку не изредка и издалека, а буквально очутиться с высокомерным высочеством нос к носу. Он ведь со свету меня сживет!

У магистра Кроу на лице не дрогнул ни один мускул, он, жестокий человек, нисколько не проникся моими страданиями.

— Это обычное расписание студентов хаосмагического факультета, — сдержанно объяснил он. — Так как магия хаоса непредсказуема и твой будущий дар может оказаться каким угодно, ты должна попробовать себя на каждой стезе. Это подтолкнет раскрытие твоих способностей.

— Но ведь я не могу оказаться боевиком, — отчаянно воззвала я к милосердию магистра Кроу. — Посмотрите на меня!

— Можешь, — спокойно возразил он. — Вовсе

не физическая сила делает боевых магов боевыми магами.

— Ну да, по ним это прямо видно!

Магистр Кроу усмехнулся.

— Светлые! С пепельными магами это не так работает. Наша внутренняя сила может двигать горы. Вовсе не эти слабые мускулы.

Он слегка коснулся указательным пальцем моего плеча. Я вздохнула и кивнула, признавая его правоту. Ведь и тот парень, что развеял в пыль несущуюся к земле смерть, вовсе не был горой мускулов. Да и чем бы они ему помогли?

Я на самом деле видела его вчера в парке или мне померещилось?

— Магистр Кроу, в академии есть другие маги хаоса среди преподавателей?

Преподаватель нахмурился.

— Нет. А почему ты спрашиваешь?

— Мне показалось, что я видела вчера из окна незнакомого пепельного мага.

Магистр Кроу пожал плечами.

— Мы не единственные пепельные маги в королевстве, студентка Лир, а территория Люминара не закрыта для посещений. Кто угодно может прийти и уйти. Не думаю, что он замышлял недоброе.

— Нет, конечно, нет. Просто… я удивилась. Если это тот, о ком я думаю, его никто не видел много лет.

— Студентка Лир, это как-то касается учебного процесса? — В голосе преподавателя прорезалась сталь, он явно не хотел отвлекаться по пустякам. — До начала занятий осталось меньше часа, а вы еще не позавтракали и не получили спортивную форму! Какая лекция у вас стоит первой?

Магистр Кроу сунул свой мясистый нос в лист с расписанием.

— История магии, — проворчала я. — Что я нового там услышу, кроме привычных вздохов об опасности пепельников!

— Я правильно понимаю, что вы готовы прямо сейчас сдать экзамен по истории магии, студентка Лир? — прищурился преподаватель. — Если вы все знаете?

— Нет, — признала я, отведя взгляд. — Не все. Но я думала, что со мной в основном будете заниматься вы!

— Я и буду! Ты внимательно прочитала расписание?

— Навыками скорочтения пока не обладаю! Это не расписание, а кошмар студента! Его можно было бы издать отдельной книгой.

Я возмущенно потрясла в воздухе уже изрядно помятым листком: я нервно стискивала его в пальцах каждый раз, когда вспоминала о занятиях по боевой подготовке.

— Когда немного успокоитесь и перечитаете расписание, увидите, что каждый день после обеда нас ждут индивидуальные занятия.

— Да? — Я приблизила строчки к глазам. — Точно. Обед и сразу после него индивидуальная подготовка. А потом еще и самоподготовка в библиотеке. Свободного времени нет совсем! Такими темпами я окончу первый курс уже к зиме!

Магистр Кроу снисходительно посмотрел на меня взглядом старого мудрого ворона, который давно привык к пискам неоперившихся, но очень самоуверенных птенцов.

— Идите, студентка Лир. А то останетесь голодной!

После бурной ночи — я уверена, что многие студенты отправились спать только под утро, — в столовой было малолюдно. А те светлорожденные, что все же выползли из теплой постели, зевали, терли глаза и вяло ковырялись в каше. На меня утомленные сидром бедолаги не обращали внимания, чему я была несказанно рада. Златовласка в столовую не явился — еще одна

отличная новость!

Век бы его не видеть, но, увы, первой в расписании стояла общая для всех студентов лекция — история магии. А завтра с утра мы вместе отправимся на полигон — от одной этой мысли сделалось дурно.

Старушка-кастелянша сначала отказывалась выдавать мне спортивную форму.

— Да век такого не бывало, чтобы девчонка по грязюке носилась вместе с парнями!

Сама в шоке! Пришлось выложить на прилавок листок с расписанием. В моем кармане, куда я его запихала в сердцах, бумага приобрела совсем уж непотребный вид, так что кастелянша, поморщившись, расправила ее двумя пальцами.

— Ах да, запамятовала… Только девчачьей формы у меня нет! — угрожающе предупредила она. — Была когда-то, да сплыла.

— Кто бы сомневался! — мрачно произнесла я.

— Выдам мужскую. Перешьешь.

Я со слабым стоном возвела глаза к потолку. За что мне все это?

Глава 10

К началу лекции я опоздала. Кастелянша долго рылась на полках, так надрывно вздыхая, будто собиралась оторвать от сердца и вручить злодейке собственное дитя.

Когда она все-таки принесла комплект формы: спортивные штаны, длинную рубаху и стеганый жилет, у меня закралось подозрение, что отыскала она не лучшее, а худшее из возможного. Штаны обтрепаны снизу, на жилете знакомая россыпь дырочек. Скоро никаких ниток не хватит, чтобы пауков вышивать.

— Неужели ничего поновее не нашлось?

— Не нашлось!

Мы со старушенцией устроили дуэль взглядами, из которой она, закаленная в противостояниях с тысячами студентов, вышла победительницей.

Форму пришлось тащить в руках. Нужно будет где-то раздобыть матерчатую сумку для учебников и писчих принадлежностей. Почему я не подумала о ней прежде, когда собиралась? Не с саквояжем ведь ходить на занятия.

В центральном корпусе царила гулкая тишина,

и только за закрытыми дверями аудиторий, мимо которых я торопливо шла, раздавались мерные голоса лекторов. Занятия уже начались, и магистр Зендел — так имя преподавателя значилось в расписании — наверняка запомнит, что студентка Лир опоздала в первый же учебный день.

Как назло, еще и аудитория располагалась на третьем этаже. По лестнице я бежала бегом, но тут уж хоть на крыльях лети, времени не нагонишь.

Спустя три лестничных пролета такого спринта я окончательно запыхалась. Что и говорить — я совсем не спортивная. В коридоре я притормозила и потихоньку подкралась к приоткрытой двери. Прислушалась. И скривилась, узнав голос, в котором проскальзывали нотки высокомерия.

— Я считаю магию хаоса тупиковой веткой эволюции магии. Ошибкой природы. Даже болезнью.

— Интересная точка зрения, студент Асториан, — сказал магистр. — Поясните?

Я впервые слышала династическое имя правящего рода, очищенное от десятка титулов и приставок. Однако это не отменяло факта, что Роэнмар Асториан оставался наследным принцем.

Похоже, пока я добывала форму, на лекции по истории магии развернулась целая дискуссия о

природе светлой и пепельной магии. Я успела услышать немного, но руки сами собой сжались в кулаки от несправедливости. Впрочем, чему я удивляюсь? Роэн сразу дал понять, как относится к магам хаоса. А ведь он — будущий правитель. Это пугает до дрожи!

И хуже всего, что он отнюдь не глуп и не стушевался перед вопросом преподавателя, как сделали бы другие задиры на его месте. Его голос, излагающий аргументы, звучал спокойно и уверенно.

— Во-первых, любая магия должна подчиняться законам, общим правилам, именно это делает ее наукой. Но как классифицировать хаос? Пепельная магия абсолютно непредсказуема, а значит, опасна. Во-вторых, история помнит, сколько бед пепельники причинили цивилизации. Разрушения, пожары, штормы, наводнения. На одно их благое деяние приходятся десятки катастроф!

Я закусила губу. Он передергивал факты, но передергивал очень умело! Руины старого Куарона никому не давали забыть, на что способна магия хаоса.

— Ваше высочество, когда-нибудь вы займете трон, принадлежащий вам по праву, и избавите мир от этих помоечных крыс! — крикнул какой-то лизоблюд, а студенты согласно загудели.

— Студент Элмер, не выкрикивайте с места, — осадил его магистр. — И не забывайте об уставе. Здесь присутствует не «ваше высочество», а ваш товарищ, студент Асториан. Продолжайте.

— Думаю, будет достаточно указа, который навсегда закроет пепельным магам путь в академию. Нет магии — нет катастроф.

— Сами повыведутся! — согласился с ним девичий голос.

Дышать становилось все труднее, в груди пекло от злости.

— И, в-третьих, магия хаоса не способна созидать. Она не лечит, не защищает, не строит, только разрушает! — привел еще один аргумент Роэн.

— Это неправда! — воскликнула я.

Я толкнула дверь и возникла на пороге аудитории то ли как чертик из табакерки, то ли как ангел мести. Мое внезапное появление произвело фурор! Отрадно видеть, как вытянулись лица, а некоторые особенно чувствительные девицы ахнули и отпрянули. Жаль, быстро разглядели мои растрепавшиеся на бегу волосы, а потом и скомканную форму, которую я прижимала к груди. Как назло, длинная штанина выпала из клубка и подметала манжетой пол. На физионо-

миях проступили презрительные ухмылочки.

Роэнмар, который выступал стоя, повернулся ко мне с видом неколебимой скалы и тоном бесчувственной рептилии поинтересовался:

— Вы обвиняете меня во *лжи*, студентка Лир?

Вот как можно все выкрутить так, чтобы я снова оказалась виновата? Под прицелом десятков глаз я позабыла все слова, а мысли разлетелись из головы стаей перепуганных птиц. Это принца с детства учили выступать на публике, я же впервые очутилась в ситуации, когда нужно изложить точку зрения коротко и доступно.

— Магия хаоса спасает, когда надежды на светлую магию уже нет! — Мой дрожащий от напряжения голос совершенно терялся в просторной аудитории. — Пепельный маг спас королевство от хвостатой звезды!

Принц Роэнмар поднес ладонь к уху и сделал вид, что прислушивается к писку.

— Не доказано, — усмехнулся он. — Любят пепельные раздувать эту историю! Светлые и сами бы справились, будь у них больше времени.

— Но у них не было времени! А Пиренская катастрофа, когда Мирен Каар остановил извержение вулкана Пирен? Жертв были бы тысячи! Или гибельный шторм у мыса Корден? Светлые уста-

новили щиты, но волны все равно прорывались и смыли бы половину городков у побережья, если бы не пепельные маги!

— Что-то я не припомню таких фактов в учебнике по истории, — иронично изогнул бровь Роэн. — Ты пересказываешь любимые пепельниками сказочки, а не факты.

— Учебники переписали! — заорала я.

— Студентка Лир, держите себя в руках! — Магистр хлопнул ладонью по трибуне. — У нас учебная дискуссия, а не балаган. Еще одно предупреждение, и я вас удалю с лекции. Мало того, вы еще и опоздали!

Я втянула носом воздух, выдохнула.

— Извините…

— Займите место!

Я, прикусив губу, двинулась к свободной парте в последнем ряду. Наступила на волочившийся по полу рукав и чуть не грохнулась. Студенты захихикали, а Роэн покровительственно поднял ладонь, призывая к тишине. Вид у него был удовлетворенный и весьма довольный собой.

— Клянусь, если я однажды стану свидетелем того, что пепельный маг спас кому-то жизнь, я лично принесу извинения перед всеми магами хаоса! — заявил он.

Глава 11

Я решительно приближалась к группе будущих боевых магов, ожидавших начала первой тренировки на полигоне. Рослые парни небрежно переговаривались, кто сидя на деревянном снаряде, похожем на жердочку в курятнике, кто прислонившись к нему спиной. Скучали, ждали тренера.

Однако скуку как рукой сняло, когда они заметили мое наступление. Я шагала, сунув руки в карманы жилета, наклонившись вперед, точно собиралась учинить расправу над группой невинных светлорожденных овечек. На самом деле я изнутри придерживала за пояс штаны, чтобы они не сползли с талии: я не успела перешить форму, поэтому пришлось с утра обмотаться бечевкой, а длинные штанины — подвернуть. Моя агрессивная походка и сдвинутые брови объяснялись тем же желанием: не уронить штаны, не уронить достоинство и не показать слабину.

Первым меня заметил Элмир — один из двух парней, всегда и всюду сопровождающих высочество. Вчера в столовой я краем уха услышала,

что он и второй, Вейлар, сыновья высокопоставленных сановников при дворце. Вроде как и приятели принца, а вроде как и телохранители.

Элмир толкнул кулаком в бок своего напарника, тот похлопал по плечу Златовласку, и скоро все боевики ошалело уставились на меня. Я буквально читала на не обремененных умом лицах работу мысли: «Чего это она? Рассудком тронулась? Как-то быстро!»

Почему-то вспомнилось, как я в городском парке улепетывала от агрессивной белки. Не знаю, что не понравилось грызуну, может, это была белка-поклонница светлорожденных, но она воинственно кинулась на меня, распушив хвост. Я предпочла не связываться и отступить.

Интересно, если я сейчас оскалю зубы и брошусь на принца, он сбежит? Какая заманчивая мысль!

Я остановилась в паре метров от парней и небрежным — как мне мнилось — жестом вынула из кармана измочаленный лист с расписанием.

— Где магистр Калестор? У меня по расписанию физическая подготовка.

Изумление на лицах сменилось пониманием, а после и кривыми ухмылочками. На фоне бравых боевиков, на которых новехонькая форма сидела

как вторая кожа, являя взору рельефные мускулы, сильные плечи и крепкие бедра, я выглядела как жеребенок под седлом.

Рубашка вполне могла сойти за платье, жилетка все время сползала с одного плеча, а подвернутые штанины так и норовили размотаться.

— Обнять и плакать, — высказал общее мнение Элмир.

— Не плачь, держись, ты уже взрослый мальчик, — хмыкнула я.

Физической силой мне их не победить. Уважать им меня тоже пока не за что. Чувство юмора в данной ситуации мое единственное оружие.

Как я ни пыталась вчера уговорить магистра Кроу отменить унизительные тренировки, да еще и в компании с ненавистным высочеством, или хотя бы повременить с ними, он моим мольбам не внял.

— Ты не сможешь всю жизнь прятаться и бегать от своей сути! — резко сказал он. — Погляди в глаза своему страху, и ты увидишь, что бояться нечего!

Мы сидели на опушке академического парка, на земле, усыпанной сухими, нагретыми последним осенним солнцем листьями. И пытались медитировать.

Вернее, магистр Кроу без труда погружался в созерцание внутреннего мира — или что он там созерцал? — но у меня в голове, стоило закрыть глаза, начинали кружиться мысли и сомнения. К тому же сидеть, подвернув под себя ноги и выпрямив спину, чтобы, по словам преподавателя, энергия свободно текла по позвоночнику, было ужасно неудобно.

Я вздыхала, ерзала, поводила плечами, разглядывала муравьев — счастливые и свободные, идут по своим делам! Потом все-таки не выдержала и вежливо попросила избавить меня от тренировок на полигоне, но получила суровое наставление.

Солнце припекало макушку. После обеда клонило ко сну. Признаться, я совсем не так представляла индивидуальные занятия у пепельного мага. Думала, он приоткроет мне тайные знания магии хаоса, а что вместо этого — удивляем муравьев. Вон, парочка уже проложила себе путь через ногу магистра.

Конечно, магистр Кроу объяснил, зачем необходима медитация.

— Чтобы твой дар начал проявляться, сначала нужно освободить ему место в твоей душе. Сейчас ты под завязку забита суетой, страхами и

волнениями, дару просто негде прорасти.

— Вполне достаточно ему места, — ворчала я, больше по привычке. — Что я должна почувствовать? Как понять, что все идет правильно?

— Закрой глаза, дыши, освободи голову от мыслей. В какой-то момент ты, возможно, почувствуешь, будто паришь, ну или проваливаешься в бездонный колодец. Так и должно быть.

— Сколько минут надо парить? — деловито поинтересовалась я: ну наконец-то, хоть какие-то понятные инструкции!

Магистр Кроу стиснул губы. Злится? Однако его глаза смеялись: строгий преподаватель сдерживал улыбку.

— Для начала будет достаточно и пары секунд, — сказал он. — Но меня радует твой энтузиазм!

Чувства парения, как и падения, не возникло ни на минуту, ни на секунду. Лодыжки свело от неудобного положения, а между лопатками отчаянно чесалось — подозреваю, что муравьи неутомимо осваивали новые территории. Я устроила муравьям землетрясение. Я маг хаоса или кто! Сводила и разводила лопатки, поднимала то одно, то другое плечо к уху. Так увлеклась, что не заметила, что магистр Кроу открыл глаза

и молча наблюдает за моими судорогами.

— Хватит на сегодня.

Он легко поднялся с места, даже не опершись ладонью на землю. Я попыталась повторить плавное движение и завалилась набок.

— Руку, студентка Лир. Помогу вам встать. Для первого дня достаточно, идите отдыхать.

Остаток вечера я вышивала на жилетке пауков, закусывая сухарями. Черные нитки почти закончились. Придется завтра идти в штанах, которые я свободно могу натянуть до плеч. Надо где-то раздобыть еще ниток и найти ножницы! Из обрезков ткани вполне можно скроить сумку для учебников. От этой мысли я даже приободрилась.

После заката в дверь снова заскреблись. Я просунула в щель сухарик, и он тут же был подцеплен длинным загнутым, острым как бритва когтем.

— Ого! А теперь уходи!

Сумеречник потоптался и убрался восвояси.

Я гнала мысли о следующем дне, но он все равно наступил. И вот я стою перед шеренгой скалящихся боевиков и стараюсь выглядеть беспечно и невозмутимо.

Перед нами расстилалась полоса препятствий. Ров, заполненный водой, с тонким мостиком че-

рез него. Натянутая в полуметре над землей сетка, под которой придется проползать. Деревянная стена с выступами и свисающей веревкой, чтобы подняться и спуститься с другой стороны. Какая-то неопознанная дыра в земле, напоминающая узкий лаз…

Вдалеке виднелась та самая учебная деревушка, но туда нас сегодня вряд ли поведут. Я надеюсь.

Пока я разглядывала орудия пыток, боевики вполголоса о чем-то совещались.

— Я возьму на себя эту обузу, — процедил Златовласка. — Обещал заняться ее воспитанием, так что теперь это моя ноша.

Глава 12

Я немедленно представила, как свисаю с мощного плеча будто куль с мукой. Роэн же невозмутимо перевязал волосы шнурком и стал отдаленно напоминать мужчину, а не принцессу с мускулами.

— Даже не приближайся, — прошипела я.

Ни за какие блага мира я не позволю человеку, ненавидящему пепельных магов, дотронуться до меня. Да и что означает «возьму на себя обузу»? Ходить и бегать я пока не разучилась. Сама справлюсь.

Боевики внезапно перестали скалиться, подсобрались, и я увидела магистра Калестора, приближающегося к группе широким шагом. Это мог быть только он — тренер. Об этом говорила и спортивная преподавательская форма с эмблемой огня — символом боевого факультета, и деревянный планшет с закрепленным на нем списком фамилий.

— Это еще кто? — Он смерил меня взглядом.

Действительно, кто бы это мог быть? Черные волосы, коса — увы, не за плечами. Очевидно, что

я не удовольствия ради нацепила на себя форму на десять размеров больше и с утра пораньше приползла на полигон.

— Студентка Лир, хаосмагический факультет, — протолкнула я сквозь зубы, решив, что пикировка с каждым новым преподавателем не лучший способ заявить о себе. — Мой наставник, магистр Кроу, включил в мое расписание тренировки вместе с факультетом боевиков.

Магистр Калестор раздраженно почесал переносицу.

— Морвин никак не угомонится, — пробормотал он, но не удивился, видно, понял, что к чему. — Упрямый до невозможности. Сколько раз ему было сказано…

Тренер замолчал, решив, что не моего ума дело, кто и что говорил магистру Кроу.

— Давай так, — задумчиво продолжил он после паузы. — Ты спокойно посидишь часок, пока я оцениваю физическую подготовку группы, а я засчитаю тебе час тренировки. Сегодня первое прохождение полосы препятствий в парах. Будем честны, ты и сама ее не пройдешь, и напарника своего утопишь.

Заманчивое предложение, что и говорить. Усесться в первом ряду и стать единственным

зрителем восхитительного представления «Мускулистые парни ползают в грязи». Особенно один самодовольный тип. Все, как я и мечтала! И кто помешает мне отпускать шуточки и остроты по поводу тесного знакомства оного с дорожной пылью?

Магистр Кроу не узнает, но если я отступлю перед трудностями сейчас, то до конца жизни так и останусь золушкой, выгребающей сажу из чужих каминов.

Я посмотрела на серую воду в овраге, по ее поверхности плавали листья и мусор. Листья плавали, а вот я точно пойду ко дну. Посмотрела на стену и ненадежную веревку: если грохнусь — костей не соберу. Стиснула губы.

— Чтобы я пропустила тренировку? Да ни за что!

Светловолосые головы все как одна повернулись ко мне.

— Настырная, — высказался кто-то вслух.

Магистр Калестор раздраженно кивнул, но настаивать не стал.

— Кто возьмет в напарники студентку Лир?

Взгляды, только что обращенные ко мне, разбежались в разные стороны. Мокрые листья на земле, одинокие облачка в небе и далекие кры-

ши домишек в тренировочной деревушке сразу обрели заинтересованных зрителей.

— Я возьму, — выплюнул Роэн, и голос его звучал героически и сурово, будто принц готовился взойти на эшафот.

— Хорошо. Первой парой пойдут Элмир и Вейлар. Покажите пример, парни!

Я до сих пор путалась, где Элмир, а где Вейлар. Они были похожи, словно братья-близнецы: комплекцией, оттенком волос, суровой линией челюсти. Хорошо, что ходили парой. Можно назвать любое имя — в кого-нибудь да точно попадешь.

Одногруппники проводили их на старт поддерживающими воплями, а я — кислым взглядом. Всех вокруг охватил боевой азарт. Парни разминались, подбадривающе колотили друг друга по плечам. Они еще не успели вспотеть, но, клянусь, я явственно ощущала густой и терпкий запах мужского пота.

Что я здесь делаю, магистр Кроу? Это просто смешно! В таких условиях единственный дар, который может во мне пробудиться, — дар нервного заикания.

— Внимание! Я засекаю время! — Тренер продемонстрировал зажатую в руке луковицу

хронометра. — По итогам испытаний лучшая команда получит десять баллов, худшая — минус десять. Все помнят о том, что до экзаменов не допускают студентов, чей личный рейтинг опустится ниже ста баллов?

Нежелание оказаться со мной в паре сделалось яснее ясного.

— Пепельные маги — к несчастью, — сострил кто-то.

Златовласка стоял с невозмутимым лицом. Герой, как есть герой! Всех спас! Принял удар на себя! Выдайте ему медаль.

— На старт. Внимание. Пошли!

Магистр Калестор дал отмашку, приятели — телохранители принца рванули с места. Мне почти ничего не было видно за широкими спинами болельщиков, к тому же парни подпрыгивали и орали как сумасшедшие. Я подтянулась и с трудом влезла на деревянный брус, чтобы встать повыше. Не то чтобы мне было любопытно поглядеть на мускулистых парней, у блондинов нет и не появится ни единого шанса завоевать мое внимание, но нужно оценить трудности прохождения трассы.

Элмир и Вейлар — имена так и норовили слиться в одно — проходили полосу препятствий с

кажущейся легкостью. Ловко один за другим преодолели тонкий мосток над оврагом, размашисто и энергично проползли под сеткой — так шустро, что только комья земли летели во все стороны, с разбега взяли приступом деревянную стену, причем Элмир (или Вейлар, не разберешь!) даже не стал использовать веревку в качестве страховки. Вскарабкался, цепляясь пальцами за выступы. Не пальцы, а железные гвозди! Он и в земляной лаз нырнул первым, чтобы через несколько секунд показаться по другую его сторону и подать руку нагоняющему его напарнику.

И вот уже оба направляются назад, сверкая улыбками. Что сказать: только зубы и оставались чистыми. Жирная осенняя грязь покрывала парней с ног до головы, но, кажется, совсем их не смущала. В отличие от меня. Я поспешно принялась переплетать косу вокруг головы: потом меньше придется возиться, вычесывая из нее комки земли и мусор.

— Минута и сорок три секунды! — провозгласил магистр Калестор. — Ну, кто сможет оспорить рекорд?

— Я! — крикнула я и помахала с бруса: какой смысл откладывать неизбежное? — Мы.

Тренер с сочувствием взглянул на мрачного

Златовласку.

— Да. Готовы, — подтвердил он, едва разжимая челюсти.

Мы вышли к линии старта, обозначенной на земле полосой из белых плиток. Роэн, думая, что я не замечу, несколько раз быстро посмотрел в мою сторону.

— Что? — резко спросила я, поймав его взгляд.

— Зачем ты это делаешь? — прошипел он.

Что «это»? Учусь в академии? Не согласилась на заманчивое предложение тренера и все-таки стану проходить полосу препятствий? Или просто дышу и живу на свете?

— Исключительно чтобы тебя позлить! — усмехнулась я.

Глава 13

Тренер поднял руку с зажатым в ней хронометром, напоследок скользнул по мне скорбным взглядом. Не знаю, многих ли пепельных магов ему приходилось тренировать на своем веку, но, судя по поджатым губам, я была среди них самым бесперспективным. В общем и целом я его сомнения разделяла.

— На старт. Внимание. Пошли!

Я рванула с места, намереваясь вложить в этот старт все силы и не ударить в грязь лицом — в прямом и переносном смысле слова. Напрячься на пределе возможностей!

Предел возможностей наступил прежде, чем я успела добежать до первого препятствия, мостка через ров. Я отставала от Роэна все сильнее. Да у меня и не было ни малейшего шанса бежать с ним наравне — кого я обманываю. Вот только командное время засчитают, когда к финишу придет последний из двух студентов. Я тоскливо посмотрела на противоположный берег рва и тоненькую жердочку, по которой предстояло перейти. Будем честны: если. Если дойдет.

Златовласка оглянулся, злобно сверкнул глазами, вернулся, схватил меня за руку и потащил за собой.

Никогда в жизни я не бегала так быстро. Казалось, что ноги вот-вот оторвутся от земли и я полечу за Роэном, легкая, как воздушный шарик.

Прежде чем ступить на мостки, Роэн притормозил, разжал ладонь.

— Иди первым… — начала было я, но ахнула, потому что слова Златовласки о «ноше» оказались не просто фигурой речи: он мастерски закинул меня на плечо, не удосужившись даже предупредить.

Воздух выбило из легких, когда я со всего маха приложилась о мускулистые телеса. Я повисла вниз головой, лицезрея нижнюю часть туловища высочества, любоваться которой так близко не чаяла даже в самых кошмарных снах. Перевела взгляд чуть дальше и невольно вцепилась в ткань рубашки Роэна: он энергично шагал по тоненькому, словно щепочка, мостку, а под его ногами темнела вода. С такого ракурса казалось, будто внизу разверзлась бездна.

Я не обольщалась: Роэн заботился о навязанном обстоятельствами напарнике не больше, чем о грузе, который надо перенести с места на место,

чтобы победить. Принц придерживал меня одной рукой, чтобы не упала — но оно и понятно: не хотел терять драгоценные минуты, вылавливая меня потом из мутной воды.

По ту сторону рва он стянул меня с плеча, как стягивают небрежно накинутую куртку.

— Стоишь?

— Сволочь! — процедила я.

— Объявляем о техническом поражении? — сухо спросил он.

— Да пошел ты!

Пошатываясь, я добрела до натянутой сетки и как подкошенная рухнула на землю. Вот и хорошо: ползти — не идти! Здесь и места для меня вполне достаточно, не то что для принца, который и лежа почти задевал головой веревочную преграду.

Выбившиеся из-под шнурка пряди светлых волос приподнялись и заискрили. Точно не обошлось без стихийников и их штучек с ручными молниями.

— Голову ниже! — бросил он. — Здесь заклятие на сетке.

— Вижу!

— Передвигай руками!

Ценный совет! Без тебя бы не разобралась! Од-

нако я не стала тратить силы на пустые споры и поползла вперед, опираясь на локти и колени.

Штаны цеплялись за камешки, за пучки травы, напитывались грязью, тяжелели и постепенно принялись сползать. Мало того — бечевка, которую я использовала вместо ремня, размоталась. Ее хвост, перепачканный в земле, тащился за мной следом, словно червяк.

— Ты что творишь? — шикнул Роэн, заметив, что я остановилась, перевернулась на спину и судорожно шарю под жилеткой в районе талии. — С ума сошла?

— Ползи куда полз!

Он вернулся задним ходом — под сеткой не оставалось места для маневра — и сверху воззрился на меня, распластанную на земле.

— Что?!

Тут Роэн и сам заметил кусок веревки, торчащий из-под рубашки. Не идиот, догадался, что она все это время удерживала мои безразмерные штаны от позорной капитуляции.

— Вы там разлеглись отдохнуть? — достиг наших ушей гневный голос магистра Калестора. — Две минуты и десять секунд. Одиннадцать… Двенадцать…

Неприятная ситуация стремительно оборачи-

валась катастрофической. Минус десять баллов! Принц потом легко отработает, а вот я рискую накопить — физическая подготовка явно не мой конек — и уже никогда не поднимусь!

— Дай сюда! — раздраженно велел Роэн, выхватывая скользкую от грязи бечевку из моих судорожно сжатых пальцев. — Отпусти! Я на твою невинность не претендую, упаси Пресветлый! И я все равно ничего и не вижу под этим балахоном! Эль, проклятье!

Я, сбитая с толку этим панибратским внезапным «Эль», выпустила из рук оплот девичей чести. Понятно, что Роэн назвал меня коротким именем для собственного удобства — пока выговоришь «Миррель», да еще и «Лир», полдня пройдет.

Я и глазом не успела моргнуть, как Златовласка, рыча, затянул на моей талии бечевку и быстро завязал каким-то хитрым узлом.

— Ползи, иначе я тебя за ногу потащу! — пригрозил он.

Я представила эту картину маслом. Впереди, рассекая жирную грязюку широкой грудью, двигается высочество и волочет на буксире меня, ухватив за лодыжку. Я качусь на пузе, рубашка задралась. Никто из будущих боевиков, наблю-

дающих сейчас за нашим позорным дебютом, не забудет этого зрелища до конца жизни!

Я вдохнула. Выдохнула. И поползла на четвереньках — благо рост позволял.

Роэн первым добрался до края натянутой сети, в мгновение ока оказался на ногах, наклонился и за шкирку, как кутенка, вытащил меня на свет. Направил легким тычком по направлению к стене. Тренер, как оживший долбаный секундомер, продолжал отсчитывать секунды.

— Тридцать семь… Тридцать восемь…

Ладно, все не так плохо!

Глава 14

…Все плохо. Все очень плохо! Мои замерзшие мокрые пальцы срывались с деревянных выступов стены, руки дрожали от усталости. Я не могла приподнять свое неожиданно тяжелое тело и на несколько сантиметров от земли, не говоря о том, чтобы взобраться на самый верх, перевалить через гребень и соскользнуть по веревке с другой стороны.

Внезапно крепкая рука обхватила меня за талию. Роэн притиснул меня к своей широкой твердокаменной груди и подсунул веревку.

— Держись! — На пространные объяснения его уже не хватало, но и я тугодумкой не была. — Перебирай ногами. Я страхую!

Почему-то мне явственно слышалось недосказанное и повисшее в воздухе «Как меня все допекло!».

Медленно, но уверенно мы ползли вверх по стене, прильнув друг к другу, как лучшие друзья. Или, что скорее, сцепились, как враги во время смертельной схватки.

Большая часть нагрузки лежала на Роэне, я же

старалась не слишком мешать, нащупывая кончиками носков опору и подтягиваясь на руках. Но силы заканчивались быстрее, чем препятствие, — казалось, что стена с каждым нашим новым усилием вырастает ввысь и мы никогда не достигнем вершины.

— Передышка. Пять секунд. Разомни пальцы.

— Нет уж. Уронишь!

— Ты весишь не больше моей кошки, — хмыкнул Роэн.

Я, пораженная то ли тем фактом, что у высочества есть кошка, то ли его смешком, выпустила веревку из рук, держась за нее коленями. Немедленно закрутилась, вскрикнула, была поймана, стиснута с удвоенной силой и вдруг оказалась нос к носу со Златовлаской.

До этой секунды я наблюдала его высокомерную физиономию с позиции снизу, сейчас мы глядели глаза в глаза. Теперь я видела: они синие и, что особенно странно, не такие уж холодные и пустые — видимо, просто свет падал неудачно.

Хуже другое: теперь, когда нас разделяли считанные сантиметры и я могла разглядеть высочество во всей неидеальной красе — чуть заметную светлую щетину на щеках, крошечный шрам на переносице у кончика брови, выго-

ревшие на кончиках ресницы — меня накрыло воспоминание из детства.

Я начисто забыла, что мы с Роэном уже однажды встречались. Если, конечно, можно назвать встречей его мимолетный взгляд на черноволосую девчонку в толпе.

Наследному принцу исполнилось десять лет. В честь значимой даты будущего правителя провезли в карете с открытым верхом по всем площадям и улочкам Нов-Куарона, почтив присутствием и самые отдаленные, забытые самим Пресветлым уголки вроде нашего дремучего района. В народе его со злой иронией называли «Пепелище» — понятно почему.

Жители тысячами высыпали на улицы, чтобы поглазеть на юного Роэнмара, названного так в честь прадеда. Люди улыбались, махали, желали наследнику династии долгой счастливой жизни и славного правления, он благосклонно кивал, но несильно наклонял голову, опасаясь уронить слишком широкий для детской головы венец.

— Какой хорошенький, — сказала мама.

Мы семьей тоже вышли посмотреть на принца. Постыдная страница в моей биографии, неудивительно, что я предпочла вытеснить из памяти события того дня. Мама держала на руках двух-

летнюю Лизу, я стояла, прижавшись к папе, и ощущала на плече тепло его большой ладони. Сколько мне исполнилось? Да, точно — семь лет.

— Главное, чтобы был умный, — вздохнул отец. — Чтобы сумел изменить… все.

Он неопределенным жестом обвел облупившиеся дома, белье, что сушилось в проулках прямо над грудами мусора, и играющих в этих грудах детей.

— Я выйду за него замуж! — во всеуслышание заявила я.

Как обычно — тоном, не терпящим возражений. Я уже приняла решение.

— Нет, малышка. — Папа рассмеялся и подхватил меня на руки, поцеловал в щеку. — Вряд ли получится.

— Получится! — Я надулась. — Не понимаю, что мне помешает!

Я, болтающаяся в хватке Роэна между небом и землей, едва не застонала от нахлынувшего на меня стыда и невольно прикрыла лицо ладонью.

— Не вздумай отключиться!

Роэн неверно истолковал мой жест и, видно, дабы привести в чувство, встряхнул в крепких объятиях так, что у меня клацнули зубы.

— Я в порядке! — огрызнулась я. — И хватит

отдыхать!

Иронично изогнутая бровь высочества высказалась вместо него: «Я-то не устал, в отличие от некоторых субтильных личностей».

— Три минуты двадцать пять секунд! — подстегнул нас окрик магистра Калестора.

Мы одновременно оглянулись и не сговариваясь возобновили восхождение. Короткая передышка помогла, и вот уже Роэн, сделав рывок, зацепился рукой за крюк, с которого свисала веревка, подтянулся и закинул меня наверх.

— Иди первой! — Роэн указал подбородком на вторую веревку, опускающуюся до земли с другой стороны стены. — Сразу беги к лазу.

Не теряя времени даром, я бесстрашно скатилась вниз и торопливо захромала к черному зеву норы. Иначе и не назвать эту черную дыру, вырытую в земле. Хотя даже уважающая себя лиса побрезговала бы селиться в такой грязи.

Роэн догонял. За неполные четыре минуты мы стали с высочеством ближе закадычных приятелей. Но даже у них порой за всю жизнь не наберется столько ярких совместных впечатлений! Я успела полюбоваться пятой точкой, он успел облапать меня за талию — причем неоднократно. Я изучила на носу Златовласки каждую

пору и запечатлела в памяти изгиб брови. Я бы прекрасно прожила без этого потрясающего опыта. Так что в некотором смысле невинности он меня лишил. Душевной.

Поэтому, едва заслышав приближающуюся тяжелую поступь, я кинулась в лаз вперед головой и заработала локтями изо всех сил.

Напрасно я надеялась добраться до света в конце короткого земляного тоннеля без эксцессов. Я ползла недостаточно шустро, заткнула собой лаз, будто пробка — горлышко бутылки. Не хочу даже думать, какой вид открывался Роэну, ползущему следом. Только бы он не вздумал меня подтолкнуть! От одной этой мысли я рванула вперед и вылетела, как та самая пробка из бочонка с газировкой.

Вскочила на ноги, замахала руками. Мы сделали это! Роэн присоединился через миг и тоже поднял руку.

— Четыре минуты пятьдесят пять секунд, — крикнул тренер и сделал пометку на планшете.

И пяти минут не набралось, а я словно целую жизнь прожила! Столько нового познала!

Мы двинулись в обратном направлении, к ожидающей нас толпе однокурсников. Первые мгновения я переживала чистейший восторг. Я

смогла, я дошла! Однако посмотрела на напряженную, неестественно прямую спину Златовласки и сникла. Мы потратили слишком много времени. Сейчас наша пара уверенно занимает почетное последнее место, и если никто серьезно не облажается, оставаться нам в аутсайдерах. Свежее чувство для наследника великой династии, привыкшего быть первым во всем.

На старте Роэн обменялся рукопожатиями с приятелями, которые смотрели с сожалением на него и с осуждением на меня.

— Да забей, — прогудел Элмер. — Ты и так сделал невозможное. Практически вытащил ее на себе.

Как бы зла я ни была, но самообмана не терпела. Вытащил. На себе.

Зачем-то не к месту вспомнился пронизывающий взгляд синих глаз и небрежно брошенное: «Держись! Я страхую!».

Я поежилась от внезапно нахлынувшего озноба. Роэн дернул плечом, обернулся, скользнул по мне равнодушным взглядом. В вытянутой, пропитавшейся грязью форме я представляла собой жалкое зрелище. Тьфу, я ведь еще нос вытирала, пока пробиралась по лазу.

— В очередной раз убедился, что пепельники

по праву занимают свое место на дне, — кинул он презрительно.

Зря я переживала насчет грязи на одежде. Теперь и мою душу снова облили грязью. А это страшнее.

Глава 15

Я не подала вида, что слова Роэна задели меня за живое. В конце концов, ничего нового о пепельных магах вообще и о себе в частности я не узнала. Не понимаю, почему именно сейчас сердце тоскливо сжалось.

Я встала поодаль, наблюдая, как остальные парни проходят трассу. У будущих боевиков — крепких, мускулистых — были все шансы обойти нашу пару, но начало происходить нечто странное. Да, они явно соревновались, вот только не за то, чтобы побить рекорд Элмира и Вейлара и прийти первыми, а прикладывали все усилия, чтобы потратить как можно больше времени и стать последними.

Я даже не сразу поняла, что за череда невзгод накрыла однокурсников. Они теряли ботинки в грязи, цеплялись рукавами за препятствия, спотыкались на ровном месте, но превзошел всех Альб: он упал с мостка в мутную воду и несколько минут барахтался в ней, пока не выдержал сам магистр Калестор.

— Можешь не трудиться, — рявкнул он, оста-

навливая секундомер. — Семь минут! Экзамен на подхалимство сдан!

Оказывается, грубиян-тренер не боится называть вещи своими именами. За это я готова была простить ему холодную встречу.

Я покосилась на Златовласку. Он стиснул челюсти, играл желваками и точно не испытывал восторга от состязания в невиданном подобострастии.

Каково это — быть им? С самого детства видеть льстивые улыбки и желание угодить. С него пылинки сдувают, никто не смеет и слова сказать поперек, зато и настоящих друзей у него нет и никогда не будет. И правды о себе он никогда не услышит. Разве кто-то решится поставить на место высочество, раздувающегося от чувства собственной значимости!

Но, похоже, такой человек нашелся — и это я.

Я уже наговорила на несколько сроков заключения в городской тюрьме и на десять дел об измене короне.

Правда, устав Люминара охраняет меня в стенах академии, где нет принца и пепелушки, а есть студент Асториан и студентка Лир, которые могут грызться и кусаться сколько влезет, лишь бы не учиняли смертоубийств.

Выбравшийся из канавы Альб трясся от холода, но улыбался. Он направился было к Роэну, но тот пригвоздил его к месту тяжелым взглядом, потом отрывисто кивнул тренеру и зашагал прочь от полигона. Занятие как раз завершилось: над территорией Академии прокатился удар колокола.

У меня есть полчаса на то, чтобы переодеться в чистое, но что делать со спортивной формой, пропитавшейся жирной грязью?

Краем уха я услышала разговор парней, в котором мелькали слова «кастелянша», «прачечная» и «чистый комплект». Скорее всего, стиркой формы занималась вещевая служба. Я воспряла духом, но старушке-кастелянше снова удалось меня удивить.

— Не-не-не, — покачала она головой. — Прачечная на светлой половине — для светлорожденных магов, а ты, моя дорогая, маг хаоса. Вот только на темной половине прачечная давно не работает, так что…

Она развела руками.

— Да вы издеваетесь! — пробормотала я. — Где я должна ее стирать? И чем?

— Вот мыло я тебе выдам. Мыло каждому положено. — Она вынула из-под прилавка брусок серого мыла. — А что не положено — то не по-

ложено!

Я скрипнула зубами от бессильной злости. Меня не пугал физический труд — я не провела ни одного дня своей жизни праздно растянувшись на кровати, а уж сколько рубашек, платьев, плащей и штанов перестирала за время работы на Веймеров, и не сосчитать. Меня возмущала несправедливость. Что в городе, что в Люминаре пепельников преследовали одни и те же предрассудки! Будто бы через мою форму светлорожденные могли заразиться страшной болезнью — магией хаоса.

Я поспешила в общежитие, пиная каждый камень и каждую ветку, встретившуюся на пути. Оставалось немного времени, чтобы успеть ополоснуться, переодеться и замочить спортивную форму, пока грязь не засохла коркой.

Неподалеку от своей комнаты я обнаружила бывшую кладовую, где до сих пор хранились помятые ведра, тазы, а главное — из стены торчал кран с потрескавшимся голубым кристаллом. Я повернула вентиль, и кран застонал, зафыркал, плюнул в меня холодной водой с легким запахом ржавчины.

— Это твое место на дне! — крикнула я, загоняя форму в ведро короткими ударами кулаков.

Я месила ее, как тесто, лупила от души, вымещая злость. Вот так, Роэн! И еще удар! Получай! Форма вздыхала, пускала пузыри, просила пощады, но я была безжалостна и неумолима, как истинный маг хаоса.

— Твое! Место! На дне!

— Что здесь происходит, студентка Лир? — Сдержанный голос магистра Кроу раздался в тот миг, когда я трясла воображаемого Роэна за грудки.

— С-стираю.

Мокрый рукав, за который я приподняла рубашку, демонстрируя жертву утопления, жалобно сник, а я не сдержала мстительной улыбки, снова представив принца.

Магистр Кроу невозмутимо изучил немигающим взором меня, вспотевшую от усердия, лужи на полу, форму в потеках грязи и сухо сказал:

— Если тебе так нравится заниматься стиркой, не стоило утруждать себя поступлением в академию.

— В смысле, мне нравится? — возмутилась я. — Мне это вовсе не нравится, но не могу ведь я ходить грязной! Мало того, что форму выдали на несколько размеров больше, так еще и прачечная на светлой половине работает только для

светлорожденных!

— Что? — Лицо наставника заледенело, а в голосе зазвучал металл. — Объяснись!

Сузив глаза, так что они превратились в две щелочки, заполненные черным пламенем, магистр Кроу выслушал мой сбивчивый рассказ.

— Пойдем со мной! — приказал он.

— Куда? — растерялась я. — А форма? Надо застирать сейчас, пока грязь не въелась…

Магистр Кроу молча подошел к окну, выдрал рассохшуюся фрамугу из пазов, подхватил одной рукой ведро и выплеснул содержимое наружу.

Штаны улетели, а мокрая рубашка зацепилась за раму, распласталась по стеклу и медленно сползла, издавая при этом то ли скрип, то ли стон и вздымая рукава в беззвучной мольбе.

— О Пресветлый… — оторопело выдохнула я.

— А теперь идем!

Глава 16

Магистр Кроу стремительно летел вперед, я едва за ним поспевала. Наконец, заметив, что ученица безнадежно отстала, наставник притормозил и пошел медленнее, приноравливаясь к моему шагу.

— Мне жаль, что я не узнал раньше, — сумрачно сказал он, глядя перед собой.

— Да ерунда. Не сказать, что я не надеялась, будто в академии к магам хаоса другое отношение, но… — Я вздохнула. — В целом я не удивлена.

— Порой страх делает людей хуже, чем они есть. Люди боятся всего, что угрожает их жизни. Землетрясений, ураганов…

— И магов хаоса, — закончила я с грустным смешком. — После нападения на старого короля Роэнмара люди предпочли забыть, сколько раз пепельные маги спасали Соларин. Такая короткая память… Я не знаю, чем прадедушка Златовласки не угодил Гаю Эриусу, но, наверное, была причина!

Я не верила учебникам истории, в которых годы правления мудрого короля Роэнмара описы-

вались как золотое время. Он избавил крестьян и ремесленников от удушающих налогов — и сельское хозяйство и производство расцвели. Учредил суды присяжных и отменил пытки — для того времени решительный шаг вперед. Ввел обязательное обучение грамоте для всех детей, независимо от сословия. Позаботился о строительстве канализации, новых больниц, дорог и мостов.

И это малая толика реформ — только то, что первым всплыло в памяти. Но как я могла верить книгам, которые были напечатаны в новое время? Бумага все стерпит, даже самое бессовестное вранье!

Магистр Кроу остановился и повернулся ко мне. Он смотрел на меня, чуть наклонив голову, словно оценивал, смогу ли я понять то, что он собирается мне сообщить.

— Ты достаточна умна, Миррель, чтобы услышать и понять. Это не совсем то, что рассказывает магистр Зендел на лекциях по истории магии, но эта правда тебе тоже придется не по нраву.

Я невольно обхватила себя руками и кивнула — мол, я вся внимание.

— Не все высшие аристократические роды были довольны реформами. Скорее наоборот.

Многолетние устои пошатнулись, права были урезаны. Старые семьи теряли власть, земли и деньги.

Он сделал паузу, будто взвешивал слова.

— Король Роэнмар стал жертвой собственных реформ. Заговорщиками могли стать светлорожденные аристократы. Но стали пепельные. Может быть, как более нетерпеливые и необузданные по своей природе. А может, их использовали как орудие, собираясь одним махом избавиться и от реформатора, и от опасных магов хаоса.

По рукам бежали мурашки — то ли холодный осенний ветер пробрался под одежду, то ли организм упорно сопротивлялся правде.

— Может, он и не заслуживал такой участи, — протолкнула я сквозь зубы. — Но это не значит, что следовало превратить пепельных магов — в изгоев!

— Да, — кивнул магистр Кроу и примиряюще положил ладонь на мое плечо. — Поэтому я здесь, чтобы учить, а ты — чтобы учиться. Еще есть надежда.

— Уж куда там, — пробурчала я.

И двинулась вперед, чтобы наставник не заметил слез, выступивших на глазах. Нет никакой надежды! Златовласка взойдет на трон и перекро-

ет магам хаоса последний кислород — он своих планов и не скрывает!

— Ну же, Елка, ты ведь не из тех, кто отступает! — догнал меня голос магистра.

Я резко развернулась, думая, что ослышалась.

— Откуда вы знаете? — хрипло спросила я. — Это мое домашнее имя! Никто меня так не называет, кроме мамы, сестры и брата.

На долю мгновения на лице наставника проступила растерянность, но быстро исчезла.

— Это не тайна! Я навел справки о своей единственной ученице.

Я подозрительно прищурилась.

— Надпись на вазе ваших рук дело?

— Нет! Нет-нет… Все не так просто. Сейчас я ничего не стану объяснять, чтобы не навредить учебному процессу!

Секунда замешательства, если она не почудилась мне, миновала. Наставник вскинул подбородок и прошествовал вперед, всем видом напоминая, что это он ведет меня за собой, а не наоборот.

Старушка-кастелянша, мирно вязавшая чулок за прилавком, при взгляде на магистра медленно отложила спицы и опасливо приподнялась.

— Магистр Кроу! — Она расплылась в улыб-

ке. — Какая неожиданность! Что вас привело в наш тихий уголок?

— Что меня привело? — Наставник вскинул бровь. — Дайте-ка подумать, Эмма!

Он выдвинул меня вперед, взял за плечи, будто некое учебное пособие, и для наглядности указал на подол платья с марширующими пауками.

— Ах, какая милая вышивка! — проворковала старушка нежнейшим голосом. — Золотые ручки у вашей ученицы. Просто золотые!

— У нее золотые, не спорю, — мрачно изрек магистр. — А у вас… как бы это лучше выразиться. Проворные? Пожалуй, да. Ведь они так ловко пристроили не по назначению форму хаосмагического факультета.

Эмма замахала руками, точно отбивалась от роя докучливых мошек. Потом прижала ладони к груди.

— Да что вы такое говорите! Ах, даже сердце защемило!

— Сердце слева, — сдержанно поправил ее наставник.

Кастелянша торопливо переместила ладони левее, но сделалось очевидно, что номер не прокатит, поэтому она вздохнула, досадливо почесала макушку и пожала плечами.

— Эта форма сто лет никому не была нужна. А между прочим, добротная, сносу ей нет. Чего ей зря лежать? Да я не ради себя — ради людей!

— Верю, верю.

— На благотворительность!

— Угу.

— Сиротам!

— Конечно!

— Но кое-что еще осталось… — с тяжким вздохом признала старушка.

Она направилась к стеллажам, занятым комплектами формы с видом: «Ну какие все-таки неприятные люди!»

— Я вам помогу! — сказал магистр Кроу.

Стопка одежды в моих руках все росла. Отыскалось и новехонькое, с иголочки, форменное платье, и теплая накидка. И — о, чудо! — два набора женской спортивной формы с символом хаосмагического факультета. Рубашка, короткий плащ с капюшоном, черные сапоги на шнуровке, перчатки, берет и форма для практических занятий — со специальными огнеупорными рукавами. Я едва удерживала это богатство, водрузив подбородок на вершину башни из одежды.

— Что-то еще? — Магистр Кроу, прищурившись, смотрел на добытое добро, как на отобранное у

дракона сокровище.

— Больше ничего нет! — забывшись, рявкнул дракон.

— Нитки. И сумку, — робко попросила я.

— Ах да! И жетон в прачечную для студентки Лир!

Старушка мстительно выдала мне сумку размером в половину меня, но я не расстроилась. Как раз все учебники поместятся, а сейчас будет в чем тащить форму.

Магистр Кроу закинул сумку себе на плечо, несмотря на мои деликатные возражения, намекающие на почтенный возраст наставника. Почему-то он очень развеселился и сказал: «Спасибо за заботу, студентка Лир, но я не настолько немощен, каким выгляжу в твоих глазах!»

— Быстро переодевайся и беги на занятие!

Я вытряхнула одежду на кровать. Посмотрела на новехонькое платье. Потом на старое с пауками. И не стала переодеваться. У залатанного платья есть индивидуальность. Мы с моими пауками уже поладили!

Глава 17

Постепенно я привыкала к новой жизни. К комнатушке, ставшей моим домом. К заросшему парку за окном и солнцу, что все еще светило в окна по утрам, хотя с каждым днем погода все сильнее портилась и осень вступала в свои права.

Листья с деревьев облетели и теперь устилали землю ковром такого яркого желтого цвета, что он казался расплавленным золотом. Однако пройдет совсем немного времени, и листья побуреют, размокнут, и парк затаится, готовясь уснуть на зиму.

Расписание меня больше не пугало. Оказывается, за один день можно успеть многое, если постараться: и тренировку на полигоне, и лекции в центральном корпусе, и медитации с магистром Кроу. Стало слишком свежо и сыро, чтобы проводить их на опушке парка, теперь мы устраивались в заброшенном актовом зале учебного корпуса на темной половине. Стулья громоздились вдоль стен, с потолка осыпались чешуйки штукатурки, и каждый раз приходилось

подметать пол, чтобы не испачкаться.

Я все ждала, когда же мы перейдем от медитаций к изучению магии хаоса или хотя бы начнем говорить о ней, но магистр Кроу не торопился.

— Всему свое время, — сказал он в один из дней, когда, приоткрыв глаза, натолкнулся на мой горящий и нетерпеливый взгляд.

В тот момент я была далека от погружения в себя. Вот уже полчаса я злилась, что чувства парения, или падения, как не было, так и нет.

Может, я не настоящий маг хаоса? Ни мама, ни папа не учились в Академии. Что если магия в моей крови сделалась совсем жиденькой, как вода, и дар никогда не проснется?

— Терпение, студентка Лир. И месяца не прошло, как ты начала учебу. Среди первогодков нет никого, в ком проснулась бы сила.

— На элементалистике, во время практики, у Бэт получилось призвать ветер. Ну как ветер… Маленький ветерок.

Я вспомнила, как небольшой вихрь, сорвавшийся с кончиков пальцев Бэт, закружил в воздухе листы с заметками, взметнул волосы девушки, сидящей впереди, как все стихийники, в основном девчонки, закричали от восторга и принялись наперебой поздравлять однокурсницу.

Зависть снова всколыхнулась в сердце, и я прикусила губу.

— Стихийники — самые слабые маги, ты ведь это знаешь? — с легкой улыбкой спросил магистр Кроу.

Я лишь вздохнула. Поняв, что толку от сегодняшней медитации не будет, он встал и протянул мне руку.

Продолжались и тренировки на полосе препятствий. После первого оценочного занятия магистр Калестор изменил тактику. Теперь мы преодолевали полосу поодиночке. К счастью, до промежуточного зачета еще далеко, иначе бы я, стабильно приходившая последней, нахватала бы столько минусов, что к первой сессии мне бы оставалось только упаковать саквояж и тихонечко покинуть академию.

Я все еще была самой медленной и слабой. По мостику передвигалась боком, едва-едва переставляя ноги. На стену карабкалась целую вечность, делая остановки по пути. Нора в земле вызывала ужас, и я ползла по ней зажмурившись. Странная стратегия, я знаю — очутиться в полной темноте, когда и так ее боишься — но почему-то она работала.

Пока я корячилась на трассе, парни и внимания

на меня не обращали. Они привычно устраивали себе передышку, рассевшись на деревянном брусе, как петухи, и так же, как они, распускали хвост и перья.

Знаю, о чем они говорили: обсуждали однокурсниц. Хотелось бы надеяться, что говорили об их уме и длинных ресницах, но я ведь не вчера родилась…

— Хочу пригласить Бэт прогуляться после занятий в пятницу, — сказал Майлз — один из тех парней, кто редко меня доставал.

Сказал, и кончики его ушей покраснели.

Я как раз закончила проходить трассу и прихрамывая возвращалась к месту общего сбора. Тренер даже не смотрел в мою сторону, делая пометки на листе, да и никто не смотрел. Когда первая волна любопытства к настырной пепелушке схлынула, парни стали воспринимать меня как приблудную собачонку. Бегает вокруг, не уходит, привязалась — сил нет. И не прогнать, и не избавиться. Вечно грязная и никчемная.

Папа, пока был жив, всегда говорил, что из меня вырастет настоящая красавица. Яркая и невероятная — глаз не отвести. Эх, папа-папа, ты был слишком добр ко мне. Конечно, ведь я твоя дочь.

Не то чтобы я жаждала внимания этих ду-

боломов, но время от времени мучил вопрос: «Почему? Неужели черные волосы делают меня дурнушкой?»

— Ты и Бэт? — фыркнул Элмер.

Он оглянулся, увидел меня и хохотнул.

— Иди вон лучше Пепелушку пригласи, то-то она обрадуется!

Все заржали и уставились на меня, как в первый раз увидели. Тьфу! Бойтесь своих желаний! Лучше бы я по-прежнему оставалась для них невидимкой!

— Отвали, — пробормотал Майлз. — Сам приглашай Пепелушку или… вон… мешок с мусором. Он тоже обрадуется!

Придурки!

Роэн, кстати, не удостоил меня и взглядом, не повернул головы. Да, точно, я же пыль!

Элмер продолжал как ни в чем не бывало:

— Право выбора принадлежит его высочеству. Захочет он позвать Бэт — значит, позовет. А вы все поклонитесь и пожелаете приятного вечера. Роэн не просто так поступил в Люминар…

— Замолчи! — оборвал его Роэн.

— Ну нет, студент Асториан, — со смехом воспротивился Элмер, намекая, что может не слушаться приказов. — Парням ведь интересно.

Да, парни?

— Да! Еще как!

Я тоже навострила уши.

Я не видела лица принца, только его закаменевшую спину. Честно, я до сих пор не понимала, зачем он поступил в академию. Живет в крошечной комнатушке в общаге, посещает вместе со всеми лекции и практикумы, когда мог бы учиться в комфортных условиях у себя во дворце.

— Хорошо. Это не тайна, — сказал Роэн слишком спокойным голосом.

Я сама выбираю именно этот сдержанный тон, когда внутри все клокочет от злости.

— Отец настаивает на женитьбе.

— О-о-о! — развеселились парни и принялись колотить его по плечам. — Ого-о-о!

Какие они все-таки примитивные создания, просто фу.

— Во время зимних балов должен был состояться традиционный отбор невест.

— У нашего жениха весь кабинет завален портретами потенциальных невест со всех концов королевства! — не выдержал Элмер.

— Можешь продолжать вместо меня, — сухо проговорил Роэн и отошел в сторону.

Парни ненадолго растерялись, притихли, од-

нако любопытство оказалось сильнее, тем более что Элмер явно не опасался возмездия со стороны принца.

— Но Роэнмар наотрез отказался от отбора, смотрин, зимних балов и приукрашенных художниками невест. Он сказал, что сам выберет себе девушку, здесь, в академии. Заодно и поживет среди простых смертных, похлебает кашу из общей миски, причем не серебряной ложкой.

Я вспомнила уставленные яствами столы и хмыкнула.

— Готовится к роли правителя. Полевая практика!

— Все сказал? — процедил Роэнмар.

— Все, дружище! Ты сам хотел стать ненадолго обычным смертным, Асториан, — с вызовом откликнулся Элмер.

Складывалось ощущение, что у приятеля принца и его телохранителя за годы бок о бок с наследником, когда он вынужден был держать язык в узде, слегка поднакипело.

Я стояла не так далеко — все видела и слышала, но меня снова перестали замечать. Роэн стиснул кулаки, голос прозвучал бесстрастно.

— Благодарю, что напомнил. И пусть никто не забывает, что здесь я студент. Пусть Май-

лз приглашает Бэт, если хочет. И я приглашу. Посмотрим, кого она выберет.

«И кого же она выберет, интересно?» Я мысленно закатила глаза.

Глава 18

Не знаю, чем закончился спор Роэна и Майлза. Меня, конечно, никто не пригласил в свидетели. Состоялось ли свидание принца и Бэт в пятницу — понятия не имею, но на следующий день, в субботу, я против воли приглядывалась к заносчивой светлой. Улыбается ли она как-то особенно радостно? Поглядывает ли на однокурсников с еще большим превосходством? Изменений я не заметила. Может, парни, поразмыслив, решили не торопить события?

Какое мне дело до матримониальных планов высочества? Почему я злюсь, когда думаю об этом? Из-за своих наивных детских фантазий? Ну право же, Елка, это просто смешно! Нет больше того хорошенького мальчика в открытой повозке, запряженной шестеркой белых лошадей. Да и не существовало никогда. Всегда был только избалованный отпрыск великой династии. И вот он рос, рос и вырос в гадкого, высокомерного хлыща.

Скоро он выберет невесту себе под стать, и они оба будут морщить носы, услышав о пепельниках. Бэт — отличная пара высочеству. Совет да

любовь!

Хорошо, что слабый интерес к планам Роэна нечасто занимал мои мысли, в основном я думала об учебе. Мой бедный мозг пытался уместить и разложить по полочкам самые разнообразные сведения об использовании магии — в основном, правда, светлой.

Но так как дар пока почти ни у кого не пробудился, и на практикумах по целительству, и на артефакторике, и на алхимии нас учили общим вещам, доступным и обычным людям без магии.

Магистр Перенея, преподавательница алхимии, пока рассказывала об основных ингредиентах зелий, которые можно купить в любой зелейной лавке: от головной боли, от насморка, от ревматизма.

Воздух лаборатории пропитался запахом ароматических масел и вытяжек из трав. На столе перед каждым студентом стоял ящичек со склянками и флаконами, располагался котелок и нагревательный камень. Мой стол занимал последнее место в ряду, за спинами студентов, но я ничуть не переживала по этому поводу: никто лишний раз на меня не оборачивался, зато я слышала и видела всех.

— Три капли мятного масла, — ровным убаю-

кивающим тоном вещала магистр. — Студентка Фери, я отсюда вижу, что вы явно перестарались с маслом. Размять в пальцах лист алоэ… Студент Свент, зачем вы запихиваете лист себе в нос?

— У меня нафморк, — гнусаво пояснил Альб.

— Мы как раз создаем прекрасное средство от насморка. Студент Асториан, никогда не видела, чтобы зелье «Чистое дыхание» выглядело как вода из лужи. Вылейте и начните сначала.

Аудитория притихла. Все подумали: как принц отнесется к замечанию? Я уже становилась свидетелем того, что проигрывать он не любит и не умеет.

— Я уверен, что это улучшенный вариант фелья! — прогундосил Альб: этому человеку никогда не надоест пресмыкаться.

Роэн молча вылил зелье в ведро для неудавшихся варок и отправился отмывать котелок. Я посмотрела на свое зелье: ярко-зеленое и приятно пахнет мятой.

— Чуть позже, после зимней сессии, когда во многих из вас раскроется магия, я стану учить добавлять в настои и лекарства капли дара, чтобы наделить их волшебной силой, — как ни в чем не бывало продолжала магистр Перенея. — Капелька светлой магии, и «Чистое дыхание» вылечит

насморк с первого раза.

— Капелька пепельной магии, и нос сразу отвалится! — подала голос с первой парты Бэт.

Все захихикали.

— Да, пепельную магию добавлять не стоит, — согласилась преподавательница, но пока все злорадно оборачивались на меня, вот, мол, даже магистр с нами согласна, добавила: — Это как стрелять из пушки по мухам. Пепельный целитель, если он вдруг рождается, что случается редко, одним махом может избавить от насморка всю округу, а то и весь город.

— Или может разом остановить десятки сердец! — высказался Роэн.

— Да… Да, это тоже.

Теперь на меня косились с опаской, а я делала вид, что не замечаю быстрых взглядов, и так активно мешала варево деревянной лопаточкой, что она в итоге вырвалась из руки и улетела на пол.

Спустя три недели, в последнее воскресенье лиственя, в академии по традиции наступал день открытых дверей, когда первокурсников навещали их родные. Ведь студенты не могли покидать стен Люминара в первые полгода. И это не шутка! Некоторые парни настойчиво пытались обойти

правило, чтобы доказать себе и другим, что это возможно.

Арка ворот, так легко впустившая нас на территорию академии, изнутри оказалась будто бы затянута прозрачной пленкой. Студенты увязали в ней как мухи в паутине, а потом она, растянувшись, отбрасывала их назад. Через стену перелезть тоже не получалось: защитное поле накрывало Люминар куполом.

Зато второкурсники без труда входили и выходили, и потешались над первогодками. За небольшую плату они готовы были принести нам из города сладости или другие необходимые мелочи. Однокурсники частенько скидывались на орешки и сахарные рогалики. Меня в долю никто не звал, да и те несколько монет, которые мама дала мне с собой на всякий случай, жалко было тратить на чепуху.

Второкурсница Кимми, которая меньше других кривилась при виде пепельного мага, по моей просьбе купила для меня в галантерейной лавке несколько катушек с черными нитками.

Вечерами я занималась вышивкой. Раз уж я ужасный темный маг и никто не ждет от меня радужных единорогов — да я и сама никогда не опустилась бы до подобной гадости — значит, так

тому и быть.

На моем плаще и на берете, на перчатках и спортивной форме расцветали черные тюльпаны, расправляли крылья во́роны и летели черные бабочки, изгибались колючие ветки терновника.

Я никого не хотела пугать, но любить меня все равно никто не станет, а так хотя бы поостерегутся и не полезут. Колючие ветви и летящие во́роны — моя защита.

— В честь меня? — улыбнулся магистр Кроу, указывая на новенькую вышивку с черной птицей.

— А?

Точно, ведь его фамилия переводится с древнего лумарийского языка как «ворона».

— Почти! — кивнула я. — В честь любимого наставника! Только это не ворона, а ворон.

— Вот лиса!

— Эта яркая рыжая бестия? Нет уж, я, пожалуй, тень. Просто тень.

Магистр Кроу подбадривающе улыбнулся и похлопал меня по плечу.

— Кстати, ты можешь представлять летящего ворона, когда медитируешь. Может, так получится лучше?

— Я попробую!

Но я отвлеклась от дня открытых дверей. Родители первогодков валом валили в академию с самого утра. Судя по богатым одеждам, по слугам, которые тащили следом за господами тяжелые корзины с подарками для любимых чад, мало кто из поступивших был незнатного происхождения.

Это неудивительно. Люди, обладающие магией, всегда поднимались выше остальных. Сила давала власть. Когда-то так было и с пепельниками…

— Разойтись!

Громкий оклик выдернул меня из мыслей.

Да, я, конечно, тоже пришла к воротам, надеясь, что мама смогла выкроить время, чтобы увидеться со мной.

Сквозь арку, чеканя шаг, промаршировал отряд гвардейцев, рассредоточился, создавая проход.

— Король, король… — зашептались вокруг. — Его величество!

Роэнмар отделился от толпы первогодков и приблизился, склонив голову. Он положил правую руку на грудь, левую завел за спину, готовясь поклониться отцу. Принц, как обычно, держал лицо, но все равно было заметно, что и он скучал по родителям.

Капитан гвардейцев, бдительно оглядываю-

щий студентов и их гостей, заметил меня.

— Ты должна уйти! — приказал он.

— Но…

Я не то чтобы мечтала поглазеть на правителя, и даром не надо такого счастья, но в арке ворот, за чередой выстроившихся экипажей, украшенных позолоченными гербами, мелькнула хрупкая темноволосая фигурка, закутанная в шаль.

Я знала эту шаль. Я сама вышивала на ней рябину — любимую мамину ягоду. Мама ждала своей очереди, чтобы зайти. Она прижимала к груди маленькую корзинку. Наверняка в ней лежат теплые булочки и так любимые мною блинчики с творожной начинкой.

— Вон! — взревел капитан. — Или тебя выведут!

Роэн обернулся и сверкнул глазами.

— Уходи! Пепельным магам не место рядом с моей семьей!

— Иди! — зашикали все. — Давай, вали уже! Подпустили уже раз пепельника к королю! Знаем, чем это закончилось!

Я отступила. Шаг. Еще шаг.

Развернулась и побежала прочь. Пересекла невидимую линию, отделяющую светлую половину от темной. Упала на прелую листву. Закрыла

лицо руками.

Я чувствовала себя ужасно одинокой, но лучше быть одной, чем в толпе этих уродов.

— Не лежи на земле, простудишься, — сказал мягкий и в то же время сильный голос.

— Магистр Кроу?

Я открыла глаза и тут же вскочила на ноги. Вовсе не магистр Кроу возвышался рядом, а тот самый пепельный маг с длинными волосами, собранными в хвост. Его лицо казалось странно знакомым, однако я никогда раньше не видела этого мага с высокими скулами, узким подбородком и тонкими дугами бровей.

— Все наладится. Мир любит равновесие. Просто весы иногда слишком долго решают, на чью сторону склониться.

Он больше ничего не стал говорить, приподнял краешки губ в улыбке, кивнул и неторопливо отправился прочь, в сторону заброшенных корпусов академии.

Тысяча вопросов вертелись в моей голове, но пока я собиралась с духом, чтобы задать хотя бы один, статная фигура скрылась среди высоких темных стволов.

Глава 19

Я долго бродила по парку, по едва заметным тропинкам, а вечером у двери комнаты я обнаружила корзинку и записку, написанную маминой рукой: «Елочка, в следующий раз обязательно увидимся!».

— Спасибо, магистр, — прошептала я. — Это ведь вы принесли корзинку? Больше некому.

В который раз я благодарила наставника за помощь: он, как настоящий добрый волшебник, всегда приходил мне на выручку.

Пролетели еще три недели учебы. Стихийные маги первыми делали успехи в развитии дара. Теперь занятия на практикумах по элементалистике напоминали попытку перебраться через бурную реку в грозу на лодке: со всех сторон летели брызги воды, порывы ветра вздымали одежды, сверкали молнии. Благо на потолке стояли глушилки и не давали стихиям слишком уж разыграться.

На финише полосы препятствий теперь появилась мишень в виде металлического щита с нарисованными на нем концентрическими

кругами.

— Слушаем внимательно! — надрывался тренер, объясняя будущим боевикам принцип создания файербола. — Сосредоточьтесь на тяжести внутри солнечного сплетения, где собирается сила. Представьте огненный шар, который перекатывается из груди в вашу ладонь. Пальцы сложены так, будто вы держите снежный комок. В снежки все играли?

— Что-то я пока не чувствую тяжесть в груди, — растерянно почесал подбородок верзила Урисон. — Только в желудке.

Все принялись хохотать и изображать, будто кидаются снежками.

— Тишина! Не у всех файербол получится с первого раза, да и с десятого тоже. Но теперь последним этапом прохождения трассы станет поражение мишени. Десять баллов за каждый получившийся удар!

Поначалу это смотрелось ужасно смешно. Парни вылезали из норы, кое-как отряхивались, замахивались и отправляли воображаемый снаряд в металлический щит — обычно с таким видом, будто говорили: «Ладно, я притворюсь, что это нормально — кидаться невидимыми снежками!» Наблюдающие в это время корчи-

лись от смеха.

Конечно, я была в числе тех, кто кидался воздухом, вот только мои броски сопровождались еще и комментариями:

— В прыжке, Пепелушка, в прыжке! Кошка лапой и то сильнее бьет!

Смеялись и над Роэном, как над одним из своих. Все постепенно привыкли, что с ними учится не наследник престола, а студент Асториан.

Веселье резко прекратилось после того, как с ладони Роэна сорвался огненный шар и с гулким ударом разбился о щит. Вокруг меня десяток ртов подавился смехом, а после парни взорвались победным «А-а-а-а! Он сделал это!».

С каким же гордым видом Златовласка возвращался на старт! Зря я надеялась, что кто-нибудь утрет его задранный нос и первым продемонстрирует силу.

Впрочем, если подумать, в прорыве Роэна нет ничего удивительного: род Асторианов один из самых сильных среди светлорожденных магов.

Каждый одногруппник стремился пожать руку, только что запустившую файербол, и даже магистр Калестор одобрительно кивнул и черкнул на листе, где отмечал все наши успехи и провалы.

Как же мне хотелось именно сегодня создать что-то разрушительно-прекрасное. Так приложить по щиту, что и столб не выдержит, повалится на землю. Грохот, треск, грязь летит во все стороны! У парней отваливаются челюсти, а глаза лезут на лоб. А я, спокойная и бесстрастная, неторопливо иду назад.

Вместо этого…

— Держи воздух крепче, Пепелушка! А то выскользнет!

И все же, хотя мои успехи были никому пока не заметны, я тоже продвинулась вперед. На медитации я наконец-то поймала то самое чувство — чувство полета.

Я представляла ворона, летящего над ночной долиной. Внизу темная громада леса, широкая лента реки, чуть-чуть мерцающая при свете луны. Вверху мириады звезд. Ветер гладит перья, подставляет прохладные ладони под крылья, не позволяя упасть. И в какой-то миг я ощутила, будто отрываюсь от земли, от собственного тела и парю, легкая, невесомая, свободная…

— Получилось! — выдохнула я.

Голова кружилась с непривычки, а сердце колотилось от радости.

— У меня все-таки есть дар! Он просыпается!

— Конечно, есть, — улыбнулся магистр Кроу. — Странно, что ты сомневалась. Вспомни день, когда ты пришла на вступительные испытания.

— Ах да, ваза… Но это больше было похоже на фокус, на трюк…

— По-твоему, я фокусник? — Наставник приподнял бровь.

— Нет, что вы! — стушевалась я. — Простите! А что теперь? Мы займемся наконец магией?

— Чем же мы занимались до этого? — Несуществующая бровь задралась еще выше.

Совершенно пристыженная, я уставилась в пол, но когда снова решилась вскинуть взгляд, глаза магистра Кроу смеялись.

— Нетерпеливая молодость! Так знакомо… Мы приступим к плотным практикам со следующего понедельника. Завтра меня не будет в Академии, отлучусь по делам в Нов-Куарон.

— Завтра медитации не будет?

— Нет. Однако не забывай про остальные занятия. Насколько я помню, в пятницу у тебя плотный график.

— Да, — кивнула я, подумав о полигоне, об элементалистике и артефакторике: полна коробочка!

Если бы я только знала заранее! Если бы могла

предположить, что проклятую пятницу мне придется переживать снова. Снова. И снова!

День не задался с самого начала.

Я проснулась оттого, что мне на лоб упала ледяная капля. Стакан холодной воды и то подействовал бы менее бодряще, чем этот точечный удар по голове. Бр-р-р! Я вскочила, думая сразу и о сумеречнике, неведомым образом пробравшемся в комнату и вонзившем острый клык между моих бровей: кто знает этих сумеречников, вдруг они начинают съедать жертву с головы! И о стихийниках, призвавших дождь прямо в мою спальню. И даже о Роэне, залепившем в меня файерболом, который по пути превратился в снежный комок.

Стоило мне подняться, как я сразу же забыла мутные образы сновидения. За окном шумел ливень. Струи воды бились о стекло.

Никаких сумеречников в спальне, только прохудившийся потолок. Вторая капля ударилась о подушку, где только что лежала моя голова. Я посмотрела вверх: на штукатурке расплывалось мокрое пятно.

— Доброе утро! — хмуро пробормотала я. — Утро доброе. А я не очень.

Глава 20

Форма, разложенная на стуле, за ночь успела отсыреть, и от самого крупного паука на подоле образовались черные потеки.

Не удалось принять и теплый душ. Розовый кристалл именно сегодня решил разрядиться: он потемнел и перестал греть воду. Нужно ждать возвращения магистра Кроу, чтобы он снова заполнил его магией.

Пришлось обмыться холодной водой. Я кое-как натянула на влажное тело влажную спортивную форму и закуталась в накидку.

Дождь стоял стеной. Капли пузырились в лужах — Себ утверждал, что если на лужах пузыри, значит, ливень продлится еще долго и нет смысла пережидать, спрятавшись под козырьком.

Я натянула капюшон. Вдохнула-выдохнула и бросилась бежать в сторону столовой. Во время завтрака небо не просветлело, струи по-прежнему хлестали в окна. Небо будто решило отыграться за хорошую погоду, стоявшую последние дни, и разом вылить на наши головы месячный запас осадков.

Я отчаянно надеялась, что магистр Калестор сжалится над первогодками и перенесет занятие, но не тут-то было. Когда я добралась до полигона, парни уже сложили накидки на деревянный брус и переминались рядом с ноги на ногу, напоминая теперь не петухов, а мокрых куриц.

Пока я дрожащими от холода руками развязывала тесьму у горла, тренер расхаживал перед строем, перекрикивая шум дождевых струй.

— Будущие боевики должны привыкать к тяготам несения службы. В грозу или зной, в метель и ураган — вы должны стоять нерушимой стеной, оберегая покой Соларина!

Парни молчали, сцепив зубы. Никто не ныл. Через миг, когда ледяные потоки воды хлынули мне за шиворот, я поняла, откуда взялось это мужественное упрямство. Я и сама стиснула челюсти так, что они заболели — никакой возможности пожаловаться, зубы просто не разжимались.

Магистр дошел до конца ряда, уперся взглядом в меня и притормозил на секунду. Я будто увидела себя его глазами: нахохлившийся воробей, слишком дохлый даже на фоне куриц.

— Самый слабый студент по правилам проходит трассу последним, но предлагаю сегодня пропустить студентку Лир вперед, — сказал

тренер.

Как, должно быть, жалко я выглядела, если даже суровое сердце бывшего военного дрогнуло.

— Нет уж, с чего вдруг такие привилегии! — буркнул Альб. — К тому же пепельные вообще не так сильно чувствуют холод и боль, это всем известно.

Любимый миф о пепельниках, как же, наслышана! Однокурсники не смотрели на меня, уставились в разные стороны.

— Студент Свент прав, — резко ответила я. — Никаких поблажек!

Я, как могла, расправила плечи, правда, пришлось обхватить себя руками, чтобы не дрожать слишком сильно.

Златовласка и два молодца, одинаковых с лица, вечно приклеенных к его спине, появились последними.

— Неужели вы решили почтить нас своим присутствием, студент Асториан? — съязвил магистр Калестор.

— Я не опоздал, — сдержанно ответил Роэн, и, будто в подтверждение его слов, над академией проплыл удар колокола.

Странно, он всегда являлся в числе первых, но сейчас меня меньше всего интересовала причина

задержки: я подпрыгивала на месте, стараясь согреться.

В носу чесалось, и хотелось чихать. Только заболеть не хватало! Что же, если я подхвачу насморк, зелье «Чистое дыхание» должно выручить. Магистр Перенея оценила его на десять баллов и сказала, что давно не видела у новичков столь безупречного зелья.

— Жаль, что ты пепельный маг, — покачала она головой. — Из тебя получился бы отличный зельевар. Но как только мы поймем, с какой магией имеем дело, твои занятия у меня закончатся.

— Слишком опасно?

— Слишком опасно, — согласилась преподавательница со вздохом: ей явно не хотелось терять перспективную ученицу, да и я с радостью продолжила бы обучение, но…

— Пепельных вообще к зельям не допускают?

— Обычно нет. Хотя студентка Фери неудачно пошутила про отвалившийся нос, в каждой шутке, как говорится, есть доля шутки. Но ты не расстраивайся. Все равно курс алхимии для тех, кто не выберет это основной профессией, ознакомительный, пока у вас магия не проснулась.

Я подумала про будущих боевых магов, которые смотрелись довольно забавно, нависнув

над крошечными котелками, помешивая варево лопаточками и кроша в огромных пальцах сухие былинки.

Златовласка, наверное, рад до безумия, что его мучения на алхимии, артефакторике и элементалистике ограничатся первым семестром. Зельевар из него никакой.

Зато мне магистр Перенея в качестве поощрения отлила во флакон моего же зелья, мол, погода дождливая, скоро все начнем хлюпать носами.

— В следующий раз я специально для тебя подготовлю задание посложнее. Вдруг да пригодится.

Поэтому сегодняшнего практикума я ждала с особенным нетерпением. И сама преподавательница мне нравилась. Она останавливала однокурсников, когда они, вспомнив о моем существовании, отпускали шуточки в адрес Пепелушки. На ее занятиях я чувствовала себя в безопасности.

Я замерзла, вымокла насквозь, в носу чесалось все сильнее, но мысль о том, что после тренировки я переоденусь в сухую одежду и приду в уютную аудиторию, где пахнет маслами и травами, придавала сил.

Роэн одним из первых подошел к старту, провел

руками по волосам, с которых потоками стекала вода. Я мысленно позлорадствовала: непросто ему будет высушить этакую шевелюру. И почему не подстричься, как нормальному человеку?

Впрочем, я ведь и сама после душа из осеннего дождя теперь до вечера волосы не просушу.

Девочки-стихийницы, едва заполучив магию, уже вовсю призывали ветер, чтобы с утра сделать укладку. Когда-то у мамы был ветродуй — металлическая трубка со встроенным кристаллом. Дорогую вещицу папа подарил ей на день рождения. Потом кристалл, конечно, разрядился, а зарядить мы не смогли: папы к тому времени не стало и услуга магов оказалась нам не по карману.

Именно стихийники и создают подобные безделушки. Обойтись без них можно, но как они упрощают жизнь! И работа непыльная, а монетки всегда позвякивают в кармане.

Вот бы и во мне дремала магия наподобие стихийной — заживем безбедно!

Я размечталась, как куплю в благополучном районе квартирку для семьи — маленькую, но светлую и уютную, где у каждого будет своя комната. Лиза и Себ пойдут в хорошую школу. И пусть соседи сколько угодно фыркают при виде темно-

волосых голов: деньги умеют решать проблемы и затыкать рты. Утром на завтрак мы станем пить какао. Как-то раз я пробовала какао. От одного воспоминания на языке сделалось сладко, а на душе тепло.

— Пусть Пепелушка бежит первой, — выдернул меня из мечтаний голос Роэна.

Я уже почти согрелась и под ледяным дождем, грезя о будущей счастливой жизни, но теперь снова задрожала: спортивная форма промокла насквозь.

— Смотреть противно, — добавил он. — Трясется как овечий хвост.

Ну кто бы сомневался, что он отправляет меня вперед не из добрых побуждений.

— Противно — не смотри! — огрызнулась я.

На этот раз Альб прикусил свой длинный язык, да и остальные угрюмо закивали.

К финишу я пришла грязной, как лесовик-болотник из детских сказок. Не завидую работникам прачечной! Вяло замахнулась и изобразила бросок огненного шара по мишени.

Мои надежды на грохот, хруст столба, брызги грязи снова не оправдались.

Мишень просто исчезла. Бесшумно. Мгновенно. Вместе со столбом, на котором крепилась.

За моей спиной, у стартовой черты, тоже воцарилась мертвая тишина. Однокурсники встречали меня вытянувшимися лицами и отвисшими челюстями.

— Что? Даже ни одной шутки про кошку? — мило улыбнулась я, проходя мимо шеренги боевиков.

Они потеснились, пропуская меня к брусу, где лежала форма. Я небрежным жестом, хотя руки тряслись от волнения, сгребла накидку.

— Появился, появился! — заорал Майлз, указывая вдаль.

Столб стоял на прежнем месте как ни в чем не бывало. И щит целехонек. Да только на нем поперек концентрических кругов крупными буквами было написано: «Время».

— Время? — зашептались вокруг. — Почему время? Время истекло? Или что?

— Студентка Лир, зайдите сегодня после занятий к ректору, — сказал тренер.

Магистр Калестор единственный сохранял спокойствие. Он оторвал половинку листа бумаги и что-то быстро записывая. Планшет в его руках, листы и карандаш укрывало защитное поле, и ни одна дождевая капля сквозь него не пробилась.

— Я передам ему записку, он будет вас ждать.

— На отчисление? — Мое сердце дрогнуло.

Вдруг здесь нельзя испарять боевые мишени?

— На уточнение учебного плана, — усмехнулся магистр Калестор. — Больше нет необходимости в моих тренировках. Вы не боевой маг.

— А кто?

— Вам все объяснит ваш наставник! Идите. Не станем заставлять других студентов ждать.

Крайне заинтригованная, взволнованная и даже немного испуганная, я со всех ног побежала в общежитие. Как же не вовремя уехал магистр Кроу, теперь до завтра ждать пояснений!

Но была и хорошая новость: не придется больше ползать по грязи! Прощайте, нора в земле и мозоли на руках из-за грубой веревки!

Когда я торопливо бежала через парк, среди деревьев мелькнула знакомая фигура в темной одежде. Но что бы ни делал незнакомый пепельный маг на темной половине Люминара, магистр Кроу сказал, что в этом нет ничего особенного.

Я остановилась и подняла руку, приветствуя молодого мужчину, а он ответил таким же приветственным жестом.

Переодевшись в платье, я связала в узел насквозь пропитавшуюся грязью спортивную форму, чтобы позже отнести в прачечную. С во-

лосами пришлось повозиться, с них, как с губки, лились потоки воды. Я кое-как просушила их полотенцем, но на занятие по элементалистике пришла последней.

Все крючки над сушильными артефактами вдоль стены оказались заняты мокрыми накидками. Свою мне пришлось развесить на стуле. Поглощенная подготовкой к занятию, я не сразу заметила странное оживление в аудитории.

— Роэн, Роэн… — шептались девчонки и хихикали. — Это точно его рук дело. Он такой милый!

Глава 21

«Это Роэн-то милый? — мысленно хмыкнула я. — Ну да, кто-то ведь и рептилий считает милыми!»

У меня не возникло ни малейшего желания выяснять, чем же на этот раз отличился наше крокодильшество, но однокурсниц, бурно выражающих восторг, было не остановить. Да и причина восхищения оказалась видна невооруженным глазом.

У каждой девушки на парте стояла корзинка, где лежали конфеты, фрукты и роза, погруженная в стазис. Такой защищенный магией цветок радует красотой месяц, а то и два, пока заклинание не выветрится.

Но самую большую корзину, наполненную доверху спелыми персиками, Роэн приготовил для Бэт. Теперь понятно, чем Златовласка был занят с утра пораньше: готовил сюрприз. Видно, сегодня и состоится день Х, когда Роэн пригласит на свидание первую красавицу факультета стихийников.

Сама Бэт держала в руках букет из пурпурных

роз, не столько вдыхая чудесный аромат, сколько пряча в бутонах раскрасневшееся от смущения и радости лицо.

Ну, высочество, ты стратег! У бедняги Майлза просто не осталось шансов потягаться за внимание однокурсницы. Хотя, по правде сказать, какой из него соперник наследного принца? Роэн мог обойтись без шикарного жеста, но, похоже, ему нравилось смотреть, как девчонки пищат от умиления, демонстрируя друг другу розы всех цветов.

Принц как раз зашел в аудиторию. Замер у двери, сложив руки на груди, и с широкой улыбкой наблюдал за суетой. Влажные волосы отливали золотом при свете магических светильников, синие глаза сияли.

На короткий миг у меня от терпкого аромата цветов помутился разум. Или холодным осенним ветром так продуло уши, что мозги ненадолго замерзли. Я поймала себя на том, что разглядываю Златовласку и думаю: «Какой красивый!».

Поскорее отвернулась. Хорошо, что никто не заметил моего ошарашенного лица. Надавать бы себе оплеух! Красивый? Красивый?!! Да гад он последний! Хладнокровный и жестокий гад. Настоящий враг всех пепельных магов.

Я направилась к месту, на ходу шаря в огромной сумке и пытаясь выудить со дна магическую чернильницу-непроливайку и пенал с перьями.

И едва не споткнулась, увидев на моем столе корзинку, укрытую салфеткой.

Я оглянулась, не веря своим глазам. Мол, эй, люди, кто-то здесь забыл свою корзинку? Но у всех однокурсниц в руках были розы. Я подобралась к неожиданному подношению, глядя на него, как на притаившуюся в кустах змею. Тронула уголок хлопковой материи.

— Эй, юные дарования, магистр Кэлл задерживается. — В аудиторию заглянул старшекурсник. — Она просила передать, чтобы вы ждали ее и вели себя тихо.

Конечно, новость о том, что преподавательница задерживается, еще больше раззадорила однокурсников. Кто-то из парней оседлал парту, девчонки рядком уселись на широкий подоконник, уткнувшись носами в лепестки.

Бэт медлила, не присоединялась к подругам. Делала вид, что все ее внимание занято чтением конспекта с прошлой лекции. Но читала она его стоя, лицом к выходу и Роэну, при этом не забывала небрежно поправлять белокурые локоны и покусывать нижнюю губу.

Парни все как один сделали стойку, как охотничьи собаки на невинную перепелку. Я совершенно не умею кокетничать, а вот Бэт в этом деле мастерица.

С моего места открывался отличный вид на театр человеческого тщеславия. Билеты в партере!

Сейчас, по закону жанра, ход за Златовлаской. И он не подвел.

Высочество сделал вид, что направляется к своему столу в первом ряду, но будто случайно остановился рядом с Бэт.

Краем глаза я заметила, что и Майлз, недавно зашедший в аудиторию, дернулся было вперед, но скользнул взглядом по корзинкам, цветам, сладостям и сразу сник. Бедолага.

— Бэтти, — позвал Роэн.

Она отвела взгляд от страницы с конспектом — хоть бы для вида переворачивала страницы, что ли! — и захлопала ресницами.

— Роэн, привет! Ты о чем-то хотел меня спросить?

— Да. — Принц широко улыбнулся. — Можешь высушить мне волосы своей воздушной магией?

— О… — растерянно выдавила Бэт, она явно на другую просьбу рассчитывала, а я едва не расхохоталась.

Отменное представление!

Однако стихийница быстро взяла себя в руки, жестом предложила Роэну сесть и осторожно прикоснулась к длинным светлым прядям. Медленно запустила в них пальцы. Волосы заколыхались, как под порывами ветра, к потолку потянулись струйки пара. Принц замер и жмурился от удовольствия, как сытый кот.

— От твоих рук тепло, — промурлыкал он.

Фу, как бы не стошнило.

Принц меж тем поймал ладонь Бэт. Они стояли близко-близко. Бэт уместилась между разведенных коленей Роэна, запустив одну руку в его шевелюру.

— Позволишь пригласить тебя сегодня на вечернюю прогулку? — спросил Златовласка, глядя на Бэт снизу вверх нежным взглядом.

— Конечно! — прощебетала она, заливаясь румянцем.

Девчонки на подоконнике пищали что-то восторженно-неразборчивое. Парни ухмылялись, но никто, конечно, не позволил себе скабрезностей. Роэн сверкал зубами. Бэт хихикала, как дурочка. Я же чувствовала себя лишней на этом празднике жизни.

«Поздравляю, крокодильшество, ты сделал

это! — саркастично хмыкнула я про себя. — Что там обычно желают молодым? Умерли в один день? Жили долго и счастливо, пожалуй, пропустим».

Я злилась. И не понимала — почему злюсь.

Роэн вон аж подвиг совершил: преподнес корзину с дарами. И хотя меня так и подмывало сделать какую-нибудь бяку — имею право, я ужасный маг хаоса, от меня добра не жди! — но ладно, сдержусь. Так и быть.

Я сняла с корзины салфетку, ожидая увидеть самый невзрачный цветок и не первой свежести фрукты. Подношение для Пепелушки наверняка собирали по принципу «лучше так, чем на мусорку».

Но к чему я точно не была готова, так это к корзине, полной углей и золы.

Дальнейшее я совершила, не приходя в сознание. Наверное, именно это состояние и называют состоянием аффекта.

Я будто со стороны наблюдала, как схватила корзинку, подлетела к счастливой парочке и высыпала содержимое корзины на венценосную голову.

Так как Роэн явно не собирался извиняться за подлый поступок и «посыпать голову пеплом», я

сделала это вместо него.

Зола покрыла ровным слоем еще влажные волосы принца, испачкала лоб и щеки, легла эполетами на плечи, закружилась черным облаком вокруг высочества. Бэт с визгом отпрянула.

Роэн ошалело моргал из-под обрушившегося на него вулканического выброса пепла. Потом медленно поднялся.

Глава 22

— Ты что творишь, ненормальная? — завопила Бэт.

Роэн застыл столбом. Слегка обугленным столбом, с которого облетали чешуйки пепла. Вот он раскрыл рот, но вместо ругательств издал сдавленное «Кхе-кхе». Не знала бы я крокодильшество как облупленного, решила бы, что он пытается подавить смех.

— Ну, будь здоров, — прошипела я. — Не кашляй.

Развернулась, собираясь уйти, но уйти мне не дали.

— Стой! — завизжала стихийница и вцепилась в мой рукав мертвой хваткой. — Извиняйся! Немедленно! А мы с Роэном подумаем, стоит ли тебя прощать!

Шустрая ты девчонка, Бэт. Еще на свидание не сходила, а уже «мы с Роэном», смотрите-ка!

— Не стоит так орать, — улыбнулась я. — Тебе не идет, Бэт. Становишься похожа на бешеную белку.

— Ах ты!… Ах!

— Лир! — рявкнул Роэн, выходя из ступора. — Это уже слишком! Ты что себе позволяешь!

Защитник сирых и убогих.

— Идите вы… — с горечью прошептала я. — В бездну!

— Бездна — место для пепельников! — никак не могла угомониться Бэт. — Вас там ждут с распростертыми объятиями.

Пора было заканчивать свару, тем более что однокурсницы подбирались поближе, чтобы ничего не пропустить. Переглядывались с ухмылочками: «Ну все, эта Пепелушка совсем слетела с катушек!»

Я жалела, что не сдержалась, но назад время уже не отмотать.

— Мерзавка! — Бэт топнула ногой.

А потом направила на меня струю воздуха. Такую мощную, обжигающе горячую, что я едва удержалась на ногах. Я подняла руки, защищаясь. Бэт снова толкнула меня магией. И снова, пока я не налетела спиной на парту.

— Бэт… — Роэн пытался взять свою зазнобу за локоть, но та прытко увертывалась.

— Девочки, помогите! — приказала она.

И однокурсницы, все, в ком уже пробудилась магия, присоединились к атаке. Воздушные пото-

ки выбивали слезы из моих глаз, рвали одежду, путали волосы — зря я их распустила, теперь не прочешу.

— Испепелю! — будто со стороны услышала я свой голос.

Я и не знала, что он может звучать так жутко, пробирать до мурашек.

— Уничтожу!

Я ударила ладонями в стороны, всего лишь стараясь напугать, чтобы от меня отстали. Корзина Бэт с персиками испарилась, парта Вейлара и стул, на котором он сидел, тоже — прямо из-под парня. Он грохнулся на пол. У меня перехватило дыхание. А если бы он тоже исчез?

— Она снова за свое! — фальцетом воскликнул Альб.

Судя по паническим ноткам в его голосе, не посвященные в утреннее происшествие на полигоне могли решить, что я еще до завтрака совершаю парочку убийств. Однокурсники, все теснее смыкавшиеся вокруг меня, отпрянули, и я нырнула в освободившийся проход. Схватила сумку и накидку, оставив чернильницу и перья на столе, бросилась к выходу.

Я бежала, задыхаясь, вниз по мраморным лестницам, по мостовой светлой половины Лю-

минара, очищенной от осенних листьев, и по едва заметным тропинкам темной половины, по щиколотку утопая в желто-буром влажном опаде.

Я испугалась. Ужасно испугалась. Но не за себя, а за этих болванов!

В одно из мгновений, когда воздушные струи рвали мои волосы и били наотмашь по лицу, я готова была убивать. И будь на то моя воля, не задумываясь, применила бы магию, какой бы черной она ни была.

Я ухватилась рукой за ствол дерева, согнулась пополам, хватая губами воздух.

Неужели это правда и мы, пепельные маги, исчадия бездны? И только дай нам волю — мы уничтожим каждого на своем пути?

— Нет, — прошептала я. — Нет, нет, нет… Я не хочу так.

Магистр Кроу нужен был мне сегодня как никогда. Он умеет одним ироничным взглядом, одним мудрым словом вернуть мне душевное равновесие. И, кстати, наставник тоже маг хаоса, но пока никого не убил. Вроде…

Я моргнула, невольно представив, как магистр Кроу, озираясь, выкапывает могилку в заброшенном парке для нерадивого ученика. И невольно

рассмеялась абсурдности этой фантазии. Сразу сделалось легче.

— Магистр, вот угораздило же вас именно сегодня отбыть по делам! — ворчала я под нос, шагая к учебным корпусам. — Самое ваше важное дело — я! Я тут, между прочим, предметы испепеляю… Нет, растворяю.

Впрочем, пока все исчезнувшие предметы возвращались буквально через несколько минут. Но пройдет ли этот фокус с людьми?

Я решила идти сразу в двухэтажный корпус, стоящий особняком в конце кленовой аллеи. Между собой студенты называли его Пузырьком, что одновременно намекало и на предназначение — здесь располагались алхимические и артефакторные лаборатории — и на внешний вид.

Здание действительно напоминало стеклянный флакончик, с его выпуклыми стенами, облицованными каменными панелями, когда-то светлыми, а теперь местами потемневшими, местами приобретшими радужные разводы, как на поверхности старого флакона.

— Ты рано! — удивилась магистр Перенея, поглядев на меня поверх полукружий очков.

Она заметила мой встрепанный вид: на голове

настоящее гнездо из волос, но ни о чем не стала спрашивать. Принесла мне расческу и ленту.

— Я пока сделаю травяной чай для подкрепления сил.

Она удалилась в закуток, отделенный от основной части лаборатории тонкой стеной. Зашумел нагревательный камень, полилась вода. Магистр Перенея давала мне время прийти в себя, и я была очень ей благодарна за ненавязчивую помощь.

Я кое-как разодрала колтуны, а к тому времени, как я заплела косу, появилась преподавательница с двумя крошечными чашечками. Поставила передо мной исходящий паром напиток.

— Добавила капельку меда для сладости, — улыбнулась она, по-прежнему не задавая вопросов.

Уверена, она бы выслушала меня, может, дала бы совет, но я была не в состоянии даже в мыслях возвращаться к произошедшему.

— Какое снадобье ты бы хотела сегодня приготовить? — спросила магистр, будто ставила точку в так и не случившемся разговоре.

«Яд! — подумала я. — Слабительное! И рвотное!»

— На ваше усмотрение, — вслух сказала я.

Глава 23

Когда в лабораторию ввалились однокурсники, я уже вовсю кашеварила у котелка. Булькала тягучая темная смесь, с треском лопались пузыри, выплевывая в воздух брызги с запахом старых носков. Я с усилием вращала лопаточкой по кругу и при этом бормотала под нос последовательность загрузки ингредиентов зелья: получалось злобно и неразборчиво.

Громкие голоса идущих впереди первогодков оборвались так резко, будто кто-то сунул им во рты кляпы. Из тех самых вонючих носков. И сами они — Элмер, Вейлар, Майлз и Урисон — застопорились у порога, точно натолкнулись на невидимую стену. Идущие сзади, не понимая причины затора, подналегли и втолкнули парней в аудиторию, но потом и сами застыли, не решаясь приближаться к ненормальной темной колдунье.

Кажется, мне удалось произвести впечатление на светлорожденных неженок! А сейчас я его подкрепила. Я медленно вытащила лопаточку, с которой падали черные капли, мазнула пальцем

по черенку и угрюмо растерла. Всего лишь хотела определить консистенцию: магистр Перенея сказала, что снадобье должно стать густым, как жженый сахар.

— Она готовит нам яд! — ахнула Мика.

Они с Альбом образовали бы прекрасную пару: оба паникеры до мозга костей.

Последним сквозь толпу пробился Роэн, волоча на буксире Бэт с покрасневшим носом и глазами. Она прижимала к глазам белоснежный платочек с золотым вензелем из переплетенных букв «Р» и «А» в углу.

Что же, не могу не восхититься ловкой манипуляцией красотки Бэт. Уверена, как только я сбежала, она ударилась в слезы, причитая, что ужасно перепугалась и очень-очень расстроилась. Принц тут же бросился ее утешать. Все, Роэн, прощайся с носовым платком, теперь это трофей Бэт, она его тебе не вернет!

— Что стоим? — спросил принц, оглядываясь, но явно не находя причины общего ступора.

Надо же! Я его не пугаю? А если так:

— Надеюсь, все персики вернулись в целости и сохранности? И да, Вейлар, извини, что уронила тебя на пол. Стул появился?

— Угу, — пробормотал Вейлар и потер пояс-

ницу.

Я широко улыбнулась.

— Вот и отлично!

Из-за перегородки вышла магистр Перенея с пучками сушеной ромашки для сегодняшнего занятия.

— Ребята, что столпились у дверей? Проходим на места! Эль, как дела с успокаивающим зельем? У студентки Лир сегодня спецзадание. Одна капля «Бархатной ночи» дарит безмятежность на несколько часов. В период сессии студенты в очередь выстраиваются за этим снадобьем. А сегодня мы всем его дадим попробовать без очереди, да, Миррель?

— Обязательно! — пообещала я, уверенная, что желающих не найдется.

Но по крайней мере однокурсники бочком-бочком продвинулись вперед, обтекая мой стоящий особняком стол по широким дугам.

Мама, отправляя меня в Академию, наивно надеялась, что здесь я обзаведусь друзьями, а Лиза в своих мечтах зашла еще дальше — уже и на свидание меня сопроводила, и сосватала, и детишек понянчила.

«Елочка, ты, главное, постарайся не выставлять колючки, — увещевала меня мама, когда в

последний вечер расчесывала меня перед сном: я уже давно сама справлялась с косами, но в тот день мама снова увидела перед собой малышку, которой нужна забота. — Они узнают тебя настоящую и обязательно полюбят. Отношение ведь не сразу меняется, надо набраться терпения и подождать».

Да, мама, ты права. Отношение к гадкому пепельному магу менялось постепенно. Сначала меня презирали, потом насмехались, теперь боятся. Все идет в нужном направлении!

За зелье я получила высший балл, и, по уже заведенной традиции, магистр Перенея отлила мне немного снадобья во флакончик.

К концу занятия однокурсники перестали коситься на меня. Люди ко всему привыкают. Может, и ко мне привыкнут: учится с ними бок о бок маг хаоса с непредсказуемым даром — подумаешь, что здесь такого.

Знать бы еще, что у меня за дар! Тренер обещал, что магистр Кроу мне объяснит, но сегодня меня ждет разговор с ректором, он наверняка тоже знает. Вот и спрошу.

После зельеварения все перебрались в соседнюю аудиторию на практикум по артефакторике — для большинства студентов этот курс тоже был

ознакомительным. Это стихийники потом станут создавать нагревательные камни, кристаллы для воды, ветродуи и прочие штуки. Однако зарядить кристаллы силой мог любой маг, поэтому нас и учили азам, которые пригодятся в повседневной жизни.

Преподаватель артефакторики, сухенький старичок небольшого роста, был подвижным, словно капля ртути. Он никогда не стоял на месте у кафедры, а кружился по классу, останавливаясь то у одного, то у другого стола. Иногда, подняв голову от работы, можно было оказаться нос к носу с магистром Виксом, будто бы возникшим из воздуха. То там, то тут раздавались вскрики, а кто-то и отпрыгивал, роняя инструменты.

Порой магистр нетерпеливо выхватывал заготовки из-под рук нерадивых учеников, когда видел, что у тех ничего не выходит.

— Ну что за дуралей! Смотри внимательно! Камень не любит болтаться, будто яичко в… хм… в гнезде!

Парни ржали, девчонки опускали взгляды, а магистр Викс тем временем уже оборачивал гладкий кварц петлями проволоки. Его ловкие пальцы совершали идеальные витки.

— Ровно семь! Вы, бестолочи, пока не умеете

распоряжаться магией, так хоть оттачивайте навыки! Кварц, медная проволока — простейшее плетение, заметьте — и толика дара. И что мы получим?

— Отведиглаз, — ответила я, так как остальные только сопели, путаясь в проволоке. — Делает носителя такого артефакта неприметным, на него не хочется смотреть лишний раз.

— Верно! — Магистр уставил на меня палец.

Сегодня нас ждали разложенные на столах брусочки металла, разнообразные камешки, лоскутки ткани. Пока мы разглядывали их, преподаватель объяснял новую тему.

— Ваша магия уже совсем близко, попробуем ее в деле! Перед вами материалы, которые чаще всего используют при изготовлении артефактов. Берите их в руки. Прислушайтесь. Почувствуйте их. Поговорите с ними!

Урисон поднес к уху замшевый лоскуток и сдвинул кустистые брови.

— Тихо, тихо! Шепчет! Шепчет чего-то! — Он сделал вид, что прислушивается. — Говорит: ты красавчик!

Все захохотали. Преподаватель подлетел к шутнику и шлепнул его по лбу, отчего у здоровяка сделался такой ошалелый вид, что однокурсники

покатились со смеху с новой силой.

Я честно старалась «поговорить» с камнями и тряпочками, но пока я ощущала лишь, что камни твердые, а тряпочки мягкие.

За одной из первых парт раздался вопль. Элмер, чертыхнувшись, отскочил, уронив расколовшийся в его руке янтарь. И рядом с Элмером тут же материализовался магистр Викс.

— Интересно, интересно… Янтарь реагирует на страх… на сильное волнение…

— Да, вы правы, — зло согласился Элмер. — Сегодня Лир вывела меня из себя. И напугала! Всех нас!

Ну здравствуйте! Давно не звучало мое имя!

После занятия я решила не идти в столовую, а направилась прямиком в центральный корпус, к ректору Янгвину. Что, если мой дар действительно может причинить вред?

Глава 24

Ректор Янгвин, услышав, как открывается дверь, бросил на меня мимолетный взгляд и молча указал на стул. Он занимался документами и не стал прерываться для разговора со мной. Я уселась на краешек стула и от нечего делать принялась разглядывать обстановку ректорского кабинета.

Тяжеловесная старомодная мебель сохранилась с незапамятных времен. Может, даже с момента основания Академии. Сколько ректоров руководили Люминаром, расположившись в основательном кресле с широкими подлокотниками и резной спинкой? Были ли среди них маги хаоса? Я не очень хорошо знала историю Академии, но ведь когда-то все комнаты общежития на темной половине были заняты, в разрушенных корпусах кипела жизнь. Я тихонько вздохнула.

— Вижу, вы раскаиваетесь, — сухо сказал ректор, откладывая наконец перо и пронзая меня взглядом.

— В чем? — опешила я.

— Мне доложили, что на практикуме по элемен-

талистике студентка Лир устроила безобразную сцену. Напала на студентку Фери. Остальные первокурсники тоже пострадали.

Я задохнулась от несправедливости.

— Все было не так! — воскликнула я.

— Не так? — прищурился Янгвин. — Вы не опрокидывали корзину с пеплом на голову студента Асториана?

— Да, но…

— Не кричали «Испепелю» и «Уничтожу»? И не перемещали предметы, пугая своих однокурсников?

— Да, но…

В горле пересохло. Что бы я ни сказала, полюбому выходило, что именно я хулиганка и дебоширка. Лучше вовсе молчать.

Ректор сокрушенно покачал головой. Взял со стола измятый клочок бумаги и пробежал глазами по строчкам. Я узнала записку, написанную тренером.

— Магистр Кроу убеждал меня, что вы не доставите неприятностей, студентка Лир. Я прислушался к его мнению и впервые за пять лет допустил в Люминар пепельного мага. Не пожалею ли я о своем решении?

— Нет, — сдавленно ответила я. — Я даю сло-

во, что больше вы не услышите обо мне ничего дурного.

Я чувствовала себя загнанной в угол. Как мне защищаться от нападок, если тридцать с лишним человек с готовностью укажут на меня как на главную зачинщицу? Все только вздохнут с облегчением, если я сдамся и покину стены Люминара. Потом будут говорить со смехом: «А помните эту ненормальную с пауками и воронами?» И, конечно, после моего провала ректор Янгвин больше не захочет связываться с магами хаоса. Никого больше не примут на учебу, это же ясно как божий день. Поэтому я должна держаться. Держаться ради всех пепельных магов.

Ректор внимательно рассматривал меня, молчал, обдумывал решение. Кивнул.

— Хорошо. Вы получите еще один шанс, но он будет последний. И то лишь потому, что ваш дар потенциально полезный и почти не опасный. Магистр Калестор подтверждает предположение магистра Кроу.

— Какой же у меня дар? — воскликнула я чуть ли не умоляюще, сгорая от нетерпения.

— Скорее всего, вы хронор.

— М-м-м?

Ректор хмыкнул. Его, видно, забавляло мое

сосредоточенное лицо. Не иначе как от волнения я никак не могла сообразить, что за таинственный «хронор» такой. Чудился мне в этом слове намек на какую-то заразную болезнь: «Э, да у вас, голубушка, хронор!»

— Дар управления временем, — сжалился руководитель Люминара.

— О-о-о…

От переизбытка чувств я забыла все нормальные слова и начала изъясняться исключительно междометиями.

— А-а-а… — Я откашлялась и потерла висок. — А как он работает?

— Так как вы маг хаоса, то и дар может проявлять себя хаотично и совершенно непредсказуемо. Не бывает двух одинаковых хроноров. Кто-то умеет перемещаться в прошлое, чтобы изменить что-то к лучшему. К сожалению, обычно это перемещение ограничено несколькими днями. Кто-то отправляет предметы в прошлое и иногда в будущее. Похоже, это именно ваш вариант.

— Значит, ваза, мишень на тренировке, ваза с персиками… Они побывали в будущем?

— Вероятно.

— Ох…

Я пока не знала, какое практическое приме-

нение можно найти моему дару. В голову лезли совершенно абсурдные мысли. Отправить самой себе ответы на экзаменационные вопросы из будущего в прошлое? Послать записку Златовласке с предупреждением: «Корзинки с пеплом иногда оказываются на голове»? Понятно, почему ректор сказал про мой дар: «почти не опасный». Пока я тянула только на «уничтожителя ваз и случайного телепортера фруктов». Даже как-то обидно!

— Мы подумаем, какую пользу Соларину принесет ваш дар. — Ректор снова придвинул к себе стопку документов, давая понять, что разговор завершен. — Вместе с вашим наставником разработаем учебный план. Идите.

Я задумчиво брела в столовую, надеясь, что никого не встречу ни по дороге, ни в зале: времени прошло достаточно, чтобы однокурсники пообедали и разошлись по делам.

Дождь закончился, и неожиданно выглянуло солнце. Оно осторожно касалось моих щек нежными теплыми ладошками, мелькало в просветах черных ветвей, высвечивая золотом немногие оставшиеся листья. Я невольно пошла еще медленнее, радуясь мгновению покоя среди бесконечных волнений сегодняшнего дня, а их хватало с избытком.

Подведем итог. Утро встретило меня ледяной капелью с потолка. На полигоне я промокла до нитки и промерзла до костей. Стала свидетелем ярмарки тщеславия. Вместо фруктов и розы получила корзинку с углями. Едва не подралась с Бэт. Оказалась на волоске от исключения из Люминара.

Ждать еще неприятностей или мироздание решило, что с меня хватит?

Мироздание решило, что не хватит.

На веранде столовой, куда в хорошую погоду выносят столы, но сейчас пустующей, рыдала Мика. Спряталась под навесом, прижалась щекой к опоре, обняла ее как родную и лила горькие слезы.

Мика — это Мика. Она готова пугаться и страдать по любому поводу, но и она прежде не плакала с таким надрывом.

Я собиралась пройти мимо. В конце концов, именно из-за этой трусихи я в самый первый день в академии поцапалась с однокурсниками: не обрати она на меня внимание, может, и никто бы не обратил.

Я взялась за ручку двери…. Развернулась и отправилась к Мике.

— Влепили минусы на артефакторике? — поин-

тересовалась я: никак не получалось избавиться от привычного саркастичного тона, но, клянусь Пресветлым, я искренне хотела помочь.

Я пригляделась к Мике. Девчонки сегодня весь день не выпускали розы из рук, у плаксы розы не было.

— Розу потеряла, что ли?

Мика не отвечала, шмыгала носом.

— Есть о чем переживать! Попроси Роэна, он тебе их десяток подарит! Или… — Меня озарила догадка. — Ты ревнуешь его к Бэт?

Мика вспыхнула и зарыдала еще горше. Да, деликатностью я не отличалась. И совершенно не умела утешать, когда проблема касалась разбитого сердца.

— Есть о ком переживать. Он же полный придурок.

— Отойди от меня! — заорала Мика. — Ты! Ты ничего не понимаешь! Роэн… Он… Ох, я не знаю, что делать!

Кричала так, будто дело касалось жизни и смерти.

— Да ладно тебе. — Я тронула ее за плечо. — Не убивайся так.

«Ты же так не убьешься!» Вслух я этого говорить, конечно, не стала.

— Уйди! Уйди!

— Ну… ладно…

Я неторопливо отошла, давая Мике возможность передумать и излить душу, да только она явно не считала пепельного мага подходящим для таких откровений.

В столовой оставался только суп, да и то всю гущу из него успели подъесть. Ну проглоты, а не студенты! Жиденькое варево, в котором проскальзывали волоконца куриного мяса, провалилось в урчащий желудок.

Я внесла в мысленный список неприятностей сегодняшнего дня: «До ужина останусь голодной!»

Глава 25

После обеда, пусть и крайне скудного, навалилась усталость. Вместо того, чтобы взбодриться, организм, получив порцию пищи, решил, что после всех волнений сегодняшнего дня надо окуклиться в норке и как следует отдохнуть. Желательно до утра.

Ноги сами понесли меня в сторону общежития, но я усилием воли развернула их в сторону академической библиотеки. Я день за днем откладывала написание реферата по истории магии, дольше тянуть невозможно: в понедельник придется сдавать работу.

Тема досталась сложная: «О равновесии света и хаоса: может ли тьма быть частью гармонии?». Научных источников мало, а все мои аргументы пока сводились к короткому «Наша планета давно бы уже разлетелась на куски, если бы не пепельные маги!».

Я бы решила, что магистр Зендел пытается меня завалить, но Асториану досталась та же самая тема. Видно, преподаватель пытался перенести нашу дискуссию в научное русло. Я видела, как

скривился Роэн, получив задание. Он вперил в меня взгляд, точно нам предстояла не борьба мнений на бумаге, а битва в магическом поединке.

В центре полупустого зала библиотеки — в пятницу мало кто утруждал себя дополнительными занятиями — восседал высочество. Он обложился замшелыми фолиантами такого древнего вида, что, казалось, они готовы рассыпаться от одного только взгляда, и задумчиво грыз кончик пера.

Меня охватило нехорошее предчувствие, и пожилой библиотекарь — не маг, судя по непримечательному, блеклому цвету волос, не отливающих золотом на свету и не угольно-черных, — подтвердил мои опасения.

— С книгами из списка, предоставленного магистром Зенденом, уже работает студент Асториан. — Библиотекарь с обожанием посмотрел на высочество.

Как же все любят этого золотого мальчика! А ведь его заслуги перед Соларином пока — смазливая мордашка и безукоризненные манеры в обращении с простыми людьми.

Когда дело касалось работников столовой или прачечной или, как сейчас, служащих библиотеки, Роэн становился сама любезность. Вежливо слушал, с уважением отвечал, держался с досто-

инством: политик до кончиков ногтей. Хитрое крокодильшество!

— Однако вы можете сесть рядом и работать вместе! — предложил библиотекарь, радуясь, что придумал удачное решение проблемы.

— Угу…

Конечно, можно отложить написание реферата на завтра или прийти в воскресенье. Но какова гарантия, что Роэн снова меня не опередит? Судя по жиденькой стопке исписанных листов у его локтя, он только сегодня взялся за задание. Между прочим, у него были три недели в запасе, мог бы и поторопиться! Лентяй!

Сгоряча я как-то подзабыла, что и сама пока не написала ни строчки.

После его подлой выходки на элементалистике я пообещала себе, что больше не перекинусь с высочеством и словом, но судьбе, похоже, было угодно снова и снова сталкивать нас лбами.

— Тебе нужны *все* эти книги? — выдала я без всяких предисловий.

Роэн поднял на меня глаза. «Синие как лазурит, — отметила часть моего разума, надеюсь, та часть, которая фиксирует только факты, оставляя эмоции за чертой. — Хм… И в лазурите тоже видны золотистые вкрапления…»

— И тебе доброго вечера, Лир. — Уголок губ крокодильшества скользнул вверх в его излюбленной ухмылочке.

— Я не желала доброго вечера, Асториан. Тебе послышалось, — дерзко ответила я, не отводя взгляда.

Как так получилось, что каждая наша встреча превращается в поединок воли?

— Расслабься, Лир, — усмехнулся Роэн, он откинулся на спинку стула и сложил руки на груди. — Вредно так напрягаться. Попроси вежливо, и, может быть, я отдам тебе часть книг.

Он обвел широким жестом стопки фолиантов с потемневшими от времени и потрескавшимися кожаными обложками, как торговец в лавке, расхваливающий свой товар.

— Вот, например, отличная монография Эланора Фейра «Дуальность сотворения: трактат о природе света и хаоса». — Роэн указал на тоненькую книжицу, на вид невзрачную, но магистр Зендел настоятельно советовал с ней ознакомиться. — Или…

Златовласка двумя пальцами приподнял сшитую из листов брошюру-самоделку.

— Единственное в своем роде подпольное издание. Автор неизвестен, год выпуска под со-

мнением.

— Это же «Хаос как первооснова»! — ахнула я. — Я думала, что все экземпляры утрачены.

— Как видишь — нет. — Златовласка пошевелил бровями. — Бери.

Я протянула руку, однако Роэн воздел книжицу над головой, не позволяя ее коснуться, а я бессильно скрипнула зубами.

— Не так быстро, Лир! Я еще не услышал волшебного слова.

Я оперлась ладонями на столешницу, наклонилась вперед, с удовлетворением отметив, что высочество отодвинулся, не готовый к тому, что наши носы соприкоснутся. Зря переживал, я контролировала ситуацию.

— Знаешь что, Роэн, ты прав. Я знаю волшебные слова, и даже не одно. Исчезни! Испарись! Сделай одолжение и провались сквозь землю!

Да, я бессовестно запугивала высочество. Он своими глазами видел, как предметы растворились в воздухе, когда я разозлилась. Раз уж меня все равно боятся, так хотя бы извлеку пользу из мрачной славы. Будь на месте принца Альб, он бы уже бежал — волосы назад.

Роэн же расплылся в нахальной улыбке и не сдвинулся ни на сантиметр.

— Ну давай, Лир! Заставь меня испариться!

Тьфу на тебя, Асториан. Я так хорошо вошла в роль темной колдуньи, а ты своей отвагой и слабоумием портишь отличный план.

— Вы что такое говорите! Девушка, отойдите от его высочества! Немедленно, иначе я иду за ректором! — раскудахтался библиотекарь.

Служащий тоже отлично владел волшебными словами, в моем случае тремя: «Иду за ректором». Магистр Янгвин и соскучиться не успел по моей особе, не стоит его беспокоить. Я резко распрямилась, а улыбка Роэна сделалась шире и наглее.

— Какой же ты гад, — сказала я с горечью, так тихо, что услышал только Златовласка, и отправилась к выходу.

— Стой, Лир!

Я оглянулась только для того, чтобы щелкнуть пальцами в его сторону: «Отвали, высочество!» Он как раз поднимался с места, но теперь передумал, фыркнул, театрально закатил глаза: «Ой, да все!»

Злая как тысяча разъяренных магов хаоса я неслась в сторону темной половины. Еще полчаса назад светило солнце, теперь же сгущались сумерки: дни становились все короче.

Прежде чем переступить невидимую границу,

разделяющую две части академии, я нащупала в кармане мячик-телепорт. Я пока ни разу не воспользовалась магическим артефактом, но с ним чувствовала себя уверенней.

— Волшебное слово! — бурчала я, до сих пор мысленно подыскивая аргументы для спора. — «Сдохни» подойдет?

Среди деревьев впереди мелькнула темноволосая макушка. Мальчишка лет десяти скакал на одной ноге по заваленной листьями тропинке. У меня сжалось сердце.

— Себ? — позвала я.

Я видела мальчишку со спины, но не сомневалась, что это непоседа Себастиан пробрался в Академию, чтобы увидеться со мной. Он не знает, как опасно здесь бродить в сумерках одному!

— Себ, замри на месте! — велела я суровым голосом старшей сестры. — Иначе, клянусь Пресветлым, я тебя выпорю!

Мальчишка застыл и боязливо оглянулся. Ростом с Себастиана, и волосы острижены коротко, как у моего младшего брата, и на миг мне показалось, что он на него очень похож, но… Это был совершенно посторонний мальчик.

Глава 26

— Приве-ет, — мальчуган расплылся в улыбке, будто шастать по зловещему заросшему парку было самым обычным делом. — Да все нормально. Я домой иду. Здесь можно срезать напрямки.

Он махнул рукой в сторону ощетинившихся острыми ветками кустов. Возможно, по другую сторону территории действительно существовал выход — дыра в стене или подкоп. Мальчишки — народ вездесущий и упрямый и постоянно почем зря рискуют своими бедовыми головами. На то они и дети. А я взрослая, разумная девушка и должна его остановить.

— Я тебе сейчас так срежу по мягкому месту, — ласково сказала я. — Выйдешь как нормальный человек через центральный вход! И чтобы я тебя здесь больше не видела!

Я энергично ткнула пальцем в сторону освещенной фонарями широкой мостовой, ведущей к главным воротам Люминара.

— Ага, тебя забыл спросить, — ответил нахальный мальчишка и попятился к разросшимся кустам.

Стоит ему нырнуть в подлесок, и все: искать в потемках темноволосого мальчишку в серой одежде все равно что искать черную кошку в темной комнате. Я не отыщу, а вот сумеречники — запросто.

— Замер! — рявкнула я и бросилась наперерез, едва не схватила шустряка за руку, но он вывернулся.

— Берегись! — крикнул он, указывая мне за спину.

Я оглянулась и тут же раскинула руки, закрывая собой малолетнего упрямца.

На дорожке, в паре метров от невидимой границы, что делит Академию на две части, сидела зверюга. Сумеречник напоминал огромного кота — мне по пояс. Тощий хвост, лысый, как у крысы, нервно мел по земле, ероша листья. Я заметила на кончике хвоста жало и покрылась холодным потом. Зверюга выпускал и прятал длинные острые когти, я узнала их: таким когтем он подцепил сухарик в щели под дверью. Старый знакомец, значит.

— Хоро-оший котик, — пропела я, слепо шаря рукой позади себя, подзывая мальца.

Давай, возьми меня за руку, не будь идиотом! До границы, за которую сумеречникам хода нет,

недалеко — хватит сил вытащить мальчонку на безопасную территорию, а сама перемещусь с помощью телепорта.

— Приходи ночью, получишь вкусняшку! — продолжала я заговаривать зубы, вернее, клыки сумеречнику.

Мои растопыренные пальцы утонули в теплой ладошке.

— Бежим! — крикнул мальчишка и потащил меня за собой.

К счастью, не в сторону разлапистых кустов — а ведь они могли показаться ребенку вполне надежным укрытием, — а на светлую половину.

У меня был другой план, ну ладно, и этот сойдет! Мы понеслись вперед рука об руку. Сумеречник, не ожидавший такой прыти от предполагаемой добычи, застыл с обиженным выражением на морде. И когда мы с мальчишкой повалились на светлые плиты мостовой, кот-переросток гордо удалился, воздев хвост.

— Тьфу на тебя. — Я поставила нахаленка на ноги и отряхнула от пыли и прилипших к штанам травинок. — Домой! Быстро!

— Ну ладно!

На физиономии ни следа раскаяния, ни тени страха. Он сунул руки в карманы и, чуть ли не

приплясывая, направился к центральному выходу.

Я нервно потерла пульсирующий висок. Этот несносный день кончится когда-нибудь или нет?

Мальчишка дошел до поворота, но прежде, чем окончательно скрыться с глаз, окликнул меня:

— Эй!

— Что еще?

— Попроси ее порезать персик!

— Что? — растерялась я. — Кого?

— Порезать! Персик! — со значением повторил мальчонка и хохоча бросился бежать.

— Что за дети пошли, — пробормотала я, как старая бабка.

Я подозревала, что все произошедшее было частью какой-то детской игры — проверки на смелость. У мальчишек ведь принято бросать друзьям вызов. Наверняка и этот шалопай ввязался в спор: мол, пройду темную половину Люминара насквозь и выберусь с другой стороны.

За десять лет жизни Себа мы каких только волнений не пережили. Этот дуралей вылезал из окна, переплывал реку — чуть не утонул, дважды! Прыгал с крыши в сугроб.

— Жаль мне твою маму! — крикнула я вдогонку, но мальчишка уже усвистел далеко: дорога

пуста, как никого и не бывало.

В общежитие идти перехотелось. Котик отбил всяческое желание гулять сегодня вечером по парку темной половины, поэтому я решила прогуляться по ухоженным дорожкам светлой.

Наворачивала круги и обдумывала будущее. Хронор, значит… Я не видела ни малейшей возможности зарабатывать деньги на своем даре. Но ректор сказал, что моя магия может послужить Соларину. Что, если меня примут на госслужбу? Надо посоветоваться с магистром Кроу.

Я вынырнула на узкую аллейку и едва не налетела на Элмера. На его руку опиралась бледная Мика.

— …просто забудь, — донесся до меня обрывок разговора. — Тебе почудилось, понимаешь?

Он замолчал и злобно уставился на меня.

— Иду по своим делам, — небрежно бросила я.

Утомилась я за сегодня выстраивать стены вокруг собственной персоны и щетиниться колючками, защищаясь.

— Вот и иди, — прошипел Элмер.

Не вернуться ли в библиотеку? Может, Асториан уже устал чахнуть над драгоценными фолиантами, как сказочный царь Костиней над златом? Пока я размышляла, над Люминаром

поплыли удары колокола. Семь вечера. Да как? Ничего себе летит время.

В столовой накрывали столы. Приду сегодня на ужин пораньше, живот уже подвело от голода.

Роэна на привычном месте не оказалось, как и Бэт. Да, точно, он ведь пригласил ее на свидание сегодня вечером. Такое себе удовольствие морозить уши на холоде. Но я не удивлюсь, если папочка король протащил через центральный вход и теплую походную палатку, и лучшие блюда с королевской кухни, и бардов с лютнями.

Отлично! Я еще успею поработать над рефератом!

— Закрываемся через два часа! — проворчал библиотекарь: он как раз начал собирать со стола книги, но я нырнула на насиженное принцем место.

Меня ожидало и погрызенное в муках творчества перо, и черновики реферата. Я не удержалась, заглянула.

«Баланс между светом и хаосом возможен только в теории. Хаос, будучи лишенным внутреннего порядка, не способен к созиданию…»

Ясно, понятно. Роэн свою точку зрения и не скрывал, ничего нового я не узнала.

Я зарылась в учебники и монографии, так углу-

билась в чтение, что поймала себя на том, что грызу уже измусоленное высочеством перо. Еле отплевалась.

«Когда говорят о равновесии стихий, обычно подразумевают великое единство света, огня, воды и воздуха — и старательно замалчивают хаос. Мол, он — ошибка природы, досадное отклонение от гармонии. Но стоит на минуту задуматься, что останется от гармонии, если убрать из нее все непредсказуемое, нестабильное и неудобное? Ответ прост: останется застой. Мир без хаоса обречен на медленное вымирание…»

Я полюбовалась аккуратными строчками. Начало положено!

— Студентка Лир, библиотека закроется через пять минут. Сдавайте книги.

Я зевнула, потянулась, чувствуя, как от неудобного положения затекли все мышцы. Однако я неплохо поработала. Изучила треть источников, завтра продолжу.

Через парк темной половины я бежала, стиснув в пальцах мячик, готовая сжать его в любое мгновение. Но котик-проглотик не появился.

Мне оставалось лишь подняться на второй этаж, чтобы очутиться в безопасности, в своей комнатушке. Умыться, пусть и холодной водой,

переодеться в теплую сорочку, завернуться в одеяло.

В коридоре послышалась тяжелая поступь. Кто-то шел медленно, неуверенно, останавливаясь. Я насмотрелась на пьяниц, живущих в нашем районе. Они на каждом шагу ловят равновесие, чтобы не упасть.

Поэтому, когда из-за угла показался шатающийся Роэн, я первым делом подумала, что он пьян.

Как по мне, так это не лучший способ доказать девушке серьезность своих намерений. И разве он не должен провожать Бэт домой после свидания — бурного, судя по всему.

— Эль… — пробормотал высочество и практически рухнул мне на плечи.

Пьяных я не выносила и знала, что по-хорошему с ними не договориться. У меня давно на такой случай выработана стратегия. Видишь нетрезвого мужчину — перейди на другую сторону улицы. Беги. Или бей.

Я влепила Роэну пощечину.

Он упал.

И умер.

Глава 27

Я терла и терла под струей воды подол платья, заляпанный алым. Не жалела мыла. Пятна давно отошли, но мне до сих пор мерещилась кровь на ткани и на моих руках, онемевших от холода.

Прямо сейчас я должна сломя голову нестись в административный корпус, где в каморке у входа дежурит кто-то из старшекурсников. Произошло убийство! И не кого-нибудь, а принца Соларина. Единственного сына короля и наследника. Его убийца все еще где-то рядом.

Где вообще эти недотелохранители, когда они так нужны? Почему недоглядели? Не хотели мешать свиданию? Да какая теперь разница…

Я обязана была сообщить, но… не могла. Ясно как божий день: все решат, что я сама убила Роэна. Мы друг друга на дух не переносили, а сегодня, как назло, я сначала опрокинула ему на голову корзинку с золой, а позже, в библиотеке, при свидетеле угрожала «уничтожить». Отлично, Эль, ты сама себе подписала смертный приговор.

Себе и всем магам хаоса. Лучшего повода, чтобы окончательно очернить пепельников, не найти.

Я без сил опустилась на колени, сжимая измочаленное платье. Если бы он еще дышал, я бы отправилась за помощью… Да, отправилась бы! Как бы я ни относилась к крокодильшеству, ни один человек не заслуживает такой смерти. Однако Роэн мертв. Мертв… Какое странное, какое гадкое слово.

Тот, кто еще недавно улыбался нахальной широкой улыбкой, чьи глаза сияли, тот, кто строил планы на будущее, надеялся найти невесту — мертв…

Ему уже ничем не помочь, а я попаду под подозрение. Моя бедная мама! А Лиза и Себ? Нет, я ничего не видела и ничего не знаю.

Невольно я подумала о родителях Роэна. Для них это будет удар. К тому же Роэнмар — единственный сын. Королева Ореста больше не родила мужу детей.

Кто же теперь унаследует трон? Я плохо разбиралась в родословных, не знала, какие аристократические роды ближе всего к правящей династии и кто следующий в очереди на престол. Неважно…

— Магистр Кроу, — прошептала я. — Возвращайтесь скорее. Вы мне просто необходимы!

Наставник обязательно во всем разберется,

встанет на мою защиту — эта мысль успокоила. Я кое-как поднялась на ноги, раскинула платье на стуле, посмотрела вверх. Мокрое пятно подсохло, оставив после себя желтые разводы, но хоть с потолка больше не капает.

В дверь поскреблись, и я подпрыгнула на месте от неожиданности. Воображение нарисовало жуткую картину: Роэн приполз к моей двери, и из коридора вот-вот донесется его потусторонний шепот: «Эль, открой…»

В щели показался знакомый коготь: котик пришел за обещанным лакомством. Я кинула ему горсть сухариков.

— Ты… не трогай его, — попросила я, чувствуя себя ужасно глупо из-за того, что беседую с неразумным сумеречником. — Вот тебе еще сухарики.

Я отдала остатки. Как ни странно, хруст за дверью действовал успокаивающе: я не одна, поблизости живое существо. Да, пусть оно порождение магии хаоса, но не все, что кажется опасным, на самом деле является таковым. По крайней мере это не сумеречник всадил нож в спину Роэну.

— Назову тебя Хрум.

Хрум согласно издал «хрум-хрум».

Я забралась в постель и завернулась в одеяло, уверенная, что не сомкну глаз до утра, но едва моргнула, как провалилась в сон, будто кто-то прочел надо мной заклинание дремы.

Бамс! На мой нос приземлилась ледяная капля.

Шмяк! Вторая растеклась по лбу.

Я вскочила, озираясь, и жуткие события предыдущего дня тут же вспыхнули в памяти, заставляя кровь застыть в жилах. Интересно, тело Роэна уже нашли? Наверное, в Академии сейчас творится сущий кошмар: Люминар наводнили гвардейцы и дознаватели. Студенты рассажены по аудиториям и ждут своей очереди на допрос. Странно, что за мной, пепельным магом, не явились с утра пораньше, ведь Роэн умер на темной половине.

О Пресветлый… Роэн. Придурок! Кому ты перешел дорогу?

В окна хлестал дождь. Я мысленно застонала: «Что? Опять?» Хорошо хоть сегодня не надо бежать на тренировку и ползать в размокшей грязи, ведь магистр Калестор вчера освободил меня от своих занятий.

Я потянулась к платью, уверенная, что за ночь оно не просохло, но платье было лишь слегка влажным, вполне терпимо. Только самый большой паук на подоле немного потек.

Кое-как заплетя косу — руки дрожали от волнения — и набросив накидку, я опасливо спустилась на первый этаж. Набрала в грудь побольше воздуха и, затаив дыхание, рывком выглянула из-за угла. Тела не было.

Нашли… Уже нашли.

Я понеслась по лужам в столовую, оглядываясь на ходу, но не заметила ни одного черного гвардейского мундира, а студенты, хоть и торопились спрятаться от дождя, не выглядели встревоженными и не собирались в группки, чтобы обсудить страшную новость.

Видимо, прошло слишком мало времени. Ректор пока отправляет срочную депешу во дворец и в королевскую службу безопасности, в просторечье «Охранку». Элмер и Веймар сидят в его кабинете, повесив головы. Оба бледные, взъерошенные. Не уследили за тем, кого обязаны были охранять ценой собственной жизни.

На этой мысли я едва не споткнулась и не улетела носом в грязь, потому что на аллею передо мной свернул Элмер. Правда, шел он не в сторону столовой, а в сторону главного корпуса. Ладно. Видимо, он тоже пока не в курсе.

— Студентка Лир, не спите на ходу!

Я шагала вперед, а моя голова поворачивалась

следом за Элмером, поэтому я едва не врезалась в грудь магистра Калестора. Тренер уже облачился в спортивную форму с эмблемой боевого факультета и держал в руках неизменный планшет. Он, прищурившись, оглядел меня.

— Я не понял, почему вы не в форме?

Я заморгала.

— Вы сказали, что мне больше не нужно посещать тренировки, — пробормотала я, теперь уже не уверенная, точно ли поняла слова магистра.

— Я так говорил? Когда? В вашем прекрасном сне? — Тренер хохотнул и покачал головой.

«Скорее в ужасном…» — добавила я про себя, понимая, однако, что мне ничего не привиделось и Роэн с кинжалом под лопаткой был реальнее некуда.

— Наверное, я вас не так поняла, — пролепетала я. — Я быстро переоденусь и прибегу на полигон.

— Не опаздывай! — сурово напутствовал меня тренер.

За завтраком я никак не могла усидеть на месте, вертела головой во все стороны, надеясь не пропустить мгновение, когда новость о гибели принца доберется до столовой. Такие известия разносятся быстро, как моровое поветрие. Даже если ректор Янгвин приказал молчать до поры,

кто-то обязательно не удержит язык за зубами. Но студенты — и первогодки, и старшекурсники — позевывали, переговаривались, расправлялись с кашей и яичницей и вели себя как ни в чем не бывало.

«Значит, это случится позже… — грустно подумала я. — Как только в Люминар заявятся дознаватели».

Я прибежала на полигон одной из последних, скинула накидку на гору других. Поежилась от забравшихся под воротник капель. Сегодня непогода казалась мне меньшим злом. Сердце колотилось в предчувствии надвигающейся беды.

Наверняка меня вызовут на допрос. Но я стану стоять на своем: мол, вернулась в комнату рано и сразу легла спать. Ничего не видела и не слышала.

— Самый слабый студент по правилам проходит трассу последним, но предлагаю сегодня пропустить студентку Лир вперед, — проник в мои мысли голос тренера.

Я вздрогнула и уставилась на него. Зачем он это делает уже во второй раз? Ясно же, что парни не захотят пропускать вперед Пепелушку.

— Нет уж, с чего вдруг такие привилегии! — ожидаемо буркнул Альб. — К тому же пепельные

вообще не так сильно чувствуют холод и боль, это всем известно.

Ему не надоело повторять каждый день одно и то же? Все и с первого раза прекрасно поняли, что маги хаоса не люди, а диковинные зверушки: не мерзнут, не плачут от боли. Да-да, Альб, обманывай себя дальше.

Я отошла в сторону и обхватила себя руками, чтобы справиться с дрожью. Вчера Роэн пришел примерно в это время, опоздал, так как готовил аудиторию к появлению драгоценной Бэт.

— Неужели вы решили почтить нас своим присутствием, студент Асториан? — всплыл в памяти насмешливый голос тренера.

— Я не опоздал, — ответил ему Роэн.

Надо же, как четко память передает интонации. Как наяву…

Я невольно повернулась к тропинке, по которой вчера пришел Роэн с парнями.

В следующий миг я заорала. Во всю силу легких. А они у меня, оказывается, вмещают много воздуха.

Не призрак, не привидение, а живой Роэнмар во плоти стоял под проливным дождем и смотрел на меня как на законченную идиотку.

— Ты белены объелась, Лир? — сухо осведо-

мился он.

Глава 28

Я подавилась криком, часто-часто заморгала, но Златовласка никуда не делся, смотрел на меня как будто даже с легкой тревогой. И все остальные смотрели тоже, только что пальцем у виска не крутили.

— Вода… ледяная… Прямо за шиворот, — промямлила я и потыкала вверх, на склонившиеся над дорогой ветки дуба. — Как полилась.

Видимо, от человека, который ходит в платье, расшитом пауками, разумности и не ожидали. Роэн первым покачал головой и отвернулся.

Я ничего не понимала, решительно ничего! Неужели мне приснился настолько яркий и реалистичный сон? Может быть, я не только хронор, но еще и оракул?

— Пусть Лир проходит трассу первой, — бросил высочество, не оглядываясь.

Я прищурилась. События сегодняшнего дня почти точь-в-точь повторяли события то ли сна, то ли предчувствия, но все же не абсолютно верно. В прошлый раз Роэн обозвал меня Пепелушкой, сейчас назвал по фамилии. Если в деталях день

отличается, значит ли это, что он придет к тому же финалу? Или я могу что-то изменить?

Я тряхнула головой. Глупости. Воздух в Академии, а особенно в темной половине, пропитан магией, отсюда странный сон и наваждение, будто я уже проживала этот день.

Да и что я могу изменить? Роэн меня и слушать не станет, стоит мне заикнуться об опасности. Еще решит, что я ему угрожаю. А особенно глупо мое предупреждение будет смотреться, если вечером высочество как ни в чем не бывало уснет в своей постели.

Когда я проходила мимо Златовласки к линии старта, заметила, что его лицо, когда на него никто не смотрит, выглядит растерянным. Он поморщился, как от головной боли, и потер висок.

Я не выдержала.

— Слушай, Асториан, тебе снилось сегодня ночью что-нибудь тревожное? Ничего не помнишь?

Крокодильшество распахнул синие глаза — и, надо признаться, куда приятнее было видеть его живой, пусть и негодующий взгляд, чем тот, застывший, смотрящий в потолок.

— Какая-то муть… — выдал он, прежде чем сообразил, что откровенничает с Пепелушкой,

о чем сразу пожалел. — Давай, Лир, ты всех задерживаешь!

Дальнейшее снова совпало до секунды. Я бегу к финишу, замахиваюсь на щит, он послушно исчезает и вскоре материализуется, являя всем надпись «Время». Тренер пишет записку и предупреждает, что мне нужно подойти к ректору для разговора.

Я наблюдала за всем будто со стороны, выключив чувства. Смотрела как на представление в театре, где актеры встают на те же места, что и вчера, и обмениваются знакомыми репликами. И что бы ни кричали из зала, пусть бы даже кидались тухлыми яйцами, хорошие актеры доведут спектакль до конца. Повлиять на сюжет невозможно.

Зачем и, главное, кто засунул меня в центр спектакля? Разве я смогу изменить концовку?

Впрочем, пока я и не пыталась…

Я опять бежала через парк, чтобы успеть переодеться к началу занятия. Снова подняла руку, приветствуя темноволосого мага, и он помахал в ответ.

И, конечно, я ничуть не удивилась, встретив в аудитории веселое оживление и перешептывания девчонок: «Это Роэн! Это все он!»

На партах стояли корзинки, в которых лежали фрукты, однокурсницы держали в руках розы. Я подошла к своей корзинке и сразу стянула салфетку: угли и пепел, все, как я и предполагала. Кольнула обида, но в этот раз не так сильно.

Роэн, насладившись девичьими восторгами, охами и ахами, небрежной походкой направился к столу. Мимо Бэт, принявшей соблазнительную позу.

Мое сердце стучало в груди как маятник, отсчитывающий мгновения. Все повторялось. Вот сейчас Роэн будто случайно повернет к Бэт, отбросит со лба волосы, скажет: «Бэтти…»

— Бэтти, — произнес принц, и у меня закружилась голова от ужаса.

Неужели все предопределено? Говорят, пророчества оракулов нельзя изменить… Но ведь я не оракул! Я хронор! Если только ректор не ошибся.

— Стой! — воскликнула я, уверенная, что судьбу не переиграть — что мой крик прозвучит только в моей голове, что Роэн его или не услышит, или не обратит внимания на вопли Пепелушки.

— Что такое, Лир?

Златовласка с негодованием обернулся на меня: еще бы, ведь я испортила ему такой красивый ход.

Вместо того, чтобы разозлиться, я едва не запрыгала от радости. Да, я до сих пор не понимала, что происходит, но все же я не заперта в пророчестве, как мушка в капле янтаря, как неподвижная наблюдательница.

— Асториан! — Я взяла в дрожащие руки корзинку, намереваясь украсить голову крокодильшества черной короной раньше срока и снова чуть-чуть изменить ход событий. — Спасибо за подарок!

Роэн уставился на корзину, сузив глаза. Потом отыскал взглядом Элмера, после взглянул на Вейлара.

— Парни, не понял, что за ерунда. Разве я не ясно дал понять, чтобы сегодня все было идеально? — отчеканил он.

И я впервые слышала голос того, кто в будущем станет правителем Соларина: суровый и холодный голос, устраивающий выволочку подчиненным. Даже со мной в столовой он разговаривал не так строго.

— Чья эта выходка? Кто-то посчитал это веселой шуткой? Мне не смешно.

Телохранители переглянулись и уставились в разные стороны.

— Не знаю, дружище, как так получилось, —

сконфуженно выдал Элмер. — Может быть, в доставке что-то напутали. Я, как ты и велел, распорядился доставить подарки по количеству девушек.

— И по невероятной случайности корзина с углями досталась единственному пепельному магу? — изогнул бровь Роэн.

Я стояла ни жива ни мертва, растеряв все слова. Что бы там Элмер ни говорил, издевательский подарок мне подсунули специально. Но вот сюрприз: Асториан ничего не знал.

Совершенно сбитая с толку безумством, что творилось с самого утра, я поставила корзинку на стол и бросилась прочь, позабыв вещи. Мне необходимо побыть одной.

Издалека донесся капризный голосок Бэт:

— Роэн, ты о чем-то хотел меня спросить?

— Да… Да, — рассеянно ответил Златовласка. — Прогуляемся сегодня вечером?

Хм… И никакой чувственной укладки волос у всех на виду?

Это был тот же самый день. И все-таки чуточку, самую малость — другой!

Глава 29

Побродив среди мокрых кустов под моросящим дождем и так ничего толкового и не надумав, я снова, как и в прошлый раз, отправилась к Пузырьку, чтобы перевести дух в уютной тишине алхимической лаборатории.

— Ты рано! — Магистр Перенея встретила меня теми же словами и знакомым жестом поправила очки. — Что-то случилось?

— Я…

Возможно, следовало довериться магистру, она всегда была добра ко мне, а так как магистр Кроу сегодня, похоже, так и не появится, я могла рассчитывать на совет только от преподавательницы алхимии. Я открыла было рот, но тут же прикусила губу. Нет, не стоит. Магистр Перенея отлично разбирается в зельях и настоях, но мало что понимает в магии хаоса. Она разволнуется, испугается, но поможет лишь тем, что направит к ректору, а с ним я сегодня и так встречусь.

— Все в порядке, — улыбнулась я. — Элементалистика отменилась, магистр Кэлл передала через старшекурсников, чтобы мы сидели тихо,

но я решила не терять времени даром и сварить под вашим руководством зелье.

— Похвальное рвение! — расцвела довольная преподавательница. — Какое зелье ты бы хотела сварить?

Я думала об этом, пока шла, и кое-что придумала. Я тыкалась, как слепой котенок, и хваталась за соломинки.

— Хочется попробовать что-то сложное, — зашла я издалека, надеясь не выказать слишком уж сильного и оттого подозрительного рвения. — Не существует ли магического зелья, которое спасает от смертельных ран? Допустим, во время битвы? Боевым магам точно не помешало бы такое.

Магистр покачала головой.

— Увы, увы. Если бы только существовало такое чудодейственное снадобье, цены бы ему не было! Ничто и никто не в силах исцелить от смертельной раны. Ну, разве что маг хаоса с целительским даром. — Она вздохнула. — Да только пепельных целителей мир не видел уже десятки лет.

«Откуда бы им взяться, если пепельников не допускают до обучения!» — мрачно подумала я, испытывая острое разочарование.

— Однако мы можем сварить зелье «Второе дыхание», — с энтузиазмом воскликнула ма-

гистр. — Раны оно не заживляет, но на короткое время придает сил. Это будет интересный опыт!

Не совсем то, на что я надеялась, но тоже пойдет.

Когда в аудиторию шумной толпой ввалились однокурсники, я уже вовсю кашеварила у котелка.

— Вот она где! — фыркнула Бэт. — Обиженка! Взяла и сбежала из-за невинного розыгрыша!

Я схватила лопатку и принялась злобно перемешивать густое булькающее варево, однако сегодня мои потуги не произвели на первогодков ни малейшего впечатления. Они разбредались по местам, кто-то отпускал шуточки по поводу слишком уж нежных магов хаоса, которые не понимают юмора. В глазах ни тени страха. Точно, ведь сегодня я не выкрикивала проклятий и не растворяла предметы в воздухе.

— А если бы задержалась, то я, так и быть, угостила бы тебя персиком, — протянула Бэт. — Всех угостила, да, девочки?

— Да, душечка Бэт! — тут же откликнулась толстушка Пенни. — Ты такая добрая! И щедрая!

Персики. Судя по тому, что я увидела, хотя корзины и были наполнены отборными фруктами — спелыми яблоками, грушами, сливами — пер-

сики достались только Бэт. В это время года их найти непросто, но приспешники принца расстарались ради красивого жеста.

Перед мысленным взором встал юный шалопай, едва не попавший на зуб сумеречника. Вот он, приплясывая, бежит по мостовой, вот оборачивается и кричит: «Попроси ее порезать персик!»

Глупости какие. Малец ничего не мог знать о подарках Роэна, просто баловался.

— Еще остались? — быстро спросила я.

Бэт захихикала.

— Нет. Все без тебя съели! А ты больше психуй и удирай с занятий!

Роэн, проходя мимо, кинул на меня задумчивый взгляд, точно собирался что-то сказать. Обычно такими взглядами меня одаривают Ливзи и Себ после того, как нашкодили, когда намереваются попросить прощения. Померещилось, конечно. Высочество бухнулся на стул, бросил у ног свою кожаную сумку, потянулся, заложив руки за голову, и лениво спросил:

— Что там за варево в твоем котелке, Лир?

— Лучше бы тебе не знать, — зловеще буркнула я, имея в виду лишь то, что мне совсем не хочется поить его тушку укрепляющим зельем. — Живи

спокойно. Пока можешь.

— Угрожаешь? — развеселился он. — При свидетелях! Я смотрю, у пепельных магов инстинкт самосохранения отсутствует начисто.

— Я все слышал! — подтвердил Элмер. — Лир, ты говори-говори, да не заговаривайся!

— Как вы мне все надоели! — отрезала я, переключая внимание на склянки с вытяжками из трав и сухими ингредиентами: флаконы и коробочки и то казались более подходящими собеседниками.

Что я делаю вообще? На полном серьезе ищу способ сохранить крокодильшеству жизнь? А стоит он того? Еще полдня не прошло, а я уже жалею, что его на самом деле не отправили к праотцам!

— Миррель сегодня готовит зелье «Второе дыхание»! На поле боя оно частенько спасало жизни нашим воинам. В Люминаре оно вряд ли пригодится, но мы с Эль решили передать его в королевскую гвардию. Все остальные сегодня займутся средством для полоскания горла!

И магистр Перенея продемонстрировала пучки сухой ромашки.

Когда после практикума я попросила отлить мне немного зелья с собой, преподавательница растерянно заморгала. Ее глаза под стеклами

очков казались еще больше.

— Зачем тебе?

— Поставлю на полочку и буду гордиться тем, что справилась с таким сложным заданием! — соврала я.

Я заполучила крошечный, с наперсток, флакон и сунула его в карман, надеясь, что зелье не пригодится.

На следующем занятии, пока попрыгунчик — магистр Викс — перечислял основные материалы, которые используют для создания артефактов, потрясая то обрывком льняной ткани, то мотком проволоки, я задумчиво катала в пальцах кварц. У меня под рукой все необходимое, чтобы создать *отведиглаз*. Идеальный инструмент для слежки.

Я, правда, с трудом представляла, что мне это даст. Стану тенью Роэна, чтобы в последний момент выпрыгнуть на его убийцу из кустов с криком: «Бу!»?

Однако, пока я размышляла, пальцы сами собой уже закручивали проволоку вокруг камня, а она ни в какую не хотела ложиться ровно.

— Чем это вы заняты, студентка Лир? — Магистр Викс, по своему обыкновению, вырос как из-под земли.

— Амулет, — призналась я. — Кварц, медная

проволока. Ровно семь витков.

— Ничего не выйдет, — усмехнулся артефактор.

— Почему?

— Вы забыли кое-что важное. — Он со значением посмотрел на меня, хитро улыбаясь.

— Магия? — сникла я.

— Магия. Которой вы пока не владеете. Поэтому получите не амулет, а лишь красивую безделушку.

Я кивнула, не прекращая, однако, попыток красиво уложить петли на гладком камне. Проволока так и норовила запутаться, а кварц — выскользнуть. Преподаватель вздохнул:

— А вы упрямы!

— Что есть, то есть.

Хотелось верить, что сегодняшний день обойдется без убийств венценосных особ и завтра мир вернется к привычному ходу вещей. Что все случившееся было наваждением, дурным сном. Но если однажды мне все-таки придется стать тенью одного твердолобого и самовлюбленного типа, я хочу, чтобы мой амулет выглядел и работал идеально.

Глава 30

— Вы хронор, — сказал ректор Янгвин, покручивая в пальцах перо и со значением глядя на меня. — Знаете, какая это магия, студентка Лир?

Я изобразила удивление. Было бы странно принять новость о собственном даре с бесстрастным лицом.

— Подозреваю, что она как-то связана со временем?

Ректор согласно кивнул.

— Магистр Кроу выбрал вас среди десятка потенциальных магов именно благодаря дару. Ваша магия может быть полезна Соларину.

Сегодня начальник Люминара разговаривал более приветливо и не грозился выгнать меня из академии. Перед ним сидела студентка-первокурсница, пусть и маг хаоса, но пока этого хаоса не учинившая. Самое время осторожно поинтересоваться: сталкивался ли кто-то из предыдущих хроноров со странностями, преследующими меня с утра.

— Разрешите спросить? — Я дождалась кивка и продолжила: — Дар управления временем у

каждого мага хаоса особенный. Сохранились ли какие-то сведения о том, что хронор может… замыкать время в кольцо?

Брови ректора Янгвина приподнялись в немом вопросе.

— Я имею в виду… проживать один и тот же день заново…

Ректор прищурился и наклонился вперед, вглядываясь в мое побледневшее лицо. Я чувствовала себя как букашка под увеличительным стеклом. И мне совсем не понравилось жесткое выражение, появившееся на лице магистра Янгвина.

— С вами это происходит? — быстро спросил он. — Говорите!

«Опасность!» — просигнализировал мне мозг.

Живущий в трущобах пепельник с детства умеет ловить тонкие вибрации опасности, разлитые в воздухе. Будто бы случайные взгляды шайки парней означают: «Немедленно беги!» За широкими улыбками лавочников сквозит холод и презрение. Милая старушка-соседка запросто может окатить из окна помоями.

— Нет-нет, — ответила я со всей искренностью, на какую была способна, и посмотрела в глаза начальнику академии.

«Смотри им в глаза, — говорил мне дружок

детства, такой же темноволосый, как я. — Даже когда врешь. Особенно когда врешь!»

Впрочем, Мейну это не помогло. Никто не поверил, что он случайно оказался рядом с ограбленной бакалейной лавкой, и пара кусков мыла да колбасный хвост, выглядывающий из кармана, свидетельствовали против его честных глаз. Мейн загремел в городскую тюрьму. Впрочем, как многие молодые пепельники. Не так уж легко жить честно, когда никто не хочет нанимать работника с черными волосами.

— Просто любопытно, — хрипло добавила я: во рту пересохло от волнения.

Ректор еще несколько секунд буравил меня взглядом, но потом его плечи расслабились.

— Петлю времени умел создавать Гай Эриус, — безэмоционально сообщил магистр Янгвин, и мое сердце бухнулось куда-то в желудок. — Именно поэтому ему удалось реализовать покушение на жизнь его величества короля Роэнмара. Маг хаоса с подобным даром должен состоять на учете у охранки.

— Я всего лишь спросила!

— Да. Но я все равно на всякий случай напишу доклад о том, что в Люминаре учится будущий хронор.

Проклятье! Я так надеялась на помощь ректора, но сделала только хуже. Может, меня и не упекут в застенки прямо сейчас, но спокойной жизни точно не дадут. На допрос вызовут, или кто-то из королевских гончих — как называли служащих охранки — явится по мою душу в Люминар.

— Я пойду? — Я торопливо поднялась. — Мне еще реферат готовить.

На самом деле я думала не о реферате, а о Роэне. Я точно застану его в библиотеке в одиночестве и попытаюсь поговорить с ним.

— Идите. Мы вместе с вашим наставником разработаем учебный план.

На веранде столовой рыдала Мика. Она и в первый-то раз вызвала у меня немного сочувствия. За недолгое время, прошедшее с начала семестра, я уже несколько раз видела ее рыдающей. И это я еще нечасто с ней пересекалась. Заплакать Мике было так же просто, как мне отпустить шпильку.

На аппетит я никогда не жаловалась, но горестные слезы слегка его подпортили. И даже робкое осеннее солнышко, выглянувшее после ливня, будто бы померкло. Мне теперь что же, окольными путями до столовой добираться и заходить с черного хода?

Я взбежала по ступенькам и торопливо напра-

вилась к двери. И так проблем по горло, чтобы еще отвлекаться на плаксу с ее глупыми бедульками.

— Оно того не стоит! — все же не выдержала я.

Не стала приближаться: Мика опять забьется в угол, лишь бы оказаться подальше от меня — крикнула издалека.

Мика растерла рукавом красный нос и подняла заплаканные глаза. Смотрела затравленно, как испуганный зайчишка. Да что же с ней случилось?

— Тебя кто-то обидел?

— Уйди, Лир!

Ладно, уйди так уйди. Я пыталась, Мика, можешь реветь дальше.

Наскоро похлебав пустого супчика, я понеслась в библиотеку, где прямой наводкой отправилась к Роэну. Заслышав мою решительную поступь, крокодильшество оторвался от черновика, краешек его губ изогнулся в усмешке. Он шутливо развел руки над книгами, изображая, что никому не отдаст свое сокровище.

— Кого я вижу, Лир!

Я молча и сурово потащила к столу высочества тяжелый стул, скрежеща его ножками по каменным плитам пола. Роэн с некоторым изумлением

наблюдал мою борьбу с предметом мебели, потом, совершенно для меня неожиданно, встал и одним движением подхватил стул за спинку, поставил напротив себя.

— Неужели поделишься книгами? — попыталась съязвить я, но, так как я запыхалась от быстрого шага и попыток побороть стул, вопрос прозвучал не иронично, а жалобно. Тьфу.

— Книги не мои, а библиотечные, — сдержанно сообщил крокодильшество. — Могу поделиться бумагой, но перо одно.

— Ничего, — оторопело пробормотала я, удивленная такой легкой победой. — Я пока почитаю.

Я взяла из стопки верхнюю книгу и принялась бездумно перелистывать страницы, исподтишка поглядывая на Роэна, вновь углубившегося в черновик. Он хмурился, грыз перо и от большого усердия испачкал в чернилах лоб: он его тер, видимо, призывая умные мысли. Сами они в его голову, годную только для того, чтобы носить корону, приходить отказывались.

Я хотела поговорить с ним о вечере, но не знала, с чего начать разговор. «Погода наладилась, дождь перестал лить, светит солнышко. И да, кстати, Асториан, сегодня вечером после свидания тебя зарежут!»

— Ну как, получается очернить магов хаоса? — Я отложила книгу и облокотилась на стол, указала подбородком на стопку листов.

Роэн поднял глаза. Я ожидала увидеть в синих глазах насмешку, вызов, высокомерное превосходство, а он смотрел серьезно и твердо.

— Я не очерняю, Лир. Я только пытаюсь напомнить всем, что пепельная магия опасна. Ты знаешь, что бывает, когда магия хаоса выходит из-под контроля. Столица сгорела, Лир. Люди погибли. Я не допущу повторения катастрофы.

Он не пытался меня унизить, он говорил искренне. Он действительно верил в то, что запрет пепельной магии — благо. Проклятье!

— Это меньшее зло.

— Нет… — прошептала я, качая головой. — Нет. Все не так. Ты не понимаешь.

Он помолчал, протянул мне лист, положил рядом перо.

— Докажи.

Глава 31

Я стиснула губы от злости. Докажи? Не хватит никаких слов, чтобы рассказать о нашем бессилии, о выживании в трущобах, о поиске работы, о том, что каждый день несешь на себе клеймо предателя и убийцы короля лишь за то, что появился на свет с черными волосами. Без вины виноватые. Отвергнутые. Старшие из нас еще помнят рассказы родителей о том, как маги хаоса жили в почете и пользовались уважением. Пока древние аристократические династии не были повергнуты в прах. Имения отобраны. От былого величия моего рода не осталось ничего… Ничего, кроме единственного амулета — уменьшалки — доставшегося еще от моей прабабушки.

Меня переполняли эмоции, мысли в голове путались. Я бы сейчас ни одного предложения не написала. Это Роэну легко рассуждать свысока, когда сила и власть на его стороне.

— Мы люди! — выдохнула я. — Люди! Мы плачем, любим, чувствуем боль! Мы не пыль под ногами!

Я вперила в него жгучий взгляд: «Помнишь?

Ведь ты так сказал в первую нашу встречу?» Я не сомневалась, что мои слова отскочат от брони, что нарастала на сердце Роэна год за годом с самого его рождения. И так понятно — к оракулу не ходи — какие слова лили в юные уши будущего правителя: «От магов хаоса одни беды. Они сами виноваты и расплачиваются за грехи». Но неожиданно, или мне так только показалось, мой отчаянный крик пробил брешь в его доспехах, проскользнул в щелочку, дотянулся до сердца. Потому что Роэн вскинул голову, будто я отвесила ему оплеуху. Он смотрел на меня. Смотрел. Будто впервые.

Я же, не выдержав затопивших меня чувств, скомкала чистый лист, запустила в крокодильшество. Тот дернулся, будто я в него не бумажным комком кинула, а увесистым камнем. И сам же нервно рассмеялся, когда комочек, отскочив от груди, упал на стол. Я схватила сумку и бросилась прочь.

Еще ни одному человеку не удавалось привести меня в бешенство с полуслова, с полувзгляда. А Роэн в этом деле мастер! Лишь отмахав по аллее пару десятков шагов, я ахнула и схватилась за голову: я ведь совсем о другом собиралась поговорить! Вернуться теперь и намекать на кинжал,

всаженный в спину, немного самоубийственный план, не так ли?

Ничего, у меня имелся и запасной. Но для него слишком рано. А пока… Я посмотрела на самую высокую башню, венчающую административный корпус, вернее, на циферблат часов. Скоро шесть вечера. Примерно в это же время вчера я отловила в парке нахального мальчишку. Но если сегодня никто не выдворит его с территории, Хрум до него доберется!

Гадство! Мало мне заботы о крокодильшестве, еще и за малолетним хулиганом придется следить. Я со всех ног понеслась туда, где главная дорога разделялась на две: ведущие на темную и светлую половину.

Я издалека заприметила мальчишку, стоящего у самой кромки границы спиной ко мне. По другую сторону сидел сумеречник, обернув лапы хвостом и навострив уши. Он и сидя был ростом с мальца, из сомкнутой пасти высовывались кривые клыки. Длинные, острые и изогнутые — они просто не помещались у тварюшки во рту. Но самое невероятное, что мальчишка гладил Хрума промеж ушей, всунув руку на опасную территорию. Хрум жмурился и переступал с лапы на лапу, меся лиственную подстилку.

У меня чуть сердце не остановилось. Вот где, спрашивается, делают таких безмозглых мальчишек? Останется без пальцев — как пить дать! Хрум что сухариками, что детскими косточками с удовольствием похрустит.

— Руки! — заорала я, несясь на всех парах к юной бестолочи. — Убрал!

Мальчишка обернулся. В его черных, ярких будто звездочки глазах прыгали смешинки.

— Да все нормально! — встретил он мое появление той же самой фразочкой. — Мы играем.

— Играем! — Я наконец-то добралась до шалопая, схватила его за плечи и оттащила подальше. — Это он с тобой играет, как кошка с мышкой!

Сумеречник удалился, гордо задрав хвост, будто только и ждал моего появления.

— На выход! — строго велела я, указав рукой в нужном направлении: на объяснения и увещевания не хватало сил.

Мальчишка фыркнул, как умеют фыркать только десятилетки: мол, уступаю грубой силе, но не сдаюсь.

— Как тебя зовут, несчастье?

Меня затопила неожиданная нежность: мальчишка напомнил мне брата, такой же неугомон-

ный и бесстрашный.

— Рейвен, — расплылся в улыбке тот.

— Иди домой, Рей. Мама ждет!

Рейвен вдруг уткнулся черной макушкой мне в плечо, прислонился на миг, но прежде, чем я успела потрепать его по взлохмаченным густым волосам, отпрянул и побежал к воротам.

— Ты так и не спросила! — крикнул он издалека.

— О чем?

Жутковатая сцена с худеньким Рейвеном и клыкасто-когтистым Хрумом вытеснила из моей головы даже мысли о высочестве.

— Персики! — Мальчишка поднял палец и кого-то напомнил мне этим забавным жестом. — Чего непонятно-то!

Меня будто окатили ледяной водой.

— Откуда… — пробормотала я и заорала вслед: — Ты что-то видел? Видел, да?

Но Рей вместо ответа просто удрал, хохоча, а я вспомнила про запасной план и отправилась наматывать круги по аллеям светлой половины.

В прошлый раз я встретила Элмера, ведущего под руку Мику. Телохранитель мне как раз и понадобится. К сожалению, я плохо помнила, где именно наткнулась на парочку — кстати,

не замечала раньше симпатии Элмера к плаксе. Мы могли пройти с ними бок о бок по соседним аллеям и не пересечься: они не стояли на месте, и я тоже двигалась. Я почти смирилась с мыслью, что на этот раз мы разминемся, когда услышала из-за деревьев два голоса: твердый мужской и тоненький девичий.

Не теряя даром времени, я побежала наперерез и выломилась из кустов, как неупокоенный лесной дух. Мика взвизгнула и вцепилась в Элмера, тот и сам вздрогнул, но при свете фонарей разглядел дикую Пепелушку.

— Лир, ты что творишь? — сипло выдал он.

Я отмахнулась: неважно.

— Элмер, сегодня на свидании Роэна с Бэт ни на секунду не упускай высочество из виду! Это очень серьезно!

Мика посмотрела на меня круглыми глазами, а потом ее взгляд метнулся к спутнику. Она зябко поежилась, сунула руки в карманы.

— Кстати, где у них свидание?

— Ты точно не в своем уме, Лир! С чего я должен с тобой откровенничать? Если Асториану и грозит опасность, то только от тебя, ненормальная!

Он обнял Мику за плечи, увлекая ее за собой. Она на ходу оглянулась и пролепетала:

— Оттуда открывается отличный вид на Люминар…

— Ш-ш-ш, малышка, ты чего это? — Элмер мягко накрыл пальцами губы Мики, но мне совсем не понравилось жесткое выражение, мелькнувшее на его лице. — Пепелушке знать не обязательно!

Я смотрела на удаляющуюся парочку и бессильно сжимала кулаки. Колокол пробил семь. День заканчивался, а я сделала так мало, практически ничего не успела. Я словно старалась сдвинуть гору: бьюсь, бьюсь, а ничего не выходит.

— Ладно, — прошептала я.

Нащупала в кармане крошечный пузырек с зельем «Второе дыхание» и вцепилась в него как в последнюю соломинку.

Глава 32

Я устроилась на подоконнике в своей комнате. Окна удачно выходили на крыльцо и на дорогу, ведущую к общежитию: если Роэн появится, я замечу его издалека. Я вертела в пальцах флакончик, перекатывала в ладонях, ощущая каждую грань — это немного успокаивало. Я не могла не думать о том, что сейчас делает Златовласка, не подозревающий, что к нему со спины подкрадывается смерть.

«Завтра день повторится, — убеждала я себя. — Я буду знать больше, я подготовлюсь. Поговорю с ним. Может, я буду знать имя убийцы!»

В прошлый раз я так растерялась и испугалась, что не подумала спросить у Роэна, кто всадил ему под лопатку кинжал, да и времени у него почти не оставалось. Он умер, едва добравшись до меня, будто сделал самое важное дело. Однако теперь благодаря зелью «Второе дыхание» Роэн продержится дольше. Я надеюсь.

За что мне это? Я вовсе не хочу становиться единственной преградой между высочеством и бездной, в которую он летит. Пусть драгоценная

Бэт его спасает. От самого крокодильшества тоже толку ноль, ведь он не знает, чем закончится день, и сейчас небось наслаждается отличным вечером в компании первой красавицы курса.

Глупое воображение против воли рисовало, как Роэн гладит тонкие пальчики Бэт, как заправляет светлый локон ей за розовое ухо. Показывает вверх на звезды и, пока она любуется ими, запрокинув голову, целует ее в щеку, покрытую нежным, как у персика, пушком.

Я так сильно сжала флакончик, что его грани отпечатались на ладони. Я злилась. Дико злилась. Он развлекается, а я места себе не нахожу!

Зачем-то тоже посмотрела на небо. Его заволокли набрякшие влагой облака. «Вот так, никаких вам звезд!» — удовлетворенно подумала я.

Не зная, чем себе занять, чтобы не вглядываться каждую секунду в сумрак за окном, я притащила лист бумаги, чернильницу и, положив на колени книгу как опору, по памяти составила хронологию дня. Записывала, кого, когда и где видела. Утром список исчезнет — придется все выучить наизусть. Я пыталась восстановить в памяти малейшие детали, пригодиться могла любая мелочь.

Библиотека закрывается в девять, я отпра-

вилась сразу в общежитие. Дорога занимает примерно… сколько? Минут десять-пятнадцать? Значит, Роэна смертельно ранили примерно в этот промежуток времени. Всадили бы кинжал под лопатку чуть раньше, и я бы нашла в холле лишь его мертвое тело, чуть позже — и мы бы разминулись.

Когда над Люминаром понеслись один за другим удары колокола и я насчитала девять, стало трудно дышать. Не в силах сдержать волнения, я прижалась лбом к стеклу, силясь рассмотреть шатающийся силуэт на дороге.

«Пусть все обойдется! Вдруг я, сама того не ведая, спугнула убийцу?» — подумала я.

И тут же вскрикнула, потому что разглядела в начале аллеи Роэна. Невозможно было не заметить его сияющих волос, золотившихся в тусклом свете фонарей.

Роэн сначала шел довольно уверенно, но вот он оперся рукой о ствол дерева, согнулся, пережидая нахлынувшую усталость… и снова двинулся в путь.

Невыносимо смотреть, как высокий и широкоплечий Роэн, который с легкостью закидывал меня на плечо, чтобы перенести через ров, сражается с бессилием. Как скорая смерть постепенно

захватывает его крепкое тело, а жизнь покидает его вместе с кровью.

Не раздумывая, я со всех ног побежала к нему навстречу, забыв накидку и мячик-телепорт. Если повстречаю Хрума, придется договариваться с ним миром. Но главное, я не забыла флакончик с зельем.

Я перепрыгивала через две ступеньки, подхватив подол платья. Слетела с крыльца и понеслась по едва различимой в темноте дороге. Лишь бы не запнуться о корень и не растянуться!

Роэн увидел меня и осел на землю, будто его разом оставили последние силы. Он прислонился к стволу дерева. Его бледное лицо выделялось во мраке, словно луна.

— Лир, — усмехнулся он через боль. — Удачно… встретились…

И хватает же еще воли на пустую болтовню? Он не хотел показывать слабости, но дыхание уже сделалось быстрым и неровным.

— Не вздумай отключаться! — приказала я нарочито грубо, и это сработало.

Он откинул голову, нахмурился, глядя на мое приближение. Я на ходу зубами выдрала плотную пробку из флакона и приложила его к губам Роэна. Конечно, он их стиснул.

— Да не отравлю я тебя! — воскликнула я с досадой. — Ни к чему! Тебе жить осталось минуты две от силы!

Крокодильшество распахнул глаза. Кому понравится новость, что от смерти его отделяет всего несколько минут.

— Ерунда… — выдохнул он, крепясь. — Отлежусь…

— Ага, в королевской гробнице! — продолжала дерзить я, чтобы держать несносного Асториана в тонусе. — Там просторно, наверное, тихо, как… в гробнице. Пей давай. Это «Второе дыхание». Помнишь, я варила сегодня на практикуме?

Роэн скосил глаза на флакончик, но наконец позволил влить зелье себе в рот.

— Поможет? — спросил он растерянно.

И я вдруг увидела молодого парня, который еще толком и не жил и который совсем не хочет покидать этот мир, и наивно, как маленький, надеется на чудо, хотя знает наверняка, что «Второе дыхание» не панацея.

— Даст тебе еще минут пять, — честно сказала я.

Он облизнул пересохшие губы, слепо нашарил мою руку, и я, сама себе удивляясь, сжала его пальцы. В одиночестве умирать страшно, будь ты

хоть трижды будущий правитель. Хотя бы такую малость, как тепло человеческой ладони, я могла ему дать. Ненависть подождет до завтра.

— Скажи моей маме…

— Роэн! — бесцеремонно прервала я его, наклоняясь к самому лицу, чтобы не упустить ни одного слова. — Кто тебя ранил?

Он качнул головой.

— Со спины. Не увидел… Обернулся — никого нет…

Гадство! А я так надеялась услышать имя убийцы!

— Почему ты пришел ко мне?

На этот раз молчание длилось дольше. Я испугалась, что Роэн потерял сознание, и тихонько затормошила его. Роэн застонал и стиснул мои пальцы.

— Ну прости, знаю, что больно! Это очень важно, крокодильшество!

Он аж очнулся.

— Как ты меня назвала?

По его искривленным от боли губам скользнула тень улыбки.

— Как, как… Неважно! Все равно ты завтра все забудешь! — буркнула я, поражаясь, что так опростоволосилась.

— Завтра, — зацепился он за слово, как сама я весь день цеплялась за спасительные соломинки. — Завтра?

— Почему ты пришел ко мне, Роэн? — ответила я вопросом на вопрос.

— Щит… на полигоне… Время… Ты — маг времени? Я…

— Надо же, и не погнушался обратиться за помощью к презренной Пепелушке! — не удержалась я от сарказма.

Наверное, не очень достойно тыкать умирающего, как нашкодившего щенка, в результат его щенячьих дел, но это я заранее отыгрывалась за его завтрашний высокомерно задранный нос.

Каждый вздох давался Роэну все труднее, он начал заваливаться набок, и я подставила плечо, дав опереться на себя, накрыла второй рукой его сведенные в агонии пальцы.

— Не хочу… умирать… — тихо произнес он. — Столько планов…

— Точно, например, окончательно загнобить пепельных магов.

Так, Эль, остановись, ему сейчас и без твоих шпилек непросто приходится. Я вздохнула и напомнила себе, что боль умеют чувствовать не только маги хаоса, но и высокомерные принцы

тоже.

— Роэн, ты не запомнишь, просто поверь: сегодняшний день повторится сначала. Я попытаюсь тебя спасти!

Роэн молчал, тяжело уткнувшись горячим влажным лбом в мою шею. Он больше не дышал. Не знаю, слышал ли он мои последние слова, которыми я неловко пыталась его подбодрить.

Я осторожно опустила его на землю. Расцепить пальцы удалось не сразу: Роэн сжимал их с отчаянием утопающего.

Я как следует рассмотрела рукоять кинжала: изготовлена из золота и украшена орнаментом из виноградных листьев. Тонкая работа.

— До завтра, крокодильшество! — сказала я, бодрясь.

Однако сейчас, глядя на распластанное на прелой листве тело, практически невозможно было поверить, что наступит утро и Роэн, живой, невредимый, скажет: «Пусть бежит первой».

Я вернулась в спальню совершенно опустошенная, в перепачканном землей и кровью платье. Я кинула его прямо на пол, оставшись в тонкой сорочке.

В дверь поскреблись.

— Ты точен как часы, Хрум, — грустно усмех-

нулась я, вытряхивая под дверь сухарики. — Ты ведь завтра тоже ничего не вспомнишь?

Я замешкалась, и теплое шумное дыхание зверюги обдало мои пальцы. Он мог бы, пожалуй, полоснуть когтями, но только понюхал. Наверное, я вкусно пахла сухариками.

Я встала, обернулась и вздрогнула от неожиданности. На столе стояла ваза — та самая, с испытания. Разбившаяся, но теперь целехонькая и без единой надписи. Что же…

Я приблизилась, окунула перо в чернила и торопливо вывела печатными буквами: «Елка, это не закончится, пока ты его не спасешь!»

Глава 33

Шмяк! Обжигающе холодная капля воды упала на мою босую ступню, которую я опрометчиво высунула из-под одеяла. Вчера я переложила подушку на другой конец кровати, и сегодня ноги оказались с той стороны, где раньше лежала голова. Это избавило меня от ледяной капли в лоб, но ощутить холодный укол на своей ноге все равно было неприятно.

— Бррр, — поежилась я.

Села, глядя на потоки воды за окном. Отыскала взглядом платье и выдохнула: ни следа крови или грязи, платье аккуратно расправлено на стуле. Рядом стопочкой сложена спортивная форма: временная петля работала лучше прачечной. Грязная форма, валявшаяся в углу темно-коричневым комком, утром превращалась в чистую и приятно пахла лавандой.

На столе обнаружился мешочек с остатками сухарей. Все вернулось на круги своя. Значит, и высочество проснулся сейчас в своей богато обставленной комнате как ни в чем не бывало. И все его мысли только о будущем свидании, но

никак не о скоропостижной смерти.

Принц на подстилке из листьев, его потускневшие волосы, рукоять кинжала — эти картины не отпускали меня. А еще — воспоминание о том, как горячие пальцы Роэна с отчаянием стискивают мои.

Надо поскорее развеять это наваждение! Стоит увидеть живого Златовласку и обменяться с ним колкостями, как все сразу встанет на свои места.

Я натянула форму, закуталась в накидку и побежала на завтрак. Не было смысла торопиться: Роэн объявится на полосе препятствий последним. И все же я торопилась.

Забавно, однако, я влипла. Магистр Калестор освободил меня от тренировок, но, несмотря на это, я каждое утро вынуждена приходить на полигон. Сейчас я даже рада такому положению вещей: чем быстрее увижу крокодильшество, тем скорее отпустит подспудная тревога.

Шеренга замерзших парней с немым изумлением следила за тем, как я с решительным видом снимаю накидку и начинаю разминаться, не обращая внимания на дождь.

— Будущие боевики должны привыкать к тяготам несения службы! — распинался тренер, он сделал паузу, наблюдая за мной, и добавил: — Бе-

рите пример со студентки Лир! Она так и рвется в бой!

— Пепельные маги не чувствуют холода, — кисло протянул Альб.

— Я чувствую холод! — На этот раз я не стала молчать. — Альб, ты себя в зеркале видел? Здоровенный парень, выше меня на голову, а хнычешь, как младенец!

Похоже, Альб достал своим вечным нытьем не только меня, потому что парни прятали улыбки, и кто-то пробормотал, что Пепелушку надо пропустить вперед. Неужели мои твердолобые одногруппники пригляделись к себе, ко мне и в кои-то веки заметили, что я и слабее их, и ниже ростом.

Я сделала вид, что не слышу, отошла, прячась от потоков воды под ветвями дуба. Я ждала Асториана. Ударил колокол, извещающий о начале занятий. Роэн не появился.

Он не опаздывал ни разу. Сердце тревожно сжалось. Что случилось? Неужели убийца изменил тактику и добрался до него с утра?

— Никто не видел студентов Асториана, Элмера и Веймера? — громко спросил магистр Калестор.

Парни переглядывались и пожимали плечами.

«Ну же, Роэн! Приходи! Пожалей мои нервы

хотя бы до вечера!» — мысленно взывала я.

Я как в глотке воздуха нуждалась в том, чтобы увидеть его надменно задранный нос и блуждающую ухмылочку. И вовсе не потому, что мне так нравилась его смазливая физиономия… Похоже, я не смогу дышать, зная, что мои усилия оказались напрасны: я его не спасла.

— Прошу прощения за опоздание! — раздался уверенный голос, и я ухватилась рукой за деревянный брус, чтобы не упасть: голова закружилась от облегчения.

— Минус пять баллов, студент Асториан. Ты задерживаешь своих боевых товарищей. В битве каждая потерянная минута — это чья-то жизнь! — Магистр Калестор не замедлил прочитать нотацию.

Роэн скинул непромокаемую накидку и, не обращая внимания на то, как дождевые струи пропитывают его волосы и рубашку, отправился к старту. Но вот он оглянулся, отыскивая глазами меня. И что-то сквозило в его взгляде. Чувство, которое невозможно облечь в слова. Ожидание? Узнавание?

— Пусть… Миррель бежит первой, — он сделал паузе перед тем, как произнести мое имя.

Миррель? Серьезно?

— Можно внести предложение? — сказала я.

— Предложение? — удивился тренер. — Говори.

— Что, если нам сегодня пройти полосу препятствий, разбившись на пары, как в первый день? Так мы быстрее закончим тренировку. Льет дождь. И студент Асториан опоздал…

Студент Асториан незамедлительно свел хмурые брови к переносице, мол, зря, очень зря я назвал Пепелушку по имени, уже начинаю жалеть! Я выразительно посмотрела на него: «Молчи!» Роэн явно помнит немногое, если вообще что-то помнит, разве что смутные образы полузабытого сна. Однако в следующий раз я смогу остаться с ним наедине только ближе к вечеру. Не хочу терять столько времени.

— Я не против, — сказал Роэн, продолжая пялиться на меня.

Тренер махнул рукой, соглашаясь, и я бодрой походкой направилась к стартовой линии, торопливо закручивая косу вокруг головы, чтобы она не била меня по спине во время бега.

— Надеешься, что я понесу тебя на плече? — хмыкнул высочество.

— Можешь не утруждаться, — в тон ему ответила я, ощущая необычайную легкость и радость от

нашей привычной пикировки и оттого, что этот вредный тип стоит и лыбится, как дурачина. — Ты все равно в минус ушел.

— Тогда тем более придется напрячься, — не согласился Роэн.

И как только тишину разорвал приказ тренера «Начали!», он схватил меня за руку и потащил за собой. Меня охватило острое чувство дежавю.

— Даже не вздумай! — прошипела я, тяжело дыша.

Прежде чем ступить на шаткие мостки, Роэн развернулся у рва, намереваясь обхватить меня за талию и взвалить себе на спину.

— Я сама справлюсь!

— Ты не переходила в ливень, — спокойно указал Роэн на новое обстоятельство и кивнул на бурлящую воду, на скользкие, блестящие от влаги мостки. — Свалишься. И мне придется тебя доставать.

— Доставать меня? О, да ты с этим и так отлично справляешься. — Я не удержалась от улыбки.

Наверное, в глазах ничего не понимающего высочества я вела себя странно. Вроде и язвила, но почему-то улыбалась при этом от уха до уха.

— Валяй, — оторопело согласился он и жестом показал, мол, пропускаю леди вперед.

Когда спустя два шага я пошатнулась, Роэн, шипя как чайник на плите, выловил меня за шкирку и так и придерживал, пока я не ступила на твердую землю.

Все-таки я просчиталась, надеясь переговорить с глазу на глаз. Да, мы остались наедине, без посторонних ушей, но все время в движении. Роэн волок меня за руку, а я… спасибо, что дышать успевала. Какие разговоры!

Мы шлепнулись на землю, в жирную грязь и поползли под сеткой, ставшей особенно агрессивной из-за воды: она плевалась искрами и жужжала, как рой растревоженных ос.

— Голову ниже! — рявкнул Роэн, когда я приподнялась на локтях, посмотреть, далеко ли до конца препятствия.

Я уже приноровилась за предыдущие два дня, но откуда бы высочеству об этом знать. Тяжело спасать жизнь несведущего теленка, идущего на заклание. Как же мне тебе намекнуть, Роэн? О таких вещах на бегу не сообщают.

Признаю, не самое удобное место для раздумий: на голову стекают потоки дождя, сетка трещит и норовит уколоть разрядом молнии. Мне кажется или в прошлые дни она вела себя приличнее? Или я, разволновавшись, не вытягивала голову,

разглядывая грязюку и рассчитывая, сколько осталось времени, чтобы успеть подобрать подходящие слова.

Раздался особенно громкий треск, и следом за ним на меня навалилось тяжелое тело, закрывая собой. Роэн впечатал меня в грязь и от большого энтузиазма совершенно перекрыл доступ кислороду. Пришлось заколотить его по плечам.

— Да слезь ты уже с меня, крокод…! — в сердцах воскликнула я, прежде чем прикусить язык.

Напрасно, ой как напрасно я про себя частенько величала принца хоть и подходящим, но не самым лестным прозвищем. Вот уже второй раз сорвалось с губ.

Роэн сполз вбок, но его ручища, по весу так натуральное бревно, продолжала удерживать меня поперек туловища, придавливая к земле.

Наши лица разделяло расстояние шириной не больше ладони. Я видела ясно каждую черточку. Грязь на его щеке, царапину на лбу, но отчетливее всего — ужас и изумление в широко раскрытых синих глазах.

— Крокодильшество, — проговорил он, моргая часто-часто, будто силясь проснуться. — Так ты назвала меня во сне.

— Это был не сон, Роэн, — прошептала я.

Глава 34

«Ну наконец-то! — с облегчением подумала я. — Сейчас выберемся, и я все ему расскажу. Предупрежден — значит вооружен!»

Однако дальнейшие события стали разворачиваться совсем не по тому сценарию, на который я рассчитывала. Удивление на лице Роэна сменилось недоверием, а потом оно и вовсе затвердело и будто бы покрылось корочкой льда.

— Понятно, — бросил он.

Снял с меня руку, перевернулся на живот и шустро пополз вперед, оставив меня в полном недоумении валяться под потоками воды, стекающими сквозь сетку.

— Что тебе понятно? — кинула я вдогонку.

Молчание в ответ. Я поползла следом, работая руками изо всех сил, дотянулась до голени проворного высочества и вцепилась в нее, пытаясь затормозить.

— Роэн, надо поговорить!

Он дергал ногой, разбрасывая вокруг себя ошметки грязи, но продвижения не замедлял. Я выбрала самый короткий путь к ушам Роэна — по

его спине. Вцепилась в рубашку, подтянулась, и вот я уже лежу сверху. Крокодильшество же продолжил ползти, как большая черепаха, обращая на меня внимания не больше, чем на улитку, примостившуюся на панцире. Правда, прилипнуть как улитка я не могла: постоянно соскальзывала. Пришлось крепко обхватить его за шею.

— Слезь с меня, сумасшедшая! Задушишь!

— Роэн, послушай!..

— Я знаю, что ты сделала. Магов хаоса с таким даром, как у тебя, называют сноходцы, — хрипло говорил он, и, хоть он и уверял, что я его душу, не слишком-то моя хватка на его шее ему мешала. — Чего ты добивалась? Моего расположения? Или…

Он на миг приостановился, озаренный догадкой.

— Точно! Ты же мстишь мне! Наяву-то руки коротки, а вот мучить кошмарами — вполне в духе пепельников!

— Роэн, ты идиот! — не выдержав, в сердцах высказалась я.

— А я-то удивляюсь, откуда столько радости во взгляде! Отличный план, Лир, я оценил!

— Студент Асториан, студентка Лир! — догнал нас грозный окрик магистра Калестора. — Это что еще за брачные игры жуков-солдатиков? Рас-

цепитесь и завершите испытание как положено!

Сгорая от стыда, я скатилась со спины крокодильшества, а он рванул вперед с утроенной скоростью.

Я и не подозревала, что существует такой дар, как дар сноходца, а вот высочество наверняка изучал все виды магии пепельников и светлорожденных, ему по статусу положено. Как неудачно, что для него прошедший день похож на сновидение.

Тут меня осенила мысль, и я устремилась вперед на четвереньках, рискуя получить разряд молнии в лоб, только бы обогнать Роэна. К тому моменту, когда я выбралась из-под сетки, он уже был на полпути к деревянной стене. Отрастил себе длинные ноги — не угнаться!

Он схватился за канат и полез вверх, изгибаясь всем телом, но теперь преимущество оказалось на моей стороне. Не зря я день за днем карабкалась на стену: приноровилась. И я в два раза легче Роэна, и ловчее — оседлала вершину первой и соскользнула вниз.

Оставалась только нора, и в данном случае узкий лаз скорее преимущество: вдвоем там не разминуться. Я первой доберусь до щита, и как только он исчезнет, а потом вернется с надписью

«Время», Роэну придется пересмотреть взгляды на мою магию.

Позади раздался шумный грязевой хлюп. Я обернулась на бегу и прибавила ход: Роэн не стал спускаться на канате, сразу спрыгнул и теперь нагонял.

Никогда прежде я с таким вожделением не стремилась погрузиться в черное нутро подземного лаза, как в эту секунду. Вот только крокодильшество играючи меня обошел и занырнул в дыру чуть ли не ласточкой.

Гадство! И все же шанс объясниться оставался. Я устремилась следом за высочеством, борясь с искушением снова схватить его за ногу и заставить себя выслушать.

Роэн выскочил на поверхность и принял боевую стойку. На его раскрытой ладони сворачивался огненный шар. Я тоже подняла руки, однако опоздала на долю секунды. Взбешенный Роэн ударил по щиту, не экономя сил, а может, он и не подозревал, что в нем таится настолько мощная магия. Так или иначе, вместо того чтобы растечься по металлической поверхности щита, файербол с грохотом отбросил в сторону мишень, а столб, на котором она крепилась, вывернул с корнем.

Я так и застыла с раскрытым ртом и вытянутыми ладонями, глядя на удаляющуюся спину с гордо расправленными плечами.

— Да ну нет… — прошептала я.

Все шло наперекосяк. Сегодня я не отправила щит в будущее, и магистр Калестор сказал мне лишь:

— Сноровка растет, Лир. Поставлю вам пять баллов за азарт и нестандартный подход к ситуации.

Нестандартным подходом он называет маневр «оседлай крокодильшество»?

Переодеваться в общежитие я отправилась, кипя от злости. План, казалось бы, безупречный, рассыпался в пыль. Для Роэна я теперь мстительный сноходец, который специально напускает на него кошмары. Он и слушать меня не станет.

Торопясь через парк, я привычно вскинула руку в приветственном жесте. Два дня подряд молодой маг хаоса издалека замечал меня и махал в ответ. Мелочь, а почему-то этот молчаливый обмен любезностями разливался в сердце теплом. Однако сегодня фигуры, завернутой в темный плащ, не оказалось на привычном месте.

Я даже замедлила шаг и обернулась вокруг своей оси. Невозможно. День повторяется в мелочах.

И если каждое утро пепельник стоял вон там, рядом с поникшими мокрыми кустами, значит, и сегодня должен стоять.

«Я сегодня пришла раньше, — объяснила я себе эту странность. — Мы разминулись».

Я тут же выкинула несуразность из головы: меня ждали другие, более важные дела. Персики. Бездна их возьми!

Приятное оживление, царившее в аудитории, чуть приутихло при моем появлении. И даже розы будто бы пугливо сжали лепестки и втянули раздражающий аромат при виде свирепого пепельного мага, оставляющего мокрые следы и распространяющего злобные флюиды.

Крючки над сушильными артефактами ожидаемо оказались заняты, но я перевесила чью-то подсохшую накидку поверх другой и водрузила свою. Растрепала волосы. Светлорожденные неженки с тревогой, как за дурным предзнаменованием, наблюдали, как черные пряди рассыпаются по плечам.

Я уселась на место. Корзинку, прикрытую салфеткой, отодвинула в сторону.

— Не заглянешь? — хмыкнул Элмер.

Я прищурилась, глядя на ближайшего друга Роэна. Вчера я упустила из вида, вернее, не заду-

малась об этом, но кто, как не Элмер, отвечающий за подарки, мог подстроить глупый розыгрыш? Не доставка перепутала, он сделал это специально. И даже не подумал, что в итоге прилетит Роэну. Какие парни все-таки недальновидные существа. И чувство юмора у них своеобразное.

— Позже, — процедила я.

А вот и сам крокодильшество, легок на помине. Застыл в дверном проеме, любуется милочкой Бэт. Она и рада стараться, изгибается всеми своими изгибами. Бэт, осторожней, так и бедро можно вывихнуть!

Роэн прошел мимо, злобно зыркнув в мою сторону. Непрошибаемый! Упрямый! Хладнокровная рептилия!

— Бэтти… — завел он старую песенку.

— Бэтти! — перебила я его. — Ух ты! Персики!

Бэтти уставилась на меня так, словно хотела сожрать. Однако мгновение спустя изобразила милую улыбку и прощебетала:

— Да, персики! Представляешь! В это время года! Это та-а-ак мило!

— Здорово! — Моя ответная улыбка становилась все шире и по ощущению уже напоминала зверский оскал. — Ты ведь угостишь нас? Да, Бэтти? Ты такая щедрая и добрая! Скажи, Пенни?

Толстушка Пенни робко затрясла головой, соглашаясь.

— На всех не хватит! — быстро отреагировала Бэт.

Хотя вчера она раздала фрукты однокурсницам, но делиться с грязной Пепелушкой ей явно не хотелось.

— А ты отрежь! Половиночку.

И я умильно сложила руки на груди и смущенно заморгала.

— Ладно, — скривилась Бэт. — Где же еще тебе, бедняжке, попробовать персики.

Он сняла со спинки стула сумку, украшенную стразами, порылась в ней и вытащила аккуратный женский кинжал — больше красивый аксессуар, чем грозное оружие.

Конечно, только до тех пор, пока узкое тонкое лезвие не оказывается под левой лопаткой, достав до сердца…

По золотой рукояти вились виноградные лозы. Тот самый кинжал, которым убьют принца.

Я вынуждена была опереться ладонями на столешницу и дышать, дышать, дышать, чтобы ненароком не хлопнуться в обморок.

Милашка Бэт? Скромница Бэт? Неужели убийца — она?

Бэт, не обращая внимания на мое побледневшее лицо, отрезала от персика треть.

— Иди, угощайся.

— Что-то перехотелось… — выдохнула я и поплелась прочь, забыв и про накидку, и про сумку.

Глава 35

Отправилась я, конечно, в Пузырек. Хоть что-то должно оставаться неизменным в этом перевернутом вверх тормашками дне.

Зашла в аудиторию и тихо села за парту, уткнулась лбом в ладони. Ну что за безобразие! Мне казалось, будто весь мир и само время ополчились против меня. Только-только начинаешь думать, что отыскала нужную ниточку в запутанном клубке событий, но стоит потянуть за нее, как все еще больше усложняется.

Теперь я понимала, что вчера задала Роэну не все вопросы. Если бы я только знала о кинжале! Надо было спросить, расстался ли он с Бэт до того, как его ударили в спину. Надо было узнать, где проходило их свидание и, возможно, заявиться под пологом невидимости отведиглаза. Конечно, я не дознаватель и не обучена таким вещам, и, как я ни бьюсь над загадкой гибели наследного принца, все время прихожу не туда.

— О, Миррель, ты уже здесь! — Магистр Перенея выглянула из подсобки, заметила меня, сгорбившуюся за столом, и присела рядом. — Ты рано.

— Угу.

— Что-то случилось?

— Нет-нет, все в порядке. — Я села ровно и кивнула. — Занятие по элементалистике отменилось. Я пришла пораньше, чтобы поработать над зельем.

— Замечательно! — расцвела преподавательница. — Давно у меня не было таких заинтересованных учеников. Что хочешь приготовить?

— Есть ли снадобье, которое… — Смутная мысль никак не хотела оформиться в слова. — Заставляет говорить правду?

Вот бы подлить такое Бэт и напрямую спросить ее о том, какое отношение она имеет к убийству. Магистр Перенея удивленно приподняла брови.

— Зелье правды? Увы, Миррель, его разрешено использовать только спецслужбам, да и рецепт строго засекречен. — Она внимательно посмотрела на мое расстроенное лицо и добавила: — Не всегда нужно зелье, чтобы поговорить честно и по душам.

Дружелюбная и славная преподавательница плохо представляла масштаб моей проблемы. Она думала, что дело в конфликте и недопонимании с однокурсниками. Вдаваться в объяснения не было смысла, поэтому я лишь покивала.

— Ты хорошая девочка, Эль, но слишком… колючая.

«Это я-то колючая? Ну конечно. Зато вокруг меня одни пушистые зайки!»

Я молчала, глядя исподлобья.

— У тебя сильный характер, Эль. В тебе есть стержень. И я догадываюсь, что сформировало тебя такой, какая ты есть… — продолжала магистр Перенея и даже накрыла мою напряженную руку своей ладонью. — Но что, если попробовать начать разговор не с нападения, а, допустим, с улыбки?

И преподавательница незамедлительно продемонстрировала улыбку. Ей хорошо удавалось быть милой и открытой. В уголках глаз магистра собрались лучистые морщинки, да и сами серые глаза сияли доброжелательностью. Сразу видно, что никто никогда не гонялся за маленькой девочкой с палкой по узким проулкам с криками: «Затуши уголек!»

Улыбка! Подумать только. Да, помнится, не так давно я читала Себу детскую сказочку про котенка Косматика, который боялся идти домой, потому что в огромной луже по дороге отражался какой-то лохматый, зубастый и явно недружелюбный зверь. Конечно, это и был сам Косматик.

И стоило ему улыбнуться своему отражению, как стало понятно, что мир вокруг не такой уж жуткий и опасный.

Глупости это все! Одному сегодня я уже поулыбалась, хватит!

— Давайте приготовим успокоительное средство «Бархатная ночь», — сказала я, решив, что мне не помешает немного безмятежности, раз уж день пошел наперекосяк.

— Отличный выбор!

Я как раз крошила в бурлящее варево стебли душицы, когда коридор наполнился гулом голосов. Вскоре распахнулась дверь и в аудиторию ввалились однокурсники. Они не обращали на меня внимания, чему я была только рада.

Неожиданно рядом со мной на стул опустилась моя сумка, по размеру больше напоминающая наволочку, а может, даже из нее сшитая. На спинку стула повесили накидку. А самой последней на стол поставили корзинку, накрытую салфеткой.

Я вскинула взгляд и увидела Роэна, который и принес все это добро. Он смотрел прямо, серьезно и немного сурово.

— Твое. Ты забыла.

— Премного благодарна. — Я изобразила дурашливый книксен. — Жаль, зря тащил угли и золу.

Я сдернула с корзинки салфетку, чтобы продемонстрировать подношение, но застыла в изумлении. В корзине лежали фрукты: румяные яблоки, сливы и груши. И на самом верху — бежевая роза.

— Что? — прошептала я. — Как?

— Поговорим?

Роэн подцепил меня под локоть и мягко, но настойчиво увлек за пределы класса, в опустевший коридор.

— Мое зелье! Его надо помешивать!

— Веймар, займись, — приказал высочество, даже не обернувшись: он не сомневался, что его приказ будет исполнен.

Через мгновение мы очутились у окна, я села на широкий подоконник, а Роэн навис надо мной, уперев ладони по обе стороны от меня — не сбежать.

— Я увидел во сне, что вместо фруктов тебе по ошибке достанутся угли, — бесстрастно произнес Роэн. — Утром решил проверить, и оказалось, что в доставке действительно что-то напутали. Поэтому я опоздал на тренировку, ждал, пока привезут новую корзину.

— Или это твои друзья что-то напутали?

Я воинственно задрала подбородок, но Роэн

пропустил мой намек мимо ушей.

— Как ты это делаешь, Лир? — Роэн прищурился, разглядывая мое лицо. — Ты сноходец? И одновременно оракул? От вас, магов хаоса, можно ожидать каких угодно сюрпризов.

Я открыла было рот, но снова закрыла. Что я ни скажу — сегодня он мне не поверит. Поэтому я просто пожала плечами.

— У меня к тебе предложение, Миррель. Как насчет того, чтобы заключить перемирие?

Глава 36

— Боишься, что кошмары замучают? — дерзко спросила я: другой причины для предложения мира со стороны Роэна я не видела.

— Я не воюю с девчонками, — выдал он неожиданное.

Я едва не поперхнулась.

— Ого! И когда ты это понял? До того, как сравнил меня с пылью под ногами, или после?

— Ты потрясающе нахальная, ты знаешь?

Роэн смотрел на меня со смесью изумления и… Что за чувство читается в его прищуренных глазах и вздернутом уголке рта? Восхищение?

— Воспитывать поздно! — отрезала я. — Так ты не ответил на вопрос.

Роэн сделался серьезен и провел ладонью по растрепанным, все еще влажным волосам.

— Я действительно считаю магию хаоса опасной и разрушительной и уверен, что ее нужно полностью запретить…

Я стиснула край подоконника и сжала губы.

— Однако то, что ты слышала в день нашего знакомства…

— Вряд ли это можно назвать знакомством, ты не поинтересовался моим именем. У дорожной пыли нет имен.

— Ты дашь мне договорить, невозможная девчонка?! — воскликнул он в сердцах, наклоняясь ниже, глядя глаза в глаза, будто хотел взглядом пригвоздить меня к месту и заставить помолчать хотя бы минуту.

— Ну говори, — великодушно разрешила я, ерзая и отползая дальше по подоконнику.

— Я объяснился с Альбом на его языке. При всей моей нелюбви к пепельным магам, о которой все знают, я не желал, чтобы одному из них причиняли вред. Особенно — девушке.

В памяти появилась четкая картина. Альб заносит кулак для удара, Роэн надавливает на его предплечье, заставляя опустить руку. Пожалуй, если бы придурок Свент тогда припечатал меня, скоро и остальные последовали бы его примеру. Главное — начать.

— Я показал ему, что игнорировать тебя — норма. Что так делает принц. Значит, и остальные сделают так же.

— Странный способ оказать поддержку, — пробурчала я.

Однако против желания признавала: способ

действенный. Роэн не стал лицемерить: о политике правящей династии в отношении магов хаоса все знают. Внезапное заступничество наследного принца обернулось бы для меня куда большими проблемами. Кто-то наверняка решил бы проверить, как далеко можно зайти. Ведь не может будущий король, светлорожденный маг, всерьез озаботиться судьбой Пепелушки.

Я задумалась, разглядывая колени. Честно, я не могла до конца поверить, что Роэн такой дальновидный стратег. Что он просчитал последствия на несколько шагов вперед.

— В глазах остальных ты должна была стать… частью фона. Не забавой, не угрозой. Просто той, на кого не стоило и внимание обращать.

Роэн вдруг взъерошил волосы и признался неожиданно просто:

— Только со мной этот способ не прошел, кажется. Ты из меня уже все нервы вынула и на кулак намотала, Миррель Лир. Вот поэтому с сегодняшнего дня я предлагаю соблюдать нейтралитет.

«Как бы мне этого хотелось, Роэн! — подумала я. — Да только, боюсь, не выйдет. Сегодняшний день для этого меньше всего подходит…»

— Роэнчик, — прощебетал из дверного проема сладкий голос Бэт. — Помоги мне переставить

парту ближе к окну, пожалуйста.

Роэн бросил на меня последний строгий взгляд: «Договорились?» и отправился помогать своей зазнобе. Та на пороге обернулась и посмотрела так злобно и презрительно, что я едва не продемонстрировала ей свой любимый жест: «Отвали!».

Появление белокурой овечки — или же все-таки волка в овечьей шкуре — возвратило меня к насущному вопросу: если Роэна убили кинжалом Бэт, причастна ли она к убийству?

Вернувшись к столу, я обнаружила, что зелье «Бархатная ночь» безвозвратно загублено: его нужно было помешивать, но не взбалтывать, Веймер же со своей молодецкой удалью и силушкой богатырской так активно вращал лопаткой, что взбил снадобье в пену. Пришлось вылить содержимое котелка в ведро и вместе с остальными готовить средство для полоскания горла.

На артефакторике я снова принялась мастерить отведиглаз. Получалось лучше, чем в прошлый раз, проволока ложилась ровно, оплетая кварц. Пока амулет, как и предупреждал магистр Викс, был только красивой безделушкой, но я обязательно придумаю, как зарядить его магией.

Магией! Моя рука замерла над последним витком. Так-так, а кто сказал, что у меня ее нет? Не

было бы — я бы не застряла в этом дне. Я до сих пор не понимала, каким образом запустила петлю времени, но, видно, не зря говорят, что толчком к пробуждению магии может стать потрясение. Роэн умер на моих руках, и дар хронора сработал без моей воли. Также в минуту сильного волнения я заставила исчезнуть корзину с персиками и стул из-под сидящего на нем Веймера.

Я осторожно сжала в руках готовый амулет и мысленно потянулась к резервуару, где дремала магия. Как там говорил магистр Кроу? Первый шаг — чувство полета или падения. Я зажмурилась и представила летящего над лесом ворона, ощутила, как ветер ласкает перья, увидела мудрый взгляд темных глаз. Но невольно представила хитрые сияющие глазенки Рейвена. Ведь Рейвен с древнего лумарийского и переводится как «ворон».

Кварц в моей ладони затрещал. Я побоялась, что он раскрошится, и поскорее разжала пальцы. Да, камень действительно покрылся сеточкой трещин, но зато в его глубине горела синяя искра. Получилось?

— Эй, Урисон! — окликнула я однокурсника, стоящего за соседней партой.

Он от нечего делать вытягивал одну за другой

нитки из лоскутка шелковой материи. На мой призыв он оглянулся, но посмотрел сквозь меня. Потом в сторону. Пожал плечами и снова занялся чрезвычайно важным делом уничтожения тряпочки.

Получилось! Правда, кварц выглядел так, будто вот-вот развалится на осколки — вряд ли доживет до вечера. Однако мне и не нужно ждать вечера. Неожиданно созрел план: я прослежу за Бэт. Если она каким-то образом замешана в убийстве Роэна, она может себя выдать неосторожным словом или подозрительным поведением.

После окончания занятий я потихоньку надела амулет, отошла в угол класса и стала ждать, пока Бэт соберет сумку и в компании подруг, или скорее подпевал, отправится к выходу. Бэт не хотела дружить на равных, она собрала себе кружок из девушек, смотрящих на нее с обожанием: Мика, Пенни и Оливия.

Бэт выдвинулась первой, подпевалы за ней — каждая так и норовила заглянуть в лицо избраннице Роэна и поймать ее снисходительный взгляд. Я торопилась следом в двух шагах позади. Всё боялась, что Бэт почувствует мое присутствие, но она была слишком занята собой, купаясь в зависти и лести.

— Ах, какая ты счастливая, — пищала Мика.

Она то чуть забегала вперед, то шагала сбоку. Я опасалась, что Бэт собьет ее с ног.

— Неужели слухи не врут? Его высочество поступил в Люминар, чтобы отыскать невесту? — рассуждала Оливия, наиболее разумная из всех. — Если так…

— Да, так! — перебила ее Бэт. — Конечно, так. Я бы все равно отправилась на зимний бал, чтобы стать одной из кандидаток на отборе, просто судьба нашла меня раньше.

И она кокетливо поправила волосы.

Хм, пока ничто не указывало на причастность Бэт к коварному заговору. Ей точно было невыгодно избавляться от потенциального жениха и будущей счастливой жизни.

— Свида-ание, — с романтическим придыханием протянула толстушка Пенни. — Куда же вы пойдете? Жаль, что первогодки не могут покидать Люминар. Но Роэн обязательно придумает что-нибудь интересное.

— Я даже не сомневаюсь в этом! — высокомерно заявила Бэт.

— Это так славно! Ты. Наше бесценное высочество. И два его друга!

Бэт едва не споткнулась на ходу и прикусила

губу. Похоже, до нее только сейчас дошло, что Роэн без своих телохранителей и шагу не может ступить.

— Ой-ой, — пискнула Мика. — И не поцелуешься!

Бэт злобно уставилась на Мику.

— Знаешь что! Иди найди Роэна и передай ему, чтобы приходил на свидание без своих парней!

— Я? — изумилась Мика.

— Ты! — Бэт выставила палец и слегка ткнула им в плечо подружки. — Скажи Роэну, что это моя просьба.

Мика растерянно отстала, она смотрела то на спины удаляющихся подруг, то в сторону Пузырька, где все еще оставался Роэн. Потом вздохнула и поплелась в алхимический корпус.

Я дернулась было за ней, но в последний момент передумала и припустила за Бэт. Я еще слишком мало услышала и боялась пропустить важное.

Глава 37

Увы, даже если у милашки Бэт имелись темные тайны, в которых я могла бы ее уличить, продолжив слежку, в этот день узнать о них мне было не суждено.

Мой первый опыт тайного агента охранки и дознавателя завершился спустя пару минут. Я перестаралась с магией для отведиглаза: амулет не выдержал и в один момент развалился на мелкие осколки. Я едва успела нырнуть за ближайшее дерево. Девушки тоже услышали треск, оглянулись, но меня, к счастью, не заметили.

Я проводила их взглядом, стоя на перепутье. Куда податься? За меня выбор сделал заурчавший желудок. По крайней мере сегодня я поем что-то более сытное, чем пустой супчик.

С Микой мы сегодня разминулись: обычно в это время я еще сидела в кабинете ректора. Теперь стало понятно, почему Мика отстала от подруг, почему пришла одна. Но по-прежнему оставалось неясно, из-за чего она безутешно рыдала. Я думала, она страдает из-за неразделенной любви к Роэну, но, судя по восторженным пискам и

взглядам, Мика радовалась за подругу. Или она просто притворялась…

Кто же ее обидел? И чем? В корпус артефакторики плакса отправилась, прижимая к груди розу, но я встретила ее на веранде столовой с пустыми руками. Потеряла подарок и потому убивалась?

Получается, она все-таки передала Роэну просьбу Бэт, принц пошел на свидание без телохранителей, а значит, никто не мог помешать убийце нанести удар.

Я мрачно жевала салат из морковки и куриную котлету и перебирала в памяти события дня: не зря вчера занялась восстановлением хронологии. Роэн сейчас в библиотеке, куда направился сразу после практикума вместо обеда.

Чтобы захапать в единоличное пользование все книги!

«Чтобы успеть сесть за реферат, ведь другого времени у него не будет, — со вздохом признала разумная часть меня. — Сидит, пишет и не знает, что жить ему осталось несколько часов. Дурачина».

Совесть не должна была меня мучить. С самого утра я только тем и занималась, что пыталась объяснить, предупредить, а Роэн отпихивался от неприятной правды всеми руками и ногами.

Сегодня он мне не поверит. Наверное, я должна была расслабиться, выпить компот и не торопясь съесть слоеную булочку: до сих пор мне доставалась лишь жижа с волоконцами мяса. Я могла просто ждать заранее определенного исхода, но… Компот горчил, и булочка казалась безвкусной, набитой стружками.

— Ладно! — прошипела я, словно это крокодильшество виноват в том, что еда не лезла в рот. — В последний раз!

Я решительно вытерла рот салфеткой, бросила ее на стол и вылетела из столовой.

Роэн только приступил к работе над рефератом, он успел написать всего несколько строк, и перо выглядело прилично, а не так, будто его точили мыши. Мою твердую поступь по каменным плитам библиотеки было слышно издалека, так что Роэн загодя поднял взгляд от раскрытой монографии Эланора Фейра.

— Присаж… — начал было он.

Я с грохотом захлопнула книгу, не дав ему договорить. И плевать на нейтралитет, Роэн! Если нужно, я тебя схвачу за грудки и буду орать в ухо, лишь бы ты меня услышал, упрямое высочество.

— Просто послушай! — рявкнула я после того, как крокодильшество сначала усилием воли

вернул высоко взлетевшие брови на их законное место, а потом распрямил плечи, став сразу выше и массивнее, и открыл рот, явно собираясь напомнить мне о моем месте в жизни. — Тебе грозит опасность! Не хочешь верить — не верь! Но возьми с собой на свидание кого-то из парней. Элмера или Вейлара, все равно. Пусть прикрывают тебе спину.

Роэн смотрел на меня, чуть наклонив голову, но не перебивал, и это меня воодушевило.

— Можешь считать меня оракулом. Пусть так. Я тебе докажу, что говорю правду. Сейчас процитирую начало реферата.

Я зажмурилась и протянула пальцы в сторону листка, а Роэн, усмехнувшись, перевернул его строчками вниз.

— Между светом и хаосом нет равновесия, это возможно лишь… в теории. — Зараза, надо было выучить наизусть, но кто же знал, что пригодится! — Хаос… не способен к созиданию…

— Не совсем так, — хмыкнул Роэн. — Несложно было процитировать мне меня после нашей дискуссии на лекции магистра Зендела.

Должно быть, у меня сделалось такое разочарованное лицо, что Роэн не выдержал.

— Хорошо, — сказал он, подняв ладони вверх в

жесте «Сдаюсь».

— Что «хорошо»? — не поверила я своим ушам.

— Возьму с собой одного из парней. Вряд ли Бэт это понравится…

— Да плевать, что понравится Бэт! — буркнула я, чувствуя, как от облегчения ослабли ноги. — Принеси стул!

— А волшебное слово?

Вот ведь пунктик у человека на «волшебных словах».

— Быстро! Голова кружится…

К чести сказать, Роэн больше не стал занудствовать и метнулся за стулом. Видать, не хотел отскребать мое тельце от каменных плит пола.

— Воды принести? — Он с тревогой — ну надо же! — вглядывался в мое лицо. — Ты успела пообедать? Или голодная? Что случилось?

— Пророчества отнимают много сил, — соврала я. — Все уже хорошо. Правда.

Роэн качнул головой и вдруг положил передо мной маленькое яблоко. Я же только теперь поняла, что забыла корзинку с фруктами и розу в Пузырьке: как-то не привыкла к мысли, что у меня есть что-то, кроме углей и золы.

— Не смею объедать его высочество.

— Миррель, даже не начинай! — Роэн властно

поднял руку, и в голосе раздались те самые нотки, после которых хотелось беспрекословно подчиняться будущему правителю. — Жуй. Книги тоже в твоем распоряжении.

Я полезла в сумку за пеналом и поняла, что забыла его в аудитории. Удивительный закон подлости!

— Пером поделишься?

Высочество с пристрастием оглядел слегка погрызенное перо и кивнул.

— Скажешь, когда понадобится.

Долгое время в прохладной тишине библиотеки не раздавалось иных звуков, кроме шелеста переворачиваемых страниц, хруста сочного яблока и скрипа пера по бумаге. Мы негласно договорились оставлять перо в центре стола и брали его по очереди, когда в нем возникала необходимость.

В какой-то миг я не глядя протянула руку и вместо гусиного оперения поймала за палец Роэна. Мы оба смущенно покашляли и сделали вид, что ничего не случилось.

Я настолько увлеклась изучением брошюры «Хаос как первооснова», что совершенно забыла о времени. Опомнилась лишь тогда, когда часы на башне центрального корпуса пробили шесть

вечера.

Вскочила, роняя стул. Как я могла забыть! Рейвен!

Принц, не понимая, что происходит, тоже вскочил. По полу рассыпались исписанные листы — мои и его, перемешиваясь.

— Миррель?

— Извини! Надо бежать!

Не хватало мне неприятностей, так еще мелкий хулиган на мою голову. Что же за день-то такой! Одного упрямца от убийцы спасай, другого упрямца домой прогоняй!

Я со всех ног понеслась к темной половине Люминара, туда, где изо дня в день ловила Рейвена. Время поджимало. Только бы он не успел уйти слишком далеко.

Глава 38

Сумрак постепенно окутывал деревья и здания, но фонари пока не горели. Я бежала, сражаясь с холодным ветром, бьющим в грудь.

— Рей! — Я пересекла границу двух половин и завертелась, осматриваясь. — Отзовись!

В первый раз я увидела спину Рейвена и его черноволосую макушку на дороге, что вела в сторону заброшенного учебного корпуса, сейчас дорога оказалась пуста. Неужели я опоздала? Я еще успею его догнать, если потороплюсь!

От ствола старого клена, склонившегося над тропинкой, отделилась тень. Длинные черные волосы собраны в хвост, темная накидка превращает силуэт в подобие статуи древнего божества, их ваяли похоже: складки ткани скрывают фигуру, и только точеный профиль выдает мудрость и проницательность. От неожиданности я вздрогнула всем телом.

— Вы? — прошептала я.

— Ищешь мальчика? — спросил пепельный маг, подходя так близко, что я без труда смогла рассмотреть высокие скулы, тонкие брови и гла-

за, которые будто бы вместили в себя всю ночную тьму — настолько глубокими и черными они казались.

— От-ткуда вы знаете? — Я так удивилась внезапной встрече, что начала заикаться.

— Нетрудно догадаться. — Он улыбнулся уголками губ. — Пять минут назад один юный балбес пытался срезать дорогу через темную половину. Я развернул его и отправил домой.

— Фух! — выдохнула я. — Спасибо. Вас он, видно, послушался быстрее, чем меня. Кстати…

Я кинула взгляд на кучу палой листвы, на которой в прошлый раз восседал Хрум. Где этот котяра-переросток?

— Вам бы я тоже не советовала оставаться в парке после заката солнца. Где-то здесь бродит огромный зверь с ядовитым жалом на хвосте. Кто знает, в каком он сегодня настроении.

— Я не боюсь сумеречников, — спокойно сообщил маг хаоса. — Они не причинят мне вреда.

Вот это заявление! Я не нашлась, что ответить, лишь растерянно хлопала глазами. Нужно быть или очень уверенным в себе, или невероятно сильным магом, чтобы не опасаться хищной нечисти. Незнакомец не рисовался передо мной, не заигрывал, как девушка я его не интересовала.

Мужчина был старше лет на семь или восемь и смотрел на меня так же, как я до того глядела на Рейвена: с позиции умудренного опытом взрослого человека. Тоже мне — старикан!

— Можно спросить? — Раз уж у нас завязалась почти дружеская беседа, я решилась задать давно мучивший меня вопрос. — Это ведь вы спасли Соларин от хвостатой звезды?

Я задержала дыхание в ожидании ответа. Неужели это он? Легенда, окруженная немыслимыми слухами и догадками. Маг хаоса, который пришел ниоткуда и ушел в никуда. Его больше нигде не видели и не слышали о нем, но вот, пожалуйста, я стою в ночном парке рядом с укутанным сумраком мужчиной из плоти и крови. От невероятности происходящего мир поплыл перед глазами.

— Да, я, — просто ответил он и слегка наклонил голову.

И снова я подумала, что уже где-то видела этот разворот головы: будто он прислушивается к чему-то, что другим недоступно. Неуловимое ощущение узнавания не отпускало.

— А мы… виделись где-то раньше? — не выдержала я.

— Да, конечно, — мягко улыбнулся он. — Не-

сколько недель назад во время визита королевской семьи в Академию. Мы перекинулись парой слов.

Он нашел меня, лежащую на земле, расстроенную тем, что я не смогла повидаться с мамой, и подбодрил, сказав, что однажды чаша весов склонится в нужную сторону. Пепельники частенько говорили друг другу нечто подобное. «Когда-нибудь все станет как прежде. Мир снова изменится. Мы вернем себе былое величие». Оптимистичные побасенки, которым не суждено сбыться.

— Помню. — Я разочарованно махнула рукой, чувствуя, как против воли в груди поднимается злость: что же ждет пепельных магов дальше, если и лучшие из нас удовлетворяются красивыми небылицами. — А сейчас? Зачем вы здесь?

— Потому что ты — переломный момент, Мирель Лир, — ответил он.

Ветер качнул ветви, тени метнулись по красивому лицу, меняя его, делая жестким и немного жутким. Меня же будто окатило ледяной водой.

— Что?.. Я не понимаю, о чем вы!

Я отступила на шаг — растерянная, даже напуганная, готовая бежать и прятаться, но мужчина и не думал преследовать меня, он не сдвинулся с места, наоборот, расслабил плечи, показывая,

что не собирается нападать.

— Однажды запреты падут. И черный цвет волос перестанет быть клеймом. — Голос пепельного мага звучал размеренно и ровно — он словно произносил пророчество.

Он поднял руку, потянулся ко мне, но, не желая пугать еще больше, остановился. По кончикам его пальцев пробежали синие искры.

— Власть над Соларином больше не будет принадлежать светлорожденным.

Горло перехватило от страха. Он говорит о революции? Я не хотела больше заговоров, мятежей и смертей. И я не хочу, чтобы Роэн погиб! И точно не желаю быть к этому причастной!

— Кто вы такой? — выдавила я.

— Я отвечу тебе на этот вопрос позже.

Мужчина сделал шаг назад, и его силуэт мгновенно растворился в тенях, оставив после себя лишь шорох осенних листьев. И мне впервые за этот день сделалось по-настоящему холодно.

Глава 39

— Роэн! — Я ворвалась в библиотеку, однако мой призыв повис в воздухе без ответа.

Книги оказались аккуратно сложены на краю стола, наши черновики разобраны в две стопки, мою сверху придавливало перо.

— Его высочество закончил работать. — За кафедрой появился библиотекарь. — Но он попросил оставить для вас книги, подумал, что вы вернетесь.

— Да… — пробормотала я. — Спасибо.

Что бы я ни делала, я всегда опаздывала на шаг. Что, если сейчас в заброшенном парке я и повстречалась с убийцей принца? Мне не хотелось верить, что спаситель Соларина — тот самый человек, который всадит, с очевидной жестокостью и силой, кинжал в его спину. В спину! Как будто боится посмотреть в глаза.

Как теперь быть? Сказать Роэну: «Опасайся мага хаоса»? И предать своего? Но если он убийца, как я могу промолчать?

Я напомнила себе, что сегодня несносное высочество возьмет с собой на свидание не только

Бэт, но и одного из телохранителей, а значит, не окажется беззащитным перед ударом. Я больше ничего не могла сделать.

Придвинула к себе книги, но листала бездумно, читала один и тот же абзац по десятку раз, но не запоминала.

— У вас есть книги о Дне Перелома? — спросила я служащего.

Все, что мне было известно о заговоре Гая Эриуса, я почерпнула из сухих разделов в школьном учебнике, статей в столичной газете, приуроченных к печальной годовщине, и противоречивых слухов и сплетен.

Раньше я никогда и не закапывалась глубоко в эту тему: ощущала горечь каждый раз, когда заходил разговор о разрушенном Куароне и падении великих пепельных династий.

Библиотекарь посмотрел удивленно, но расспрашивать не стал, в конце концов, тема эта не под запретом, каждый имеет право изучить события почти семидесятилетней давности.

Скоро я расположилась на прежнем месте с книгами разной степени древности. Среди них попалась и книга родословных «Имперский Реестр Дворянских Домов», естественно, ведь и род Эриусов принадлежал к высшей аристократии.

Мои предки тоже должны быть в реестре. Любопытно! Мама называла фамилию бабушки — Неил. И действительно, такой род нашелся. Не самый прославленный, не приближенный ко двору, но самый что ни на есть старинный. Я провела пальцем по виньеткам с именами. Древо оборвалось в кровавый Год Перелома, и последним именем как раз стояло имя моей прабабушки.

Потом я обратилась к истории. Поначалу дело шло туго, я плохо разбиралась в хитросплетениях родословных, но сноски в книгах и отсылки к реестру помогли. Грустная и трагическая история Соларина встала перед внутренним взором в подробностях и деталях, ожила.

Гай Эриус не просто принадлежал к древнему роду, он был доверенным советником короля Роэнмара. Никто не ждал от него предательства, но потрепанные страницы «Хроники Соларина» хранили свидетельства очевидцев. Охваченный пламенем дворец, вырванные с корнем колонны, разрушенные стены. Пепельный маг Гай Эриус, доверенный советник короля, найден с телом правителя на руках. Это стало главным доказательством его вины.

На допросе он не оправдывался, ни называл

имен, не сказал ни слова в свою защиту. По столице прокатилась волна ненависти к пепельным магам. Их арестовывали, хватали на улицах, убивали без суда и следствия. Они оборонялись. Во время вспыхнувшего мятежа Куарон был разрушен и сожжен дотла. Король Роэнмар остался жив, но покалечен не только телом, но и разумом, ничего не помнил, никого не узнавал. По сути, власть перешла в руки его сына. В совет вошли светлорожденные маги, в том числе предки Элмера и Вейлара.

Я залезла в родословную и обнаружила, что Элмер и Вейлар оказались не просто потомками древних светлорожденных родов, но и ближайшими родственниками королевской династии по материнской линии.

Что мне дает новая информация? Ровным счетом ничего.

— Закрываемся через пять минут, — вывел меня из задумчивости голос библиотекаря.

Я и не заметила, как просидела над книгами почти три часа. Едва я вышла за порог, как над Люминаром понеслись удары колокола. Девять. Роковая минута приближалась.

— Выживи сегодня, Роэн! — прошептала я.

Я и не узнаю, добрался ли до него убийца до-

брался, ведь сегодня я для Роэна не хронор и последняя надежда на спасение, а оракул, предсказавший смерть. Я медленно брела по слабо освещенным пустым аллеям, прислушивалась и оглядывалась.

Мне почудился удаляющийся шелест в кустах неподалеку, и почти сразу раздался крик:

— Сюда! Сюда!

Кричал мужчина. Я затруднилась определить по голосу, Роэн это или кто-то другой, однако поспешила на шум.

В желтом круге фонаря на земле распростерлось тело. Ошибки быть не могло. Я еще издалека заметила длинные светлые волосы и вскрикнула.

Подбежала, опустилась рядом на колени и затормошила Роэна, пытаясь привести в чувство. По моим щекам текли слезы отчаяния. Что бы я ни делала, день неуклонно приходил к одному и тому же финалу. Да, с небольшой разницей, однако суть оставалась одна. Сегодня принц не дошел до темной половины, но все так же умирал с кинжалом в спине.

Ресницы Роэна затрепетали. Он негромко застонал.

— Дай посмотрю… Держись…

Я осторожно повернула его на бок и увидела

торчащую из-под лопатки знакомую рукоять кинжала, выругалась. Потихоньку примостила голову Роэна к себе на колени, пачкаясь в крови.

— Эль… — прошептал он. — Ты… была… права…

— Ничего. — Я погладила его по щеке. — Ты видел его? Кто убийца?

— Проводил… Бэт… на ее этаж… Спускался… по лестнице… Ударили в спину…

— А где твой телохранитель? Ты не должен был оставаться один!

— Ждал внизу… Ушел за помощью…

Так это он кричал и звал подмогу? Но пока мы были одни, и вряд ли Роэн дождется целителя: рана слишком глубока.

Я взяла лицо Роэна в ладони и наклонилась над ним, заставив посмотреть мне в глаза.

— Роэн, верь мне. Завтра утром ты проснешься в своей комнате целый и невредимый. Этот день повторится сначала. Ты не помнишь, но ты проживаешь его уже в третий раз. Я не насылала на тебя кошмары, я пытаюсь тебя спасти. Слышишь?

Роэн опустил и поднял веки: «Слышу». Медленно накрыл рукою мою ладонь. В его глазах было столько боли.

— Не бойся, — прошептала я. — Не надо бояться.

А дальше произошло то, в чем я раскаялась уже через мгновение. Какое-то затмение нашло. Его лицо так близко, и чуть приоткрытые губы, и мне только хотелось подарить Роэну немного тепла и надежды. Я столько раз видела его смерть, и каждый раз часть души разбивалась на осколки. Для него все происходило будто впервые.

Может, я стремилась его удержать? Или просто не хотела, чтобы он умирал в одиночестве.

Я наклонилась и тихонько коснулась губами его горячих сухих губ. Они дрогнули, будто Роэн хотел ответить на поцелуй.

— Вон она! Убийца! — раздался вопль. — Держите!

Я вскинула голову и увидела, что со стороны мужского общежития ко мне бегут студенты студенты, одетые кое-как — в рубашках на голое тело, в халатах и тапочках. Впереди всех летел Элмер и указывал на меня рукой, Вейлар молчал, но не отставал от напарника.

Сердце екнуло. Прямо сейчас происходило то, чего я боялась больше всего на свете. Кого обвинят в гибели наследного принца? Конечно, пепельного мага!

— Беги! — прошептал Роэн и из последних сил приподнялся, опираясь на локоть, а другой рукой отрывая меня от себя. — Быстро! Никто не станет слушать… Завтра… вместе…

Он упал обратно на землю. Я не стала мешкать и со всех ног понеслась на темную половину. Куда потом? Маленький Рей говорил, что по ту сторону территории Люминара есть выход, но как я найду его в темноте? На ощупь? Не успею. Меня поймают. Затравят, как волчонка.

И все равно я бежала, каким-то чудом не спотыкаясь о мелкие камешки и не поскальзываясь на размокших листьях.

Если я запрусь в комнате, если смогу уснуть — день повторится. Или нет. Но это единственный шанс.

Я пересекла невидимую границу и вздрогнула, увидев Хрума, выступившего из темноты. Его длинный хвост с жалом на конце нервно мел землю. Сумеречник коротко взглянул в мою сторону, глаза сверкнули изумрудной зеленью, и, клянусь, он мотнул мордой, отправляя меня восвояси.

И тут же с утробным рыком бросился грудью вперед, едва не сбив с ног Элмера, который переступил невидимый рубеж следом за мной. Тот шлепнулся на зад и отполз, бодро передвигая

руками и ногами.

Я оглянулась на бегу. Мои преследователи рассредоточились вдоль края тропинки, кидали в сумеречника камни и палки, но Хрум ловко уворачивался и ходил туда-сюда вдоль границы, будто часовой на посту. Надо было бы совсем лишиться разума, чтобы сунуться нечисти в пасть, и смельчаков не нашлось.

Я ворвалась в комнатушку, заперла дверь, упала на кровать и завернулась в одеяло с головой, чтобы не слышать доносящихся издалека криков и ругательств.

— Надо уснуть, надо уснуть, надо уснуть, — повторяла я снова и снова.

А потом зажмурилась и погрузилась в медитацию. Мир отдалился. Я стала вороном. Летящим вороном. Он свободен. Он ничего не боится. У него есть крылья, его никому не поймать…

Шлеп!

Оказывается, лучшего будильника, чем ледяная капля на макушку, не существует.

Я села, озираясь.

За окном льет дождь.

Платье на мне без следов крови и грязи.

Не успела я открыть глаза, как в дверь заколотили.

— Эль, впусти меня!
На пороге стоял Роэн.

Глава 40

Когда я распахнула дверь, он едва не рухнул через порог, так как стоял, опершись о дверное полотно. Конечно, мне уже не привыкать ловить Роэна своей не самой мощной грудью, однако сейчас он жив- здоров, пусть пользуется собственными ногами. Я отскочила, Златовласка чудом удержался от падения и застыл, согнувшись в три погибели, зато став ростом с меня, что позволило ему пристально посмотреть мне в глаза.

В моем не до конца очнувшемся сознании метались самые разные эмоции, от «А-а-а, он жив, жив, снова жив! Какое облегчение!» до «Пресветлый, опять начинать сначала, я больше не могу!» и даже: «Надеюсь, он не помнит тот глупый поцелуй! Только не это!».

— Я все помню, — тихо сказал Роэн, и я почувствовала, как по моему лицу, начиная с подбородка, растекается краснота, будто в мою макушку наливают ягодный морс. — Весь вчерашний день. Будто сон, но сон очень яркий и детальный.

— Ты проходи, не стой на пороге, — сказала я и

отошла к окну, внезапно ощутив, какой маленькой и тесной сделалась комнатушка с появлением в ней высокого и широкоплечего Роэна.

Роэн встал в центре, оглядываясь. Примерился было сесть на стул, но, судя по его недоверчивому взгляду, стул не показался ему достаточно надежным. Он посмотрел на расправленную постель, на примятую подушку, взбитое одеяло, еще хранящее мое тепло, и торопливо обшарил глазами комнату, отыскивая что-то безопасное. Уставился на горку учебников и мешочек с сухарями.

— Угощайся, — великодушно предложила я.

Роэн не стал отказываться и отсыпал себе горсть, захрустел, собираясь с мыслями.

— Я проснулся в холодном поту с явственным ощущением лезвия под левой лопаткой, — признался он. — Я подумал было, что кошмар приснился…

Он сделал паузу, рассматривая меня.

— Если только заикнешься о том, что я — сноходец и специально насылаю на тебя кошмары, можешь уходить прямо сейчас! — прошипела я.

— Это была первая мысль! — согласился он. — Но потом я вспомнил, что такой разговор у нас уже происходил. Вчера. Под тренировочной сеткой. Ты действительно залезла ко мне на спину,

Миррель Лир? Или явь перепуталась со сном?

Я неопределенно пожала плечами и напустила на себя оскорбленный вид.

— Если бы ты не сшиб мишень, я бы доказала тебе, что я не сноходец и не оракул, а хронор! Не знаю как, но я создала петлю времени и мы вынуждены проживать этот проклятый день снова и снова. Думаю, он не закончится, пока я не спасу твою высокородную задницу!

— Сегодня который раз? — спросил Роэн, слегка взбледнув и отправив в рот сразу все оставшиеся в руке сухарики.

— Четвертый! И все это время я одна корячилась, пытаясь тебя спасти.

— Дела… — пробормотал Роэн и все-таки опустился на стул, печально крякнувший под его немаленьким весом. — Расскажешь подробнее? С чего все началось? Детали, догадки. Все пригодится.

— Конечно!

Признаюсь, я чувствовала огромное облегчение. Мне не придется больше тащить эту ношу одной. Пусть высочество возьмет ответственность за собственное выживание на себя, а я, так и быть, помогу, чем смогу.

— Итак, день первый. С утра так же сильно лил

дождь. Что логично. Ведь это тот самый день…

Я старалась не упустить ни одной мелочи, в конце концов, ключевым моментом может оказаться что-то, чему я не придавала значения. Крокодильшество, заслушавшись, лопал сухарики, как семечки, и я между делом выхватила мешочек из-под его хищной лапы: на завтрак мы, судя по всему, не попадаем, так что это мой перекус. Крокодильшество проводил сухарики грустным взглядом. Я вспомнила вчерашнее яблоко — обед, которым он со мной поделился, — и сжалилась, рассыпала сухари на две кучки.

Я рассказала все, без утайки. О корзине с пеплом, который в первый день очутился у высочества на голове. О мальчишке, который советовал порезать персики, и в итоге выяснилось, что кинжал, ставший орудием убийства, принадлежит Бэт.

— Что за мальчик? — нахмурился Роэн.

То есть кинжал тебя не слишком удивил?

— Я не знаю. Просто мальчик. Излагаю факты как есть.

Потом я рассказала о рыдающей Мике. О том, что через нее Бэт передала просьбу прийти без телохранителей.

— Да, я помню. Я как раз выходил из Пузырька, когда столкнулся с ней в коридоре. Она вернулась

в кабинет: что-то забыла на парте, а я пошел в библиотеку.

— Смотри, что получается. — Я потерла лоб. — В первые два дня ты не брал с собой телохранителей. После свидания, проводив Бэт в женское общежитие, возвращался домой, и тебя по дороге ранили в спину. В те дни ты знал, что я хронор, и, возможно, думал, что я смогу отмотать время назад или еще как-то помочь… Как видишь — сработало!

Я так злобно уставилась на высочество, что он едва не подавился сухариком.

— У тебя вода есть? — просипел он, откашлявшись.

— В кране.

Я указала направление поисков и некоторое время прислушивалась, как шумит вода в трубах и Роэн пьет из ладони. И даже не требует подать ему королевскую чашу.

— Я там тебе зарядил кристалл для теплой воды, — сообщил он между делом.

— О… — удивилась я. — Ну… Спасибо! Продолжаем разговор! Вчера ты поддался на мою просьбу — или лучше это назвать угрозой? И взял с собой…

— Тима, — сказал Роэн.

— Кого? — заморгала я, а он так же ошарашенно заморгал в ответ.

— Тима Вейлара.

— Тьфу! Я совсем забыла, что у этих парней есть имена. Вообще их по именам никто и не зовет. Честно, я их путаю! Они похожи как братья-близнецы!

— Это потому, что они братья, — согласился Роэн, подкатывая себе указательным пальцем сухарик из моей кучки, будто случайно, ага, типа сам укатился, но я сделала вид, что не замечаю. — Кузены.

— О! Да?

— Да. И между собой кузены, и между мной. Со мной. Тьфу. Мы все трое — двоюродные братья.

— Надо же… — пробормотала я.

Хотя вполне ожидаемый поворот, не так ли. Все великие светлые династии находятся между собой в родстве, и вчера в книге я своими глазами видела тому подтверждение.

— Так вот, вернемся к теме разговора. Вчера ты взял с собой Вейлара, но это не особо помогло. Убийца подкараулил на лестнице общежития и ударил тебя в спину, когда ты спускался.

— Ударил в спину и столкнул с лестницы. Я слышал шаги, прежде чем потерять сознание.

Мне показалось, что убийца спускается, но он, видно, поднялся выше, чтобы переждать. Когда я, собравшись с силами, выбрался на крыльцо и парни кинулись ко мне, они уверяли, что никого не видели.

— Хм… Странно…

— Что? — оживился Роэн.

— Откуда убийца узнал, где тебя искать?

— Вероятно, проследить было нетрудно. О том, что я позову Бэт на свидание, знали почти все в Люминаре.

Ах да, любезная Бэт. Наверняка растрезвонила всем о грядущем свидании с самим наследным принцем! То-то убийца обрадовался!

— Хм… — снова сказала я.

— Ты мне напоминаешь начальника охранки отца, — усмехнулся Роэн.

И как ни в чем не бывало протянул палец и погладил меня по лбу, разглаживая морщинку между бровей. Так неожиданно, так по-свойски! А потом снова как ни в чем не бывало принялся за сухарики. Нет, он точно не помнит про поцелуй. Или не помнит, или ему абсолютно плевать на меня как на девушку — прикосновения его не торкают. В отличие от меня…

— Хватит лопать сухари! — рявкнула я. —

Оставь Хруму!

— Кто такой Хрум? — заинтересовался Златовласка.

— Скоро узнаешь. Но сначала скажи мне вот что. Ты взял с собой Тима. Откуда же появился Элмер? Он бегал, звал на помощь, наводил суету. Обвинил меня в убийстве, между прочим!

— Думаю, Бэзил не выдержал и пришел по собственной инициативе. Проследить, чтобы все было хорошо. Оба побежали за подмогой.

— И бросили тебя одного, — покачала я головой, но в целом я представляла, почему перепуганные парни метались как курицы с отрубленными головами. — Ладно. Допустим.

Я продолжила рассказ. Поведала и о Хруме, сумеречной нечисти, который повел себя как настоящий друг.

— Пепельное создание защищает пепельного мага. Тут все понятно, — заявил Роэн с видом эксперта.

А я, собиравшаяся было поделиться историей о странной беседе с магом хаоса, ощутила, как мой рот будто запирают на замок. Нет, магия здесь ни при чем: я могла бы рассказать, если бы захотела, но я… не хотела. Меня саму несправедливо обвинили и не желала, чтобы такая же участь

постигла другого пепельного мага. Если убийца — он, мы и так это выясним.

— Теперь ты все знаешь. Что будем делать дальше?

Роэн поднялся и натянул на голову капюшон.

— Беги на полигон, я скоро буду. Мне еще надо проверить, нет ли путаницы с корзинками. Тебе чего больше хочется? Яблок? Слив? Груш?

— Персиков, — процедила я.

Я своим ушам не верила: жизнь высочества висит на волоске, а он продолжает свои матримониальные игры?

— Нет, персики не могу, — вздохнул крокодильшество. — Персиков только одна корзина. Для Бэт.

Он ушел, а я еще какое-то время стояла, тупо глядя на дверь и сжимая кулаки в бессильной ярости. Да только злилась я не на него — на себя. Хорошо, что Роэн не помнит дурацкий спонтанный поцелуй, ведь в ином случае это означало бы, что он придал ему значения не больше, чем дождевой капле, упавшей на губы.

«Ладно, Елка, выкини из головы! — приказала я себе. — Вчера ты целовала смертного парня за миг до гибели. Сегодня он снова наследник трона. Между вами пропасть!»

Приказ не очень-то помог. На душе скребли кошки, и когти у них были размером с когти Хрума, не меньше.

Глава 41

К тому моменту, когда Роэн удосужился появиться на тренировке, я вымокла насквозь и промерзла до костей. Без его слова меня никто и не подумал пропустить вперед, а я была слишком горда, чтобы вцепиться в предложение магистра Калестора и отбрить нытика Альба. О чем и пожалела уже через пять минут.

Высочество, Тим и Бэзил — надо же, до сих пор не верится, что у парней-то есть имена, как у всех нормальных людей, — пришли тогда, когда терпение тренера заканчивалось и он собирался влепить всем троим минус десять баллов.

— Да неужели! — воскликнул он в притворном восторге. — Кого я вижу! А я-то было подумал, что студент Асториан испугался дождя.

— Прошу прощения за опоздание, — сказал Роэн, не поддаваясь на провокацию. — Такого больше не повторится.

Обычная вежливая фраза, но после нее по лицу принца пробежала мимолетная тень. В его жизни ничего не повторится, если сама жизнь оборвется сегодня. Он непроизвольно нашел меня взглядом,

на мгновение зацепился, как за якорь. Ну что же ты на меня-то глядишь? Иди своей Бэт любуйся! И за помощью тоже обращайся к ней!

Смятение на лице Роэна внезапно сменилось знакомым властным выражением.

— Всем нормально, что единственная девушка среди нас мокнет под дождем? — отчеканил он.

Парни вытаращились на принца.

— Девушка? — фыркнул Бэзил и тут же напомнил Роэну, что не за ту он впрягся: — Пепелушка!

Роэн ничего не ответил кузену, однако достаточно было лишь взгляда — холодного и карающего, чтобы тот отвернулся, сдаваясь. При этом он зло скривил губы, но этого никто, кроме меня, не увидел.

— Сегодня проделаешь фокус со щитом? — усмехнулся высочество, когда я, презрев гордыню, вышла или, если судить по потокам воды, льющейся с меня, выплыла на стартовую линию.

— Это не фокус, — отрезала я.

Пока я бежала по шаткому мостку, ползла в грязи, взбиралась, ссаживая ладони, на стену, меня не отпускала мысль, что в этот раз «фокус» может и не удаться. Потому что… Потому что этот день, знакомый, казалось, до мельчайших деталей, не переставал подбрасывать сюрпризы. И что тогда?

Роэн снова засомневается, перестанет со мной советоваться, а потом, как обычно, приползет с кинжалом в спине и скажет: «О, Эль, я был не прав!» По крайней мере с убийством наследного принца никаких сюрпризов не ожидалось: все стабильно и с точностью до минуты, хоть часы сверяй.

— Исчезни! — приказала я мишени.

Я отправила ее в путешествие во времени — Пресветлый знает куда! — жестом «Отвали». До сих пор я даже не задумывалась, куда я перемещаю щит, а главное, кто пишет на нем слово «время». Видимо, чтобы у наблюдателей не осталось сомнений по поводу моей магии. В каком-то смысле это даже жульничество, нет? Но сейчас мне это только на руку.

Я не уходила с финиша до тех пор, пока мишень не вернулась. На щите, мокром от дождя, уже размывались буквы, сделанные впопыхах черной краской. Кто бы это ни писал, он торопился, зная, что у него всего несколько секунд.

Проходя мимо Роэна, я даже не подняла головы. Он сам все видел. Теперь пусть сам делает шаги навстречу, просит о помощи, находит нужные слова. С меня хватит.

Так же молча забрала из рук тренера записку

для ректора и ушла.

Пепельного мага снова не оказалось на его привычном месте — уже второй раз подряд — и я начала сомневаться, что первые два дня на самом деле видела его. Или?.. Нет, это невозможно. Тренер Калестор каждое утро читает нравоучения, повторяя их слово в слово. Альб ноет. Служба доставки привозит корзины с фруктами и цветами. Мика рыдает на крыльце столовой. Значит, и маг хаоса должен стоять вот там, у кустов, поднимать руку, приветствуя меня. Если он не явился, значит ли это, что он тоже может влиять на события?

Бр-р, голова кругом. Подумаю об этом позже!

…Нежный аромат роз перемешивался с запахом мокрой одежды, развешанной над сушильными артефактами. Девчонки щебетали, перебирая фрукты. Каждая заглядывала в свою корзинку как в мешочек от снежной бабули, доброй волшебницы, стерегущей гору Крылатку. Весь год она проводит на заснеженной вершине, изготавливая подарки для детворы, и только зимой, когда снег покрывает землю, может спуститься, чтобы разнести всем послушным ребятам, да и непослушным, куда же их девать, сшитые из льна мешочки.

Роэн на вид не слишком напоминал снежную

бабулю, разве что длиной волос, но порадовать однокурсниц сумел. Всех, кроме меня. Мне эти восторженные писки уже оскомину набили, тем более что я, даже не глядя по сторонам, могла предугадать, кто что скажет.

— Вы видели, какие лепестки у моей розы? Бежевые, а на самых кончиках — алые! — Это Оливия.

— М-м-м, какой аромат у яблока, будто летом в нашем саду. — Я мысленно произнесла эти слова на полсекунды раньше, чем Иветта.

— Поглядите только на букет Бэтти! Пять роз! Пять роз от Роэна! — Это уже целый хор голосов: и восхищенных, и завистливых, и удивленных. — Где же он сам? Он точно пригласит сегодня Бэтти на свидание. Да-да! Да! Да!

Каждое «да» врезалось мне в самое темечко, било будто молотом по наковальне.

Если я сейчас обернусь, я увижу Роэна, прислонившегося к дверному косяку и с улыбкой наблюдающего за девчонками.

«Высочество, ты невероятно глуп, — с грустью признала я. — Вместо того, чтобы включить мозги и искать убийцу, ты включаешь другую часть тела!»

Потому я и не оглядывалась, дабы не видеть его

самодовольную тупенькую мосю, расплывшуюся от упоения собственной значимостью и всеобщего обожания.

— Не заглянешь в корзину? — спросил над ухом насмешливый голос.

Звучал он трезво, а не как у человека, растратившего последний разум. Хм…

Я скосила глаза: точно ли там крокодильшество стоит. Стоит. Одну бровь хитро изогнул в сторону корзины — это еще так умудриться надо. Я закатила глаза и сняла салфетку.

Роза. Пара яблок. Румяная груша. Пузатенькие сливы. И в самом низу — три крепких персика с нежным пушком на розовых боках.

— А… — только и сумела пискнуть я, но Роэн уже прошел мимо, у моего стола он задержался всего на мгновение, так что никто ничего не успел понять.

Никто не обращал внимания на мое ошарашенное лицо. Правда, я быстро взяла себя в руки, ведь Златовласка прямой наводкой приближался к зардевшейся от предвкушения Бэт.

«Здорово, Елка! — мрачно сказала я себе. — Тебе выплатили премию за спасение жизни персиками! Щедрость на высоте!»

— Бэт, — сказал Роэн. — Позволишь пригласить

тебя сегодня на вечернюю прогулку?

— Конечно, с радостью прогуляюсь!

Ресницы Бэт трепетали, как крылья бабочки, на лице расцвела милая улыбка. Роэн улыбнулся в ответ, но вот глаза не улыбались.

— Разделим с тобой вот этот персик? Он выглядит очень сочным.

— О! Да! Конечно.

Бэт зарделась, будто Роэн намекал на что-то неприличное и слегка дрожащими руками извлекла из сумки знакомый кинжальчик, но не успела взрезать румяный бок фрукта, как Роэн осторожно вынул из ее пальцев будущее орудие убийства.

— Какая прелесть. Тонкая работа! Рукоять из золота?

— Ага. Подарок папы, он любит холодное оружие. Он мечтал о сыне, но… — Бэт кокетливо пожала плечами.

— Очень красиво. — Роэн растянул губы в широкой дипломатической улыбке, возвращая Бэт кинжал.

Однокурсницы восхищенно ахали, я же видела, как прищурился Роэн, глядя сверху вниз на лицо Бэт, словно хотел проникнуть в ее хорошенькую головку и прочитать мысли.

Потом он быстро взглянул на меня, и уголок губ подпрыгнул в едва заметной хитрой ухмылочке. Беру свои слова назад, кажется, Златовласка не так глуп и придумал какой-то план.

Глава 42

Кто же знал, что меня в план не включат! Не ожидала такого поворота. За три дня я так привыкла тащить груз ответственности на своих плечах, что когда Роэн сказал мне: «Спасибо, дальше я все решу сам», я опешила и… обиделась. Кстати, он толком меня и не поблагодарил.

Поговорить нам удалось по дороге из центрального корпуса к Пузырьку. На этот раз я не сбежала с практикума по элементалистике — можно сказать, принесла в жертву свою нервную систему и возможность сварить новое сложное зелье под руководством магистра Перенеи. А этот напыщенный сноб даже не оценил моих стараний. И страданий.

Магистр Кэлл так и не появилась, поэтому мне в течение полутора часов пришлось терпеть мучения в обществе слегка свихнувшихся на радостях девчонок. Аудитория превратилась то ли в светский салон, то ли в бальную комнату. Однокурсницы разбились на группки, обмахивались розами как веерами — я не сильна в галантном языке, или, как его еще называли, языке вееров,

но они-то, аристократки, явно в нем разбирались и теперь посылали сигналы парням, который распушили перья и смотрели соколами. Девчонки хихикали, шептались, стреляли глазками. Парни ходили кругами, неестественно выпятив грудь.

Я сидела на задней парте, подперев щеку ладонью, и только невероятным усилием воли не шлепала себя ежесекундно по лбу. Однокурсницы кидали на меня быстрые взгляды и тут же брезгливо отворачивались. Я будто видела себя их глазами. Черные волосы кое-как высохли и теперь стоят дыбом, серая одежда сплошь в пауках да воронах, губы неодобрительно стиснуты. Никаких тупых улыбочек, да простит меня магистр Перенея.

Время от времени я смотрела на Роэна. Что он придумал? Когда он посвятит меня в свои планы?

Роэн немного поболтал с Бэт, потом уединился в противоположном углу с Тимом и Бэзилом, что-то им втолковывая. Слов я расслышать не могла, а по губам читать не умела, но заметила, как лица парней затвердели, они обменялись суровыми взглядами. Элмер похлопал Роэна по плечу и кивнул.

Да что там творится?

Крокодильшество вытащил из сумки перо, то самое, пока еще совсем целое, примостил на столе слегка помятый лист бумаги и принялся торопливо писать. Внизу поставил оттиск печатки, которую всегда носил на мизинце правой руки. Он свернул письмо, вручил его Тиму, и тот ушел вместе с посланием.

Роэн проводил его взглядом к выходу и увидел меня. Я выразительно вытаращилась на высочество: «Расскажешь, что происходит?» «Позже», — беззвучно шевельнулись его губы.

«Позже» наступило по пути от одного корпуса до другого. Одногруппники растянулись по аллеям, они не торопились поскорее прийти на занятие. Дождь едва накрапывал, парни, будущие боевики, нашли еще одну возможность покрасоваться перед девчонками: мерились силой, пытаясь уронить друг друга на мокрую листву. Девчонки визжали от восторга, изображая ужас.

Роэн нагнал меня на аллее и утащил на боковую дорожку — узкую и безлюдную.

— Тебе больше не надо беспокоиться, Эль, — заявил он, поправляя на плече сумку. — Дальше я сам.

— Сам? — растерянно повторила я.

Если подумать, я должна была радоваться осво-

бождению от хлопот. Почему же тогда коготок Хрума снова поскреб сердце?

— Может, хотя бы объяснишь, что задумал?

— Конечно. — Роэн не стал напускать на себя загадочный вид. — Стратегия простая. Теперь, когда я знаю, что на меня готовится покушение, главное — выманить убийцу. Я подумал, что нельзя менять события дня, чтобы все сработало в точности, поэтому, хотя настроение и не располагает к вечерним прогулкам с симпатичными девушками, но…

— Ты пригласил Бэт, чтобы ничего не нарушить в ходе дня? — догадалась я, и мое настроение, наоборот, поднялось на пару делений — но только на пару, ведь меня из плана, похоже, исключили. — Поэтому и кинжал ей вернул, да? Ведь тебя именно этим кинжалом… того… самого…

— На этот раз я намерен избежать взаимодействия моей спины и лезвия, — улыбнулся он. — И еще. Я хотел, чтобы все увидели этот кинжал, обратил внимание на рукоять, чтобы в случае чего свидетели показали, что кинжал никогда тебе не принадлежал.

Он пытался меня защитить от обвинений? Ого…

— Ты ведь все равно намерен сегодня выжить,

так что! — Я беспечно развела руками. — Свидетели не пригодятся! Ты ведь не думаешь, что это Бэт?

— Нет. — Роэн качнул головой. — Не думаю. Я передал с Тимом письмо. Он должен сейчас через ректора отправить его в охранку. Там разберутся, какого агента прислать, чтобы он не спугнул убийцу, но был наготове. С их артефактами невидимости убийца поймет, что влип, лишь когда его обезвредят заклятием. Кстати, отличная идея с отведиглазом! Я на артефакторике изготовлю парочку для парней, пусть будут рядом во время свидания. Ну как план?

И крокодильшество гордо посмотрел на меня. Я не могла понять почему, но мне план не нравился, хотя Роэн как будто все предусмотрел.

— Я и себе сделаю амулет, пойду с вами, — сказала я.

— На мое свидание? — Роэн воззрился на меня с веселым изумлением. — Это лишнее!

Да, сама понимаю, что переборщила. Представляю эту картину: ничего не подозревающая Бэт, а за ее спиной троица соглядатаев: Элмер, Вейлар и я как самая сильная и опасная — гроза убийц. Ах да, совсем забыла, и агент охранки. Или парочка агентов — на месте венценосного папани я бы

подстраховалась. Отличная компания!

— Хотя бы скажи, где у вас свидание, — попросила я. — Обещаю не приходить. Просто мне так спокойнее.

— Нет, Эль, не стоит.

Голос Роэна звучал мягко, однако одна-единственная металлическая нотка словно прочертила невидимую границу между нами. «Ценю твою помощь, — будто бы говорил он. — Но на этом все».

Он соизволил улыбнуться напоследок и коснулся моего плеча. Легкий жест благодарности: «Ты сделала достаточно. Дальше без тебя».

Роэн размашистой походкой двинулся вперед и вскоре скрылся в конце аллеи. Мы увидимся с ним через пять минут на практикуме по зельеварению, почему же такое чувство, будто он уходит навсегда? Может быть, оттого, что разорвалась ниточка, только-только связавшая нас. Почему так грустно, ведь я должна прыгать до потолка от счастья, что избавилась от обузы?

— Ну и дурак ты, крокодильшество, — пробормотала я. — Ты мне тоже не нужен. Высокомерный, самодовольный, всего богатства — смазливая физиономия.

Глава 43

«Свобода! — напоминала я себе, пока крошила стебли аптечной ромашки и измеряла на весах лепестки календулы. — Хочу — гуляю, хочу — сплю! В библиотеку даже не сунусь. Я столько книг прочитала, что реферат одной левой напишу. Завтра. Когда все закончится. Ведь закончится, правда?»

Я кинула взгляд на беспечного Златовласку, который как ни в чем не бывало кашеварил у котелка и, конечно, снова погубил зелье. Что бы Роэн ни варил, любое зелье, будь то настойка для полоскания горла или средство для промывания носа, приобретало цвет осенней лужи, однако высочество с таким энтузиазмом продолжал закидывать в котелок ингредиенты и так активно вращал лопаточкой, будто был на верном пути. Печальное зрелище. Я только головой покачала.

— Студент Асториан, спасите нас от этого дивного аромата, — не выдержала магистр Перенея. — Мне нравится ваше рвение, но вот результат, увы, нет.

Пока я пялилась на высочество, я и свою настойку упустила! Впервые по собственной вине.

Вылила помутневшую жидкость и начала заново. Хватит. Пора с этим заканчивать. Не с зельем, а с Роэном. Сколько можно носиться с ним как с писаной торбой. Скорее бы закончился этот день и жизнь пошла дальше своим чередом. Я успела соскучиться по магистру Кроу — он где-то в Куароне, занят делами и знать не знает, в какую передрягу угодила ученица.

На артефакторике я некоторое время честно пыталась изучать разложенные на столе тряпочки и камешки и сама не поняла, в какой момент мои пальцы вернулись к знакомому занятию. Очнулась, когда отведиглаз был почти готов. И такой ладненький вышел — заглядение! Я осторожно зарядила его магией, вливая по капле. Моя магия билась в груди словно вырвавшийся из-под земли родник, я пока совсем не умела управлять этой дикой стихией. Кварц все равно растрескался, но меньше, чем вчера.

— Отведиглаз? — ехидно поинтересовался мистер Викс, материализуясь в воздухе, точно неупокоенный дух. — Еще один. Мне любопытно, вы со студентом Асторианом собираетесь устраивать друг за другом слежку? Или объедините усилия?

Крокодильшество держал за шнурок такой же

амулет. Кривенький, косенький, камень едва держался в оплетке, но, несмотря на грубую работу, внутри кварца светилась голубая искра: Роэну удалось его зарядить. Он выразительно задрал бровь: «Эль, я недостаточно ясно выразился? Твоя помощь не нужна!»

Я оскорбленно фыркнула:

— Не понимаю, зачем он за мной повторяет!

Теперь уже все однокурсники повернулись ко мне посмотреть на наглую Пепелушку, а Роэн демонстративно протянул отведиглаз Тиму Вейлару, который успел вернуться от ректора, вот, мол, кому я доверяю, не тебе.

После занятий и мне пришлось тащиться к ректору Янгвину. Сегодня никаких булочек и морковного салата, все слопают без меня.

— Добрый день, — сообщила я с порога. — Если не ошибаюсь, я — хронор. Вы вместе с моим наставником, магистром Кроу, разработаете учебный план и решите, чем мой дар может быть полезен Соларину.

Ничего не забыла?

— Я пойду?

Все это я оттарабанила сразу, как открыла дверь. Ректор работал с документами и от неожиданности посадил кляксу, приглушенно ругнулся

на лумарийском, а потом шлепнул ладонью по столу.

— Вы не хотите сначала пройти в кабинет, студентка Лир? — ледяным тоном осведомился он.

— Нет, не очень, но куда деваться, — вздохнула я, протиснулась бочком, прикрыла за собой дверь, примостилась на краешке стула.

Как все знакомо здесь, будто и не уходила. Если закрою глаза, смогу перечислить названия книг, стоящих на полках. Помню я и то, что рядом с потрепанными корешками «Хроник» пятидесятилетней давности расположились морские раковины, а ниже — заключенные в стеклянные флаконы заспиртованные жуки и гусеницы.

— Любите естественные науки? — Магистр Янгвин заметил мой взгляд. — Судя по вашим вышивкам. Пауки? Хм… Вороны?

Я отнюдь не любила заспиртованных жуков, всего лишь проверяла память, но сознаться в этом постыдилась.

— Д-да… Скорее мой брат любит. — Тут я не кривила душой. — Обожает всяческую живность и, будь его воля, завел бы дома и кошку, и собаку, и грызунов. Впрочем… эти сами завелись.

Ректор слегка сдвинул брови, хотя я вовсе не жаловалась, просто делилась фактами.

— Ясно. Кто знает, может быть, однажды академия Люминар примет в своих стенах и вашего брата. — Холодный тон исчез, взгляд неожиданно смягчился — неужели суровый начальник академии решил меня подбодрить? — Думаю, с ним мы найдем общий язык. Я тоже с детства любил все, что дышит, растет, ползает и плавает.

Как удачно, что сегодня я не разнесла аудиторию и магистру Янгвину не за что меня упрекнуть. Между нами будто даже установилась взаимная симпатия. Признаю, при всей моей неприязни к светлорожденным преподаватели в целом мне нравились. Принципиальный и строгий магистр Зендел, любящий глупо пошутить и простой как валенок, но в целом нормальный магистр Калестор, а больше всех — добрая магистр Перенея.

В другой раз я ни за что не решилась бы спросить, но пауки — вот так неожиданность — нас сблизили.

— Студент Асториан, узнав, что я все равно иду к вам, попросил узнать: его записка уже ушла в королевскую службу безопасности? — Я задала вопрос самым невинным тоном, мол, всего лишь рада выполнить поручение его прекрасного высочества.

Ректор помолчал, очевидно, прокручивая в

памяти информацию.

— В королевскую службу безопасности? — ответил он вопросом на вопрос.

У меня по сердцу пробежал холодок, но я все еще думала, что произошла путаница.

— Студент Вейлар должен был передать вам послание, — неуверенно произнесла я.

Ректор качнул головой.

— Он не приходил.

— Нет?.. — прошептала я, не веря собственным ушам.

Верно, тут какая-то ошибка. Тим мог отправить записку Роэна другим путем, более быстрым, по своим каналам. Конечно, так и случилось, а я волнуюсь зря.

— Я пойду?

— Конечно. — Магистр Янгвин посмотрел несколько удивленно.

«Меня это не касается!» — твердила я, шагая к столовой и щурясь на теплый солнечный свет, который сменил наскучивший моросящий дождь: «Это больше не мои проблемы!»

На веранде, прижавшись щекой к деревянной опоре, удерживающей навес, рыдала Мика. Я привычно замедлила шаг, ступая едва ли не на цыпочках, чтобы незаметно прошмыгнуть в сто-

ловую. Я Мике и сочувствовала, и злилась на нее за то, что она такая трусиха — боится пепельных магов, а я бы, может, толковый совет дала. И, главное, до сих пор было непонятно, откуда взялся водопад слез на пустом месте. Роэн говорил, что в последний раз, когда он ее видел, Мика была в хорошем расположении духа.

— Еле разобрал, что она пищит, — признался высочество, когда мы по крупицам собирали всю известную информацию. — Оказалось, ее Бэт ко мне отправила.

— Перепугал девчонку, так и скажи.

— Клянусь, нет! — Роэн даже прижал ладонь к груди, изображая, как он честен. — Я ей сказал, цитирую: «Хорошо, Мика. Спасибо». Она вернулась в класс: что-то забыла на парте, а я ушел.

Я приоткрыла дверь столовой, и на меня пахнуло ароматами вкусной еды, тепло натопленного помещения так и манило поскорее оказаться внутри.

Я скрипнула зубами и на миг прикрыла глаза, вспоминая книгу про Косматика. «Улыбайся так, будто встретил своего лучшего друга или мамочку!» — объясняла котенку его мама.

Я вздохнула, выдохнула и улыбнулась своей самой теплой, самой искренней улыбкой, пред-

назначенной лишь самым близким людям.

— Мика? — позвала я.

Мика открыла рот, чтобы крикнуть: «Уйди», но лишь жалобно всхлипнула.

— Мне страшно, Миррель, — сказала она.

Глава 44

Я сделала навстречу Мике несколько маленьких шажков, боясь спугнуть напором. И она на самом деле замерла, глядя настороженно, будто вот-вот сорвется с места и убежит.

— Тебе досталась очень красивая роза.

Я решила заговорить о приятном, отвлечь Мику, но вышло наоборот, она насупилась. Вот я балбесина, розу-то она потеряла!

— Я свою тоже забыла, — развела я руками.

На этот раз я даже донесла корзинку до Пузырька, но после разговора с Роэном, в котором он прямо дал понять, что не нуждается в моей помощи, я решила, что мне его подачки ни к чему. Потихоньку поставила корзину на стол магистру Перенее, а розу воткнула в колбу, использовав ее вместо вазы. Надеюсь, подарок порадует хотя бы преподавательницу.

— Не переживай, если хочешь, я помогу тебе отыскать розу, — великодушно предложила я.

Скулы уже слегка сводило от милой улыбки: мышцы лица не привыкли к столь явному и долгому проявлению дружелюбия. Зато я подо-

бралась ближе и прислонилась к опоре с другой стороны, теперь мы можем шептаться как две подружки.

— Чего ты боишься, Мика? Можешь со мной поделиться, я никому не скажу.

Она опустила взгляд и принялась выковыривать кончиком указательного пальца щепочку из перил веранды. Ей хотелось открыться, бывает так, что тайна жжет изнутри, будто огонь, и потушить его может лишь откровенный разговор. Наверное, я была не самым подходящим слушателем — магом хаоса, изгоем, язвой и колючкой, но сейчас я была единственным человеком, готовым помочь.

До сих пор я думала, что Мика страдает из-за неразделенной любви к высочеству. Потому и с подружками не стала поделиться грустью — Бэт не оценит ее переживаний, а Оливия и Пенни будут на стороне милашки Бэт. Она боится признаться в своей симпатии, ведь тогда Бэт выставит ее из подружек-подпевал.

Сейчас я ее отрезвлю!

— Ты видела, какой смешной амулет состряпал Роэн, обхохочешься. — Сразу обратим внимание на недостатки, верный способ. — А зелья как варит!..

Я осеклась, натолкнувшись на печальный и испуганный взгляд.

— Миррель, я услышала кое-что, а теперь не знаю, что думать. То есть я почти уверена, что мне померещилось, потому что иначе… Это было бы слишком чудовищно.

Мика запиналась, едва справляясь с паникой. Но паника — это практически второе имя нашей плаксы. Навскидку: она могла подслушать, что магистр Перенея собирается поставить ей неуд за зачет. Чудовищно? По меркам Мики — вполне.

— Все хорошо, — сказала я и тихо-онечко дотронулась до ее предплечья.

— Ладно. А ты тогда сама решишь, что с этим делать. Ты смелая, Миррель, и умная.

Надо же, какой неожиданный комплимент от человека, который, едва завидев пепельного мага, кричал: «Мы все умрем!» Не такими словами, но смысл такой.

— Я справлюсь, — кивнула я. — Давай. Говори.

— Бэт отправила меня обратно в Пузырек разыскать Роэна. Я должна была передать ему, чтобы он приходил на свидание без телохранителей, один. Он собирался уходить, я застала его почти на пороге, но просьбу Бэтти успела передать.

Я подбадривающе кивала. Пока все совпадало

до мелочей.

— Потом я вспомнила, что оставила на столе пенал. Я всегда его забываю, стоит достать из сумки. Мне мама подарила перо из крыла лебедя, с золотым наконечником, жалко потерять.

— Ну еще бы. Знаешь, я и сама постоянно забываю пенал.

Мы обменялись понимающими взглядами.

— Клянусь, я не хотела подслушивать, просто шла мимо приоткрытой двери пустого кабинета. Внутри разговаривали двое. Двое парней.

— Кто именно?

Мика вздохнула.

— Я не видела. Но кажется… Кажется, это были Элмер и Вейлар. Они ведь всегда рядом с Роэном, но тут задержались.

Я не ожидала такого поворота разговора, по сердцу пробежал холодок. Невольно вспомнилось, что вечером первого дня я случайно встретила на аллее Элмера и Мику. Что он ей говорил? «Просто забудь. Тебе почудилось». Мика опиралась на его руку и выглядела бледной.

Я еле удержалась от того, чтобы хорошенько встряхнуть Мику и крикнуть: «Да что ты мямлишь! Говори прямо!» Вместо этого я сказала:

— Все хорошо. Не бойся.

— Кто-то, кажется, Элмер, сказал: «Сегодня лучший шанс, чтобы провернуть задуманное. Жаль, что с корзиной золы не вышло, они бы точно поцапались, как обычно, и все бы показали на Пепелушку».

Я стиснула зубы до боли, но ничем не выдала замешательства.

— Вейлар ответил что-то вроде «рукоять все видели». Я плохо расслышала, у него голос тихий. Элмер сказал: «Да, проклятье. Трудно будет свалить на нее, но придумаем что-нибудь, когда сделаем дело».

Для меня свидетельство Мики действительно звучало страшно, но я знала гораздо больше, чем она, и читала между строк. Что же так напугало Мику?

— Вейлар всегда серьезный и спокойный, но тут рассмеялся, а потом сказал: «От нас Роэн точно не ждет удара в спину». И я, кажется, вскрикнула… А потом убежала. Уронила розу. Я слышала, что дверь распахнулась и Элмер кричал вслед: «Стой, Мика, ты все не так поняла». Как он догадался, что это я?

— По розе, — вздохнула я. — Каждая неповторима. Роэн расстарался. Идиот.

Последнее слово я, правда, добавила только

мысленно.

— Я ведь все напутала? — с надеждой спросила Мика. — Братья тоже иногда ссорятся. Так можно про что угодно сказать — «удар в спину». Про то, что Вейлар уведет Бэтти, например, да?

После признания Мики мои внутренности будто смерзлись в ком, а легкие сделались величиной с грецкий орех и никак не могли набрать побольше воздуха, но я держала лицо.

— Ерунда это все! — бодро сказала я. — Какие-то мальчишеские разборки. Никому больше не рассказывай, а если Элмер тебя найдет, скажи, что ничего не расслышала толком.

Я вспомнила, как Элмер властно накрыл губы Мики пальцами, запрещая говорить со мной, как увлек за собой, практически принуждая. Кто знает, куда он ее тащил. Может, и тело Мики… Нет! Я тряхнула головой, избавляясь от наваждения. Ничего он ей не сделал и не сделает.

— Слушай, а ты не знаешь, где у Роэна и Бэт будет проходить свидание? — беспечно спросила я. — Просто любопытно — жуть. Где тут в Люминаре можно устроить романтическую встречу?

Я хихикнула, изображая обычную девчонку, которая любит всю эту шелуху: прогулки при луне, цветочки.

— Не в аудитории ведь они устроятся на верхнем ряду? Хотя там как раз отличное местечко для поцелуев.

Мика оттаяла, успокоилась, поверила мне. Лукаво улыбнулась.

— Оттуда открывается отличный вид на Люминар…

Мика, я тебя сейчас придушу с твоими загадками!

— В часовой башне! На площадке на самом верху. Там и столик поставят… Ты куда?

— Возникли срочные дела! — крикнула я на бегу, даже не обернувшись.

Найти Роэна и сообщить ему, что он балбес! Он все это время доверял не тем людям. Да и я хороша. Попросила Элмера прикрыть ему тыл! Уговаривала Роэна захватить с собой на свидание телохранителей!

Они и сегодня будут с ним! Только они — и никаких агентов охранки. Да Роэн буквально на блюдечке поднес им свою беззащитную спину, осталось только кинжальчик воткнуть.

Глава 45

К счастью, я точно знала, где сейчас искать Роэна: в библиотеке. Туда я и направилась, на ходу сопоставляя факты. Теперь многое становилось понятно, хотя оставались и пробелы.

Кузены Роэна, оба претенденты на престол в случае гибели наследника, готовили покушение на его жизнь. То ли по собственной инициативе, то ли с подачи старших родственников. Во дворце Роэн всегда оставался на виду, под охраной, здесь же, в Люминаре, его телохранители и защитники стали его убийцами.

Свалить покушение должны были на единственного мага хаоса — на меня. Они надеялись, что я вспылю из-за угольков в корзине, что и случилось. В первый день я страшно разозлилась, накричала на Роэна, высыпала пепел ему на голову, а потом и вовсе устроила дебош. Все видели, как страшен в гневе маг хаоса, как плохо он контролирует эмоции. Я подставилась на все сто.

Однако братья не могли знать, что раненый Роэн в последние минуты жизни пойдет ко мне. Или могли? Например, Элмер в какой-то момент

дня завел будто бы случайный разговор о моем даре, намекнул, что хроноры умеют поворачивать время вспять, а у Роэна эти слова всплыли в памяти в минуту отчаяния.

Дело оставалось за малым: переждать и прийти за мной в общежитие, найти Роэна в луже крови, обнаружить пятна крови на моем платье, и никто бы уже не поверил, что я непричастна к убийству. Конечно, гады не подозревали, что я *на самом деле* смогу отмотать время назад.

Как же происходило покушение? Я почти не сомневалась, что братья давно обзавелись амулетами невидимости. Как там Роэн говорил? Обернулся — никого нет. В первый день он пошел на свидание без телохранителей, но им-то ничто не помешало последовать за ним. Вытащить нож из сумки Бэт. Она бы не призналась, что орудие убийства принадлежит ей, зачем ей лишние проблемы. Главное, что кинжал был явно женский и вполне мог принадлежать Пепелушке.

Я, конечно, отпиралась бы и говорила, что моя семья слишком бедна и продала бы кинжал с рукоятью из золота, но в моем саквояже лежит дорогущий амулет — уменьшалка. Его-то мы не продали. Значит, и кинжал сохранили как реликвию, память о роде Неил, и ничего не докажешь.

На второй день я попросила Элмера не спускать с Роэна глаз. Его, должно быть, сильно развеселила моя просьба.

Кто же всаживал лезвие ему в спину? Тим? Бэзил? Да какая разница. Они действовали сообща. Неудивительно, что на третий день оба оказались у общежития. Пока Вейлар якобы караулил внизу, Элмер поднялся следом за Роэном, дождался, пока тот будет спускаться, ударил в спину, толкнул так, что тот ненадолго потерял сознание, спустился и ждал вместе с кузеном, когда появится раненый, но еще живой принц.

Они не стали бы звать целителей, у них была совсем другая цель — привести как можно больше свидетелей и обвинить меня в убийстве. Если бы не Хрум, меня бы поймали сразу…

Все это я должна рассказать Роэну, и поскорее!

Стол в библиотеке, на котором обычно громоздились книги для реферата, пустовал. Прежде я каждый раз я заставала здесь Роэна. Он то задумчиво покусывал перо, то читал книгу, придерживая следующую страницу за краешек, то делал пометки на листе своим аккуратным почерком. Я готова была увидеть любую из этих картин, но никак не чистую столешницу.

— Где студент Асториан? Немедленно гово-

рите! — напустилась я на библиотекаря, он аж опешил.

— Я не знаю, он не приходил сегодня. И сбавьте тон, девушка, что вы себе позволяете!

— Простите…

Я потерла лоб. Куда теперь? Где искать принца? Территория Люминара огромна, я могу весь остаток дня бегать по кругу, а время утекает сквозь пальцы.

Ректор! Вот с кем я должна поговорить! Сделать то, чего не сделал Тим Вейлар, передать через начальника академии весточку в охранку.

Молодой секретарь в приемной магистра Янгвина некоторое время молча наблюдал, как я ломлюсь в закрытую дверь кабинета ректора, потом флегматично сообщил:

— Магистр уехал в Куарон.

— Когда? — ахнула я.

— Да только что. — Парень зевнул. — Ты ведь сегодня уже приходила. Хвостов набрала? Заявки для отработок можешь и у меня написать, садись, продиктую.

— Я… позже зайду…

Что теперь? Постепенно подступала паника, а она не лучший советчик. Надо бы отдышаться, перевести дух, и идеи, как действовать дальше,

обязательно появятся. В конце концов, Роэн не иголка в стоге сена, кто-то его да видел.

Но сначала надо дождаться Рейвена, чтобы выгнать его из академии. Сколько же хлопот!

Существовал еще один способ решения всех проблем: закрыться в комнате и ждать, пока день закончится и утром начнется заново. Пусть крокодильшество на собственном горьком опыте убедится, что без меня ему не справиться. Обратится за помощью как миленький. А я ему: «Еще раз умрешь — больше не приходи!»

Желудок тоскливо урчал, требуя пищи. Но в столовую бесполезно соваться, со столов убрали, остатки супа вылили в чан для помоев. А вот в комнате оставалась горсть сухариков — прости, Хрум. Я сегодня весь день на сухарях держусь. Зря я, наверное, избавилась от корзины с фруктами.

Я как раз успевала сбегать за перекусом и вернуться к месту встречи с мальчишкой.

По первому этажу полуразрушенной общаги гулял ветер, гудел, звенел остатками стекол в рамах. Я привыкла к этой симфонии звуков и уже не обращала на нее внимания.

Потому я и пропустила мимо ушей хруст осколков под тяжелой поступью. До сих пор моей жизни ничего не угрожало, но в прошлые повто-

рения дня я не подбиралась так близко к разгадке тайны.

Я скорее удивилась, чем испугалась, когда мое лицо накрыла вонючая тряпка и чья-то рука крепко прижала ее к моему носу и рту, заставляя вдыхать дурманящий аромат.

Я забилась, пытаясь вырваться. Пиналась и брыкалась, но нападавший казался слишком силен. Он приподнял меня, отрывая от земли, и держал на весу до тех пор, пока мозг не затуманился.

Будто из дальнего далека до меня донесся мужской голос:

— Свяжем ее и пока оставим здесь. В общагу пепельников никто не сунется. По крайней мере до тех пор, пока не займутся поисками тела Ро.

— Ро. Зовешь его как в детстве, — усмехнулся его собеседник. — Ты ведь не дашь задний ход?..

Больше я ничего не успела услышать, провалилась в беспамятство.

Глава 46

Не знаю, сколько я провалялась без сознания. Время от времени я пыталась прогнать сонное оцепенение и приподнять ставшие свинцовыми веки. Свет за окном постепенно угасал. Пока еще в сумерках можно было хоть что-то различить, я поднесла запястья к лицу: они были крепко перехвачены тонкой веревкой с вплетенным в нее заклинанием — не распутать, не перегрызть. Да и чувствовала я себя слабой, как мышонок. Все время снова проваливалась в пустоту.

«Ничего, — думала я. — Главное — жива. Они не знают о моем даре. Завтра наступит новый день. Завтра подготовимся лучше. Прости, Роэн, придется еще разок походить с кинжалом в спине…»

Зря я надеялась, что день отмотается назад прямо сейчас. Видимо, я должна прожить его до конца. До полуночи? Или даже дольше.

Как эти выродки узнали, что я хочу предупредить Роэна о готовящемся покушении? Увидели мой разговор с Микой и как я потом побежала к ректору? Да так ли уж это важно. От идеи подставить меня они не отказались: я удобный

подозреваемый. Роэна просто положат со мной рядом. Мало ли почему я потеряла сознание. Натворила дел и сама перепугалась.

— Гадство, гадство… — прошептала я вслух, прежде чем снова отрубиться.

В следующий раз, когда я приоткрыла глаза, в холле стояла тьма. Тело от долгого лежания на полу одеревенело и заледенело, я уже не чувствовала ни рук, ни ног.

В коридоре послышались шаги, и я с трудом приподнялась на локте. Роэн? Уже? Однако на его поступь не похоже. Шаги легкие, почти невесомые. Причем не одна пара… Ужас перехватил горло. Сумеречники? Наверняка на темной половине водится не один только Хрум, а с остальной нечистью я близко не знакома. Слопают и не поморщатся. Какая бесславная и глупая гибель!

В дверном проеме показалась невысокая фигурка. Я непонимающе заморгала. Даже для девушки неожиданный гость слишком маленького роста.

— Ого! — воскликнул мальчишеский голос.

Очень знакомый мальчишеский голос. Рейвен! Что он делает здесь? Один вечером на опасной территории. Видно, некому было прогнать хулигана, вот и разгуливает по темной половине Люминара как у себя дома. Все заброшки излазил.

Но как удачно, что он заглянул в общежитие!

Рейвен меж тем подбежал, опустился рядом на колени и принялся дергать веревку на запястьях.

— Не получится… — прошептала я. — Сходи за помощью.

Через порог скользнула еще одна тень. Гибкая вытянутая тень на четырех лапах. Сумеречник мягко ступал, пригнув лобастую голову к полу. Еще немного — и припадет на передние лапы, готовясь к прыжку.

— Нет! Хрум, нет! — крикнула я. — Нельзя его есть. Хороший мальчик!

— Да он меня не обидит. — Рейвен коротко оглянулся на сумеречника и улыбнулся ему. — Это он меня сюда привел!

Рей ни на секунду не переставал тискать в пальцах плотный узел.

— Рейвен, не выйдет, — снова напомнила я. — На веревке заклинание, ее так просто не развязать.

Мальчишка пренебрежительно фыркнул, мол, что за глупости ты говоришь. На кончиках его пальцев вспыхнули синие искры, и узел тут же ослаб.

— Ты… — прошептала я, не веря глазам. — Кто

учил тебя магии?

— Сама проснулась, — отмахнулся Рэй, он перебрался к моим лодыжкам и развязывал теперь веревку на ногах.

Через какие-то полминуты я была полностью свободна. Села и принялась растирать лодыжки и голени, чтобы вернуть им чувствительность. Иначе я и шага не сделаю. Руки тоже плохо слушались, но вот пальцы будто закололи десятки иголок, значит, кровоток восстанавливался.

Хрум тихонько подошел ближе. Выдохнул в склоненную макушку Рейвена, а потом лизнул шершавым языком мои запястья. Одно, другое, примерился к лодыжкам и их тоже обмусолил.

— Эй, перестань! — Я попыталась оттолкнуть наглую морду, но не так-то это было легко: широкая мося сумеречника была в полтора раза больше моей головы.

Что я творю? Хруму ничего не стоит перекусить мою руку одним движением челюстей — вон клыки-то длиной с мою ладонь. Но Хрум лишь урчал и упрямо облизывал оставленные веревкой на коже отметины. Удивительно, но онемение прошло очень скоро. Может, слюна сумеречника целебная?

Рейвен терпеливо ждал, усевшись на грязный

пол и обхватив колени руками.

— Который час? — спохватилась я. — Ты слышал, сколько раз пробил колокол?

— Сначала восемь раз. И еще один. Половина девятого.

Половина девятого! У меня еще остается время, чтобы предупредить Роэна. Благодаря Мике я знаю, где его искать: на верхней площадке часовой башни. По крайней мере несколько минут в запасе у меня точно есть!

Я забарахталась на полу, пытаясь встать, Рей подскочил, протянул худенькую ручонку.

— Я тебя уроню, — пробурчала я.

— Не такой уж я немощный, каким выгляжу! — горделиво сообщил мне тощий как тростинка Рейвен.

Не могу ведь я разочаровать маленького героя. Я оперлась на его ладонь, а вторую руку положила на спину Хрума, так и поднялась. Потопала на месте, приноравливаясь к кажущимся пока чужими ногам. Идти смогу.

— Спасибо, ты мой спаситель! — искренне сказала я. — Дай обниму!

— Эти нежности! — проворчал Рей как истинный мужчина, но обнял меня первым, и я стиснула его в ответ.

Потом чуть отстранилась, удерживая его на вытянутых руках.

— А теперь, пожалуйста, малыш, иди домой. Не ходи следом. Я очень тебя прошу. Это опасно. Я не хочу за тебя волноваться, у меня есть дела поважнее. Хрум тебя проводит к границе.

— Да я и сам бы дошел! — вздернул нос Рейвен.

— Смотри мне! — Я на всякий случай погрозила ему пальцем.

Как жаль, что на часовую башню нельзя взять с собой Хрума, вот уж кто раскидал бы гадов в два счета. Что же, снова все придется делать самой!

Я отыскала сумку, так и валяющуюся на полу у стены, куда ее ударом ноги забросил Элмер или Вейлар. На мгновение я испугалась, что мерзавцы забрали амулет, но *отведиглаз* по-прежнему лежал на дне сумки под учебниками.

— Вот так злодейские планы и рушатся, — пробормотала я под нос. — Из-за чьей-то зашкаливающей самоуверенности!

Я выудила из сумки амулет, надела его на шею и строго сказала:

— Рей, домой!

— Вау! — восхитился мальчишка. — Здорово у тебя получилось!

Хрум мявкнул и принялся озираться с изумле-

нием на морде. Пожалуй, я могла без опасений доверить Рея Хруму, он не подведет, проводит мальчишку и не даст в обиду, у меня же совсем не оставалось времени.

От общежития пепельников до часовой башни минут десять быстрым шагом. Только бы успеть!

Глава 47

Часовая башня, хоть и примыкала к центральному корпусу, имела отдельный вход, который никогда не запирался: воровать здесь нечего, кроме каменных стен и огромных частей часового механизма.

Узкая лестница закручивалась спиралью. Глухие стены без окон давили. Я никогда не боялась замкнутых пространств, но сейчас не оставляло ощущение, что по пятам крадется убийца.

Подъем закончился внезапно. Я с усилием переставляла ноги, тяжелые, будто к каждой из них привесили по гире, вошла в мерный ритм и чуть не растянулась на полу, когда ступеньки оборвались у проема, ведущего на площадку.

Стараясь не шуметь, я выскользнула наружу. Следует признать, Роэн отыскал необычное и очень романтичное место для свидания.

Противоположную стену наполовину занимал часовой механизм. Выше него расположился большой круглый циферблат, собранный из отшлифованных пластин кварца. Его подсвечивали магические светильники, так, чтобы часы были

видны издалека. И я первым делом кинула взгляд на стрелки. Длинная подрагивала у деления с отметкой десять.

Шестеренки, каждая размером с колесо телеги, прокручивались с негромким стуком. Окружающее пространство слегка вибрировало, пронзаемое тиканьем, похожим на удары сердца. Пахло смазочным маслом, железом и чуть уловимо — розами.

Столик стоял в нише у арочного окна, украшенного живыми цветами. Отсюда открывался прекрасный вид на дремлющую академию и огоньки Куарона за рекой.

— Ах, Роэн, спасибо за этот вечер! — прощебетала Бэт, нарушив тишину.

— Я рад, что тебе понравилось, — ответил Роэн.

Живой! Пока еще живой, невредимый и очень серьезный Роэн. Я видела, как он напряжен: до роковой минуты оставалось всего ничего. Если бы он знал, что кузены, которым он доверял, и есть его убийцы, он бы еще не так напрягся.

Мерзавцы, скрытые, как и я, пологом невидимости, сейчас где-то поблизости. Дышат ему в затылок и только и ждут подходящей возможности, чтобы всадить нож в спину. Обычно это

случалось позже, после того, как Роэн проводит Бэт в общежитие. И если раньше он не знал, что после этого начнется обратный отсчет последних мгновений его жизни, теперь-то знает и сейчас должен решиться, пересилить себя, встать и пойти навстречу возможной гибели.

— Ты такой молчаливый сегодня, Роэн, — промурлыкала Бэт и кокетливо заправила за ухо прядь волос. — Тебе со мной скучно?

Она обиженно надула губы. Милашка Бэтти пустила в ход весь арсенал очаровывающих средств. Похоже, она рассчитывала на большее, оставшись с Роэном наедине. Я не могла не испытывать злорадства. Тарелки с блюдами, доставленными из лучшей ресторации Куарона, давно опустели, свечи догорели почти до основания, а самый лакомый кусочек все еще не сделался добычей нашей красотки.

— Извини, Бэт, — сдержанно сказал Роэн. — Все мысли заняты… рефератом. День суматошный.

— Ничего. — Нежная улыбка явила трогательную ямочку на круглой щечке. — Это ведь только первое свидание, потом будут и другие.

— Обязательно, — подтвердил Роэн, его взгляд в это время ощупывал пространство и стены.

Бэт воодушевилась, кончики ее пальцев кос-

нулись руки высочества, в которой он сжимал вилку, причем сжимал скорее как оружие, а не как столовый прибор. Она не замечала его напряжения или объяснила его себе волнением парня на первом свидании. Я уже достаточно хорошо изучила Роэна, чтобы знать: такая чепуха, как чувства, его точно не заставит переживать.

Бэт наклонилась вперед, закрыла глаза и чуть выпятила губы. Только слепой не догадался бы, что она всем видом напрашивается на поцелуй. Как же захотелось потихоньку подкрасться и зарядить ей щелбан. Вот только… Какое я имею право вставать между ней и Роэном. Бэт может бесить меня сколько угодно, но если она выбор Роэна, а судя по всему, так оно и есть, мне остается лишь смириться.

«Проклятье, Елка, с каких пор ты допустила мысль, что наследник престола Соларина посмотрит на пепелушку иначе, чем на… пепелушку. В конце концов, ты впряглась в спасение его венценосной задницы, чтобы и самой вырваться из временной петли! Вот и не отвлекайся!»

Пауза длилась. У Бэт, наверное, уже вся шея затекла, пока она тянулась губами к губам Роэна, как лань на водопое.

— Ты, должно быть, озябла, здесь довольно

прохладно, — сказал Роэн. — Пойдем, я провожу тебя.

«Ага! — подумала я. — Не поцеловал!»

И тут же: «Тьфу, Елка, остановись уже!»

Вообще, я здесь вовсе не затем, чтобы подглядывать за свиданием. Сама не поняла, как увлеклась. Надо предупредить крокодильшество прямо сейчас.

Меня не видели, но услышать могли, поэтому я подошла к столу на цыпочках, ступая как можно тише. Легкая вибрация и перестук шестеренок стали моими помощниками.

Бэт поправила плед на плечах и капризно заявила:

— Я хочу подольше полюбоваться Куароном. Отсюда открывается такой красивый вид.

Роэн молча встал, набросил ей на плечи еще и свой плед — я скрипнула зубами и снова разозлилась на себя за то, что злюсь, просто раздвоение личности какое-то! Вернулся на место, наклонил над фарфоровой чашечкой носик чайника с вплетенным в него заклинанием вечного жара. Вверх потянулся пар.

Я кинула быстрый взгляд на часы. Длинная стрелка вплотную подобралась к двенадцати. Вероятно, сегодня убийцам удастся добраться до

спины Роэна позже обычного. Сегодня я первая подкрадусь с тыла!

Я осторожно положила руки на плечи Роэна. Он дернулся и чуть не уронил чайник: он как раз подливал и себе горячего напитка.

— Ш-ш-ш, — прошипела я ему в самое ухо. — Это я. Эль.

— Что случилось, Роэн? — воскликнула Бэт.

— Обжегся, — процедил он сквозь зубы. — Думал, управился с чашкой, а она оказалась непослушной.

«Намек понят, Роэн. Но я пропущу его мимо ушей!»

— Ты же мой бедняжка. Давай подую!

Я чуть не хрюкнула, глядя сбоку, как удивленно он заморгал. Роэн и не знает, каким забавным становится, когда изумленно хлопает своими длинными ресницами.

— Благодарю, — медленно произнес он. — Уже прошло.

— Слушай внимательно, — прошептала я едва слышно, надеясь, что шум ветра и стук шестеренок помешают Бэт услышать мой голос. — Тебя хотят убить твои кузены. Нет времени объяснять.

Роэн, увы, не тот человек, который мог удовле-

твориться моим «нет времени объяснять», но на обстоятельную беседу о подслушанном Микой разговоре, о том, что Тим не передал письмо через ректора, о том, что меня поймали и связали, не оставалось ни одной лишней секунды.

— Бред! — сказал Роэн вслух.

— Что? — встрепенулась Бэт, заливаясь краской. — Да я пошутила. Не буду дуть!

— У тебя пара минут, чтобы принять решение. Здесь нет агентов охранки. Только мы. Только мы и убийцы, Ро.

Его плечи закаменели под моими ладонями. Не знаю, что его убедило: моя уверенность в собственной правоте или то, что я его назвала его детским именем. Именем, которое кроме него знали лишь двое в Люминаре.

— Бэт, ты захватила с собой кинжал, как я тебя просил?

— Да… — Она сунула руку под пледы, во внутренний карман теплой накидки.

В форменных накидках имелся потайной вертикальный карман, оставшийся с тех времен, когда форму Люминара только разрабатывали. Когда-то каждый студент, независимо от специализации, носил в этом узком кармане стабилизирующий амулет.

Бэт вытащила кинжал, знакомый до последней ягодки в золотом узоре, и передала его Роэну. Он что же, думает, если забрать орудие убийства, то и убийства удастся избежать?

— Зачем тебе?.. — начала она.

Но тут случилось сразу несколько вещей.

Грозно и громко ударил колокол над нашими головами: длинная стрелка добралась до двенадцати, и колокол ожил. Каменная кладка завибрировала под ногами, а в следующий миг мой треснувший амулет разлетелся на кусочки. Мы с Бэт уставились друг на друга. Она завизжала так громко, что на месте колокола я бы стыдливо слезла с часовой башни, уступив место конкурентке.

Но видимой сделалась не только я. Треск второго *отведиглаза* потерялся в гуле ударов и воплях Бэт. Тим Вейлар возник будто из ниоткуда. Он замер в двух шагах от стола, сжимая в руке тонкий, тоже явно женский кинжал: от идеи подставить Пепелушку братья не отказались.

— Девочки, за меня, быстро! — рявкнул Роэн, вскакивая на ноги.

— Вейлар не один здесь! — заорала я, хватая за руку Бэт: она в ступоре застыла на месте.

— А-а-а-а! — кричала Бэт на одной ноте.

— БУМ! — бил колокол.

Глава 48

Рот Вейлара открывался и закрывался, он что-то кричал, но в гуле колокольных ударов слова едва можно было разобрать.

— Ты неправильно… — Бум! — Это она… — Бум! — Я прикрываю спину… — Бум!

Вот гаденыш! Не растерялся и подставляет меня прямо сейчас. Он, мол, остается верным своей клятве, а убийца-то стоит за твоей спиной, Ро!

Бэт принялась вырывать руку из моей хватки, глядя на меня круглыми от ужаса глазами. Она немедленно поверила Вейлару. Неудивительно: Бэт не хуже меня знала печальную историю падения магов хаоса, и вот я, пепельный маг, продолжаю дело, начатое Гаем Эриусом, — собираюсь прикончить наследника.

Но самое гадкое, что и во взгляде Роэна, когда он посмотрел на меня, мелькнуло сомнение. Какая буря, должно быть, бушевала сейчас в его душе. Он ведь знал, чем закончится этот день, помнил в деталях, но как трудно до конца поверить, что заговорщики — кузены, с которыми он рос бок о бок. Он нахмурил брови: «Что, если это морок

магии хаоса? Наваждение? Обман?»

— Нет, Роэн, — одними губами произнесла я.

Повисла звенящая тишина. Стрелка с щелканьем перескочила на одно деление, колокол затих, и только мое сердце продолжало колотиться в ушах.

— Хорошо, Тим, — негромко сказал Роэн. — Отдай мне кинжал и поговорим. Она безоружна, видишь. Я справлюсь, если что.

Тим хмыкнул, повернул кинжал рукоятью вперед и медленно двинулся вперед. На его скулах играли желваки, светлые волосы всклокочены, лицо бледное, и в целом вид безумный. Бэт уже не визжала, то ли сорвала голос, то ли потеряла его от страха. Она будто даже смирилась с тем, что я обеими руками стискиваю ее запястье и предплечье. Бэт выглядела хрупкой, и мне казалось, что я отлично справляюсь. Я как-то не подумала, что во мне самой веса — как там Роэн говорил, взваливая меня на плечо? — не больше, чем в кошке.

Бэт пискнула, резко подалась в сторону и рванула к Вейлару как к спасителю. Он распахнул объятия и… приставил тонкое острие к беззащитной шее Бэт, едва только она прижалась к его груди.

Отборное ругательство, которым восхитился

бы последний прощелыга Пепелища, готово было сорваться с языка, однако Роэн меня опередил. Не представляю, откуда у наследного принца настолько глубокие познания в этой области лингвистики. Умеет изумить!

— Не подходи! — приказал Вейлар. — Стой, где стоишь. Бросай оружие!

Роэн демонстративно уронил кинжал Бэт на пол.

— Отбрось ногой! И руки подними!

Роэн отбросил кинжал мыском ботинка к стене.

— За спину, Эль, — быстро приказал он. — И не высовывайся.

На ладони Роэна начал медленно закручиваться файербол. Он не мог использовать его против Тима, чтобы не зацепить случайно Бэт, но лучше иметь под рукой огненный шар, чем оставаться вовсе безоружным.

Я отступила на шаг, но не собиралась прятаться за спиной Роэна: бросилась к окну и закричала, перегнувшись через перила:

— На помощь! Кто-нибудь! Наследного принца убивают!

Мизерный шанс, что подмога успеет вовремя, однако я должна была попытаться.

С сухим щелчком стрелка переместилась еще на одно деление. Минута? Прошла всего лишь минута? На моих внутренних часах она тянулась как вечность.

— Мы на часовой башне!

За мерцающей полоской реки мирно перемигивались огоньки Куарона, далекие, будто звезды. У подножья часовой башни разливалась темнота, и лишь кроны деревьев, вздыхающие на ветру, стали безмолвными свидетелями моего отчаянного призыва. Никто не придет.

Я замешкалась на секунду. Непросто пересилить себя и отвернуться от идиллического вида, открывающегося из окна, чтобы вернуться к кошмарной действительности.

А реальность оказалась такова, что Роэн бился с невидимкой и преимущество было, увы, не на стороне принца. У меня на глазах два файербола размазались по противоположной стене, не достав противника, зато пошатнув кладку. Пользоваться огненной магией в закрытом пространстве слишком опасно. К тому же Роэн боялся задеть Бэт или меня, или вовсе развалить сооружение. Башня рухнет и похоронит под обломками и убийц, и их жертв. Едва ли я смогу перезапустить день, отдав душу Пресветлому.

Роэн и сам понял, что придется бороться голыми руками. Он зарычал, обнимая руками пустоту. И отшатнулся, получив удар в плечо невидимым лезвием. Зажал рану. Между пальцев струилась кровь и пропитывала рукав. Бэт тихонько скулила от ужаса. И я, признаюсь, готова была начать подвывать в унисон ей.

Вместо этого я схватила со стола чайник с кипятком и кинулась к Роэну. Рыдания Бэт, гул часового механизма и щелчки шестеренок мешали расслышать шаги и хриплое дыхание. Я сорвала крышку и плеснула перед собой, надеясь на удачу. И, вот чудо, зацепила Элмера — тот взвыл от боли. Однако в следующий миг жесткая рука схватила меня за горло, сжала так, что я подавилась воздухом. Острие воткнулось под скулу: не сильно, но прорезало кожу, и вниз по шее потекла, щекоча, струйка крови. Жаркое дыхание Элмера опаляло кожу на виске.

Роэн медленно поднял ладони, морщась от боли в плече.

— Не трогай ее!

Элмер расхохотался, от этого жуткого смеха волоски на моих руках встали дыбом.

— Вот теперь и поговорим, Ро! Мы не обидим Бэт, если не станешь дергаться.

«Бэт?» — чуть удивленно приподнялись брови Роэна, при этом он смотрел на меня.

— Вы не тронете обеих девушек, а я обещаю, что буду вести себя разумно.

Глава 49

— Значит, это правда. — Уголок губ Роэна скользнул вверх в невеселой усмешке. — Я доверял не тем людям. Как же ты собирался убить меня, Бэзил? В спину, не правда ли? Тяжело смотреть в глаза тому, кто считал тебя другом.

Я видела, как Вейлар, стоящий напротив и притиснувший к себе обмякшую Бэт, опустил взгляд и еще сильнее побледнел. Да, он трусливее кузена. Убийства раз за разом совершал именно Элмер.

— Может быть, хотя бы сейчас снимешь амулет? — прищурился Роэн. — Теперь он тебе не нужен. Я все равно знаю, что это ты.

Элмер молчал. Его рука на рукояти кинжала чуть дрожала, я застыла, привстав на цыпочки и опасаясь совершить лишнее движение.

— Ну же! Давай поговорим начистоту! — крикнул Роэн.

Он сжал кулаки, зашипел от боли и схватился за раненое плечо. Элмер выругался, одной рукой сорвал с шеи амулет, и тот упал к моим ногам. Не самодельный амулет, а добротный, явно со-

зданный профессионалом *отведиглаз*. Теперь понятно, почему Роэн не видел убийцу: тот подготовился заранее.

— Ты не выйдешь отсюда, Роэн, — сказал Элмер. — Ни ты, ни Пепелушка. Утром на часовой башне найдут два тела. Маг хаоса слетел с катушек и напал на наследного принца. Знакомая ситуация? Раненый наследник престола, собрав последние силы, задушил сумасшедшую девицу.

«А Бэт?» — мелькнула мысль, но тут Элмер встряхнул меня, отчего лезвие вошло еще на миллиметр под кожу, и я со свистом втянула воздух сквозь сжатые губы. Лицо Роэна застыло маской, только синие глаза горели яростью.

— Тихо, Бэзил. Тихо. Мы никуда не денемся.

— Еще бы! — хохотнул Элмер. — Ничего личного, Ро… Хотя кого я обманываю — я давно мечтал об этом дне!

— Что же, дно ты пробил, дорогой брат. — На лице Роэна не было страха, только горечь. — Чем же я так тебя обидел?

Он быстро взглянул на сопевшего Вейлара.

— Вас.

— Знаешь, Ро, нашему королевству нужен сильный правитель, а не золотой мальчик, который боится принимать жесткие решения. Соларину

не нужны полумеры! Ты ничего не изменишь, всего лишь закрыв пепельным магам доступ в Академию. Их надо искоренить как заразу. Пожечь огнем. Выкосить как сорняк. Раз и навсегда. Твой отец не решился на это, ты тоже слишком слаб, а я справлюсь!

Роэн стоял, не шелохнувшись. Он распрямил плечи, крепко уперся ногами в землю, и мне казалось, что он пережидает бурю. Страшная правда о людях, которым он доверял, могла бы пошатнуть кого угодно. Слова Элмера били по сердцу Роэна словно удары хлыста. И все же он заставил себя усмехнуться.

— Выходит, вы уже решили? Трон достается тебе? Эй, Тим, что же ты сдался без сопротивления? Не хочешь стать королем?

— Заткнись! — взвыл Тим.

— Знаешь, Бэзил, я восхищен! Так ловко убедить самого себя и Тима в благих намерениях, когда тобой движет банальная зависть. Не маги хаоса здесь высшее зло.

Роэн вскинул голову и скрестил руки на груди. Он очень мужественно смотрел в глаза будущей смерти, теперь уже безвозвратной… Нам с ним отсюда не выйти. Я же оказалась не настолько смелой. Сердце трепыхалось от страха, будто

птичка в силках, и мучила жгучая обида на саму себя: как же я так профукала все шансы, дарованные мне судьбой?

— Ты только скажи мне, Бэйз, это вы с Тимом вдвоем задумали или мои дяди в сговоре? Если нет и братья моей матери не участвуют в заговоре, не боитесь ли вы, что однажды тайна откроется и они отрекутся от сыновей?

Элмер и Вейлар переглянулись, на вытянувшемся лице Тима мелькнуло сомнение. Вот оно что: они действуют сами по себе. Жажда власти и зависть настолько затуманила Бэзилу голову, что он и кузена подбил на преступление.

— Остановитесь, пока не поздно, — тихо сказал Роэн, обращаясь больше к нервничающему Тиму. —Я обещаю, если вы сейчас опустите оружие, мы сумеем найти решение.

Рука Вейлара дрогнула, Бэт всхлипнула, когда лезвие отодвинулось от кожи, однако я напрасно обрадовалась.

— Поздно! — хрипло крикнул Бэзил. — Ты думаешь, я идиот? Назад не отыграть! Я не хочу провести всю свою жизнь в изгнании в какой-нибудь дыре на краю Соларина, куда ты меня сошлешь наместником.

Он зло рассмеялся.

— Я дерзну и войду в историю как лучший правитель, очищу мир от скверны. Довершу дело своих предков…

Он осекся и прикусил язык.

— Договаривай! — велел Роэн, включив властный тон.

Безоружный и раненый, он оставался будущим королем, которого невозможно ослушаться. Однако в этот миг ветер донес с улицы неясный шум, похожий на треск веток, и он вернул Элмера из радужных грез, в которых тот видел себя сидящим на троне, к реальности.

— Довольно, — прошипел он. — Пора кончать.

И обратился к залитой слезами Бэт. Голос Элмера сделался сладким, как мед:

— Бэтти, ты же умная девочка?

Бэт не смогла выдавить ни слова, но несколько раз кивнула, глядя умоляющими глазами.

— Ты нас не подведешь? Не подведешь своего будущего короля, да, малышка?

— Да… — прошептала она.

— И подтвердишь, что во время вашего свидания сюда ворвалась Пепелушка, бросилась на Роэна. Он защищал тебя и погиб.

Бэт задрожала, всхлипнула и снова пискнула:

— Да…

— Это не Ро выбрал тебя будущей женой, а я. Для себя. Поняла, глупышка? Мы теперь крепко связаны общей тайной, ты уж меня не подведи, и все у нас будет хорошо. Да?

— Да…

— Тим, отпусти ее, она все поняла. Бэтти послушная девочка. Иди сюда, Тим. Держи эту шваль.

Вейлар разжал хватку, и Бэт осела на пол, спрятала лицо в ладонях. Элмер сунул меня в руки Тима, и я незамедлительно вцепилась ему зубами в предплечье, жалея о том, что пока слишком мало тренировалась вместе с боевыми магами, не знаю приемов рукопашного боя. Он без труда справился со мной, схватив за горло.

Роэн неожиданно рассмеялся.

— Не думай, что будет слишком легко вогнать этот кинжал мне в сердце, дружище.

— Я не думаю, — в тон ему, весело ответил Бэзил. — Я знаю.

Он стремительно выхватил из кармана маленький камешек и швырнул его в грудь Роэна. Сам камень не мог причинить вреда, но вот беда: он был заряжен заклинанием стазиса. Мерзавцы все продумали. В прошлые разы стазис не пригодился, но теперь оказался как нельзя кстати.

Роэн занес для удара руку с файерболом, да так и застыл, будто окаменел, а огненный шар рассыпался искрами. На лице Роэна жили только глаза. Он смотрел, как Элмер медленно приближается, как втыкает кончик кинжала под ребро — по ткани камзола немедленно стало расплываться алое пятно. Элмер занес кулак, готовясь ударить по рукояти и закончить все одним махом.

— Все произойдет быстро, Ро!

В последний миг Роэн нашел меня взглядом. Хотелось бы мне подбодрить тебя, Роэн, но, увы, я скоро последую за тобой. Вот это мы влипли.

— Стоять! — прогремел мужской голос, усиленный артефактом громкости.

Из узкого прохода хлынули люди в черной форме — королевские гвардейцы, рассыпались по площадке. Командовал ими человек в штатском. Такого встретишь на улице и не запомнишь: темная неприметельная одежда, и лишь на воротнике-стойке маленький серебряный знак, символ службы безопасности — глаз в круге.

— Я сын советника Элмера! — орал Бэзил, пока его укладывали лицом в пол.

Тим не стал дожидаться, пока его скрутят, он сам отпустил меня и отошел, задрав руки вверх.

Последним на площадку, отдуваясь, поднялся

ректор Янгвин. Огляделся, отирая лоб платком.

— Успел, — выдохнул он, заметив пусть и не вполне невредимого, все еще окоченевшего под заклятием стазиса, но моргающего, а значит, определенно живого Роэна.

Я стояла, покачиваясь. Голова шла кругом, и в ней вертелась лишь одна мысль: «Успели? Роэн жив! Убийцы пойманы. Это все? Мы смогли?»

Глава 50

Мы расположились в кабинете ректора. Откуда-то появились теплые пледы, подносы с горячим чаем и печеньем. Агент охранки, эйр Мирод, опрашивал нас по очереди, ведя запись вручную пером на бумаге и с помощью мнемокристалла, который положил рядом на стол.

Безупречно вежливый, суровый профессионал. Он разговаривал сдержанно, смотрел пронзительно и почему-то пугал меня до дрожи, хотя его нам точно незачем опасаться.

За дверями кабинета драгоценное высочество охраняла дюжина гвардейцев. О да, теперь-то их защита крайне необходима — и муха не пролетит. Не тесно вам там, плечами не толкаетесь? Я представила себе выстроившихся в шеренгу бравых молодцев с мужественными лицами и нервно прыснула.

Агент охранки поднял голову от бумаг и заинтересованно взглянул на меня. Мои показания он уже записал, однако не оставляло чувство, будто он меня в чем-то подозревает. И не зря: про временную петлю я не сказала ни слова.

Писклявый голос Бэт тоже на миг оборвался. Она в десятый раз повторяла на все лады одно и то же: «Я так испугалась, так испугалась. Пусть его высочество не думает обо мне плохо, я бы никогда, никогда его не предала!»

— Чего смешного? — плаксиво спросила она.

Роэн хрустел печеньем, отправляя его в рот одно за другим. Заклинание стазиса выжигает энергию, так что подзаправиться ему необходимо. Но главное, что крокодильшество уже не выглядел зелененьким. Раны ему перевязали, всполошенный королевский целитель, призванный среди ночи, влил в высочество укрепляющую настойку — мне и Бэт тоже перепало по флакончику. Я опознала по вкусу и цвету зелье «Второй шанс». Не кривя душой заявляю: мое получилось лучше.

— Чего смешного? — тоже заинтересовался он, протягивая мне печенюшку с вкраплениями шоколада, таких на блюдце оставалось всего два. — Давай жуй, ты бледная, как привидение.

Он посерьезнел, и по-свойски, хоть и аккуратно, приподнял мою голову за подбородок и, прищурившись, осмотрел ранку на моей шее. Пока Элмер держал меня в заложницах, мне казалось, что кинжал проделал в моей шее огромную дыру, из которой хлещет кровь. Целитель же сказал

небрежно: «Царапина» и помазал ее какой-то гадкой вязкой мазью.

— Больно? — с беспокойством спросил Роэн.

— Нормально, — отмахнулась я. — До свадьбы зажив…

Прикусила язык и скорее, чтобы не ляпнуть еще какую глупость, заняла рот печеньем.

— Эти негодяи! Они нас совсем не жалели! — воскликнула Бэт, подпустив в голос рыдающую нотку. — Бедная Маррель, бедная я.

— Я Миррель, — проворчала я, прекрасно понимая, на кого на самом деле работает Бэтти: смотрела-то она не на меня, а на Роэна.

— Этот гад мне едва горло не перерезал! — Она показала на свою шею, которой острие кинжала все же не коснулось.

— Мне жаль, Бэт, — сказал Роэн. — Не следовало мне приглашать тебя на свидание.

И вроде бы он искренне сожалел. Только вот о чем: о том, что Бэт подвергалась опасности, или о том, что он позвал на встречу не ту девушку?

«Елка, остановись!»

— Леди Фери, позвольте, мы продолжим. — Эйр Мирод сухо напомнил о своем присутствии.

— Не проводить ли его высочество в его комнату? — забеспокоился магистр Янгвин.

Все время допроса он сидел тише воды ниже травы, уступив ректорское кресло агенту охранки. Как выяснилось, именно начальник академии, перестраховавшись, отправился в королевскую службу безопасности. Хотя записки через Тима он не получил, мои странные вопросы его встревожили. Магистр Янгвин решил, что когда дело касается жизни и здоровья наследного принца, лучше перебдеть, чем недобдеть. Гвардейцы оббежали всю территорию, но не нашли ни Роэна, ни его телохранителей. Зато услышали, как я звала на помощь с часовой башни, и поэтому успели вовремя.

— Обязательно проводим и выставим стражу, — согласился агент охранки. — Позже. Его высочество и студентка Лир еще могут мне понадобиться для выяснения некоторых моментов. Завтра за ними приедут для более обстоятельной беседы. Вполне возможно, его высочество завершит обучение в Люминаре: это слишком опасно.

— Нет! — отрезал Роэн.

Эйр Мирод бросил небрежный взгляд исподлобья, точно перед ним сидел не будущий правитель, а нашкодивший мальчишка. Вероятно, в его глазах он и был мальчишкой.

— Это решать его величеству, — отрезал он.

Я откинулась на спинку дивана, где мы расположились с Роэном, поплотнее закуталась в плед и закрыла глаза. Страшное напряжение этого дня постепенно покидало меня, ноги перестали дрожать, сердце больше не колотилось о ребра.

Мы справились. Мы сделали это. Я — сделала! Завтра жизнь снова пойдет своим чередом. Убийцы пойманы, Роэн невредим. А дальше… Дальше будет видно.

Тут я кое-что вспомнила, и дрема слетела с меня так же быстро, как от удара ледяной капли по лбу. Я выпрямилась и некоторое время смотрела на Роэна, мирно жующего печенье, на ректора, на эйра Мирода, на Бэт, размышляя, стоит ли сейчас напомнить Роэну о его высокомерном обещании или сделать это позже, наедине.

Если он сдержит слово — это может стать надеждой для всех пепельников. «Клянусь, если я однажды стану свидетелем того, что пепельный маг спас кому-то жизнь, я лично принесу извинения всем магам хаоса» — вот что он в сердцах сказал после нашего горячего спора о природе магии.

Ладно, крокодильшество, я даже не стану требовать невозможного: твоего признания своей неправоты при свидетелях. Как же твое раздутое

эго выдержит этот позор! Главное, пообещай, что ты изменишь жизнь пепельных магов!

Роэн отхлебнул чая, заинтересованно посмотрел на меня: «Ты чего всполошилась?», улыбнулся и указал подбородком на печенье. Я миленько улыбнулась в ответ. Крокодильшество поперхнулся, раскашлялся. Я хотела постучать его по спине, но Роэн потряс перед моим носом указательным пальцем: «Не стоит!» Вот что милейшие улыбки магов хаоса учиняют!

Спустя час, когда показания каждого из нас были записаны слово в слово и на бумагу, и на мнемокристалл, суровый эйр Мирод позволил нам идти.

— Надо поговорить, — шепнула я, когда мы втроем в сопровождении дюжины гвардейцев вышли на широкое крыльцо центрального корпуса. — Отойдем к фонтану?

Вояка в форме с капитанскими нашивками сунулся было за нами, но Роэн остановил его властным жестом.

— Мы останемся в поле зрения, в двух десятках метров. И да, не стоит заставлять Бэт ждать. Спокойной ночи, Бэт.

Взъерошенная Бэт с красными глазами и дорожками от слез на щеках выглядела очень

несчастной.

— Завтра… увидимся? — робко спросила она.

— Непременно! На общих лекциях и практикумах.

Понурившаяся Бэт отправилась восвояси с охранниками по бокам, мы же отошли к фонтану. В темной воде плавали бурые листья, смотреть на них было проще, чем глядеть в лицо Роэну.

— Что происходит, Эль? — О, снова этот шикарный властный тон.

— Я — маг хаоса, и я спасла тебе жизнь, Роэн Асториан, — выпалила я, пока не иссякла храбрость. — Помнишь свое обещание? Ты поклялся принести извинения всем магам хаоса, если станешь свидетелем того, что один из нас спас жизнь человека. Мне не надо благодарности, не надо извинений, просто дай слово, что изменишь нашу жизнь. Выпустишь из гетто, уравняешь в правах, позволишь учиться в академии каждому юноше и девушке.

Я захлебывалась словами, боясь упустить что-то важное.

— Хватит уже делать нас изгоями, Роэн!

Я все это выложила безучастным листьям, плавающим в фонтане, резному каменному бортику и металлической вазе, из которой в дневное вре-

мя стекала вода — я так и не решилась поднять глаза на принца. Листья, бортик и ваза хранили молчание. Впрочем, как и Роэн.

— Я… благодарен, — сказал он спустя длинную паузу, и я всем нутром ощутила, как тяжело дались ему эти слова. — На самом деле благодарен тебе за помощь, Эль.

Так-так, что-то мне не нравится твой хитрый заход. Помощь? Не спасение?

— Но… не путай благодарность с политикой. Я не имею права давать такие обещания — ни тебе, ни кому бы то ни было еще. Я был зол, говорил сгоряча, и ты это знаешь. Мне нужно думать не только о себе и не только о тебе. Это было бы безответственно. Такие серьезные решения не принимают, стоя ночью у фонтана с грязной водой.

— Ах ты сволочь, — прошипела я, и ярость сразу придала мне смелости.

Я задрала подбородок, встала напротив Роэна, почти вплотную — так жаль, что я ниже на полторы головы и все мои потуги казаться выше, старше, опаснее разбиваются о банальное преимущество в массе и росте. Роэн, наоборот, присел на бортик, будто хотел оказаться на одном уровне со мной. Мол, мне жаль. Повинную голову

меч не сечет, и прочие глупости. И эта поза будто бы должна дать мне понять, что лично я ему, возможно, отчасти дорога, но… Тысячи «но» лежали между Пепелушкой и наследником престола.

— Ты просто трус, — с горечью сказала я. — Твой прадед, в честь которого тебя и назвали, не боялся менять Соларин к лучшему, столько всего хорошего сделал! И эту академию открыл тоже он, для всех нас!

— За что и поплатился, — усмехнулся Роэн.

— Ненавижу! — протолкнула я сквозь зубы.

Легче не стало.

— Трус!

Я ударила его по груди и тут же раскаялась, потому что попала по ране — Роэн стиснул зубы, чтобы сдержать стон.

К нам уже бежали со всех ног гвардейцы с воплями: «Отошла от него!»

— Все в порядке! — в свою очередь орал Роэн, пока меня оттаскивали прочь, заламывая руки.

Он выдрал меня из тесных и отнюдь не дружественных объятий черных мундиров, на мгновение задержал ладони на моих плечах.

— Эль, давай попробуем остаться друзьями, — тихо попросил он: в голосе мешались грусть и раскаяние, я же чувствовала лишь опустошение.

— Никогда! Наши дороги отныне расходятся! Живи свою дурацкую, одинокую и трусливую королевскую жизнь!

Я развернулась и поторопилась прочь, шмыгая носом. Это ветер выбил слезы из моих глаз, и скулы сводит от холода, а не от душевной боли…

— Оставьте ее! — крикнул Роэн кому-то за моей спиной.

Я ворвалась в комнатушку, накрыла голову подушкой и повыла в нее, как дикий зверь. Плевать. Я свою миссию выполнила. Завтра наступит новый день, в котором не будет места крокодильшеству.

…Шлеп! Мокрая капля растеклась по моей щеке. Я подскочила на постели, точно меня огрели по голове сковородкой. Ну нет, это просто дождь: осень на дворе, вот он и льет каждый день. Иногда дождь — это просто дождь.

На столе лежал мешочек, полный сухарей, которые мы съели вчера. Трясущимися руками я принялась ощупывать шею — порез исчез бесследно.

— Да ладно… — выдохнула я, а потом заорала, запрокинув голову к потолку и обращаясь, видимо, к Пресветлому или к самой судьбе: — Да сколько же можно!!!

Глава 51

— Задаюсь тем же вопросом! — сообщила запертая дверь голосом Роэна.

Я схватилась за виски и принялась ожесточенно массировать их. Не хватало только помутнения сознания после всех обрушившихся на меня несчастий — двери разговаривают! Что дальше? Пауки на моем платье примутся танцевать?

— Открывай! — не унималась дверь. — Сейчас же!

Хм, похоже, не галлюцинация. Вот только не знаю, что хуже: игры разума или взбешенный Роэн, а он, судя по резкому тону, пребывал не в самом благодушном настроении.

— Не открою, — заявила я, не двигаясь с места и натягивая одеяло по самую шею, точно крокодильшество мог видеть сквозь стены, хотя, насколько я знаю, боевые маги не способны на подобные фокусы. — Во-первых, я с тобой не разговариваю. Во-вторых, я не одета. В-третьих, я сегодня не принимаю гостей. И из комнаты вовсе не собираюсь выходить!

Я ожидала, что Роэн — конечно, это он во пло-

ти стоял с той стороны двери и страшно злился —разразится гневной тирадой, но он молчал, чем еще сильнее меня нервировал. Потом все же заговорил. Вкрадчиво и тихо.

— Эль, у тебя два варианта. Ты оденешься, впустишь меня, и мы поговорим, или я на счет десять высажу дверь.

— Как ты меня достал! — крикнула я, ногами сбивая одеяло на край кровати.

Я злобно лягала его, представляя, что пинками прогоняю Роэна из комнаты, из общежития, из академии, да и, пожалуй, из Соларина. Потом натянула платье, пригладила волосы, с треском распахнула дверь и с вызовом уставилась на незваного гостя, скрестив руки на груди.

— Ну? Хотел говорить — говори!

— Что ты сделала, Эль? — прищурился Роэн.

Он явно одевался впопыхах. Это высочество-то, знающий толк в моде и любящий красивые вещи, даже слишком яркие, как по мне. Сейчас на нем были домашние мягкие штаны и простая хлопковая рубашка с расстегнутым воротом, поверх всего небрежно накинут непромокаемый плащ, блестящий от воды.

— Решила наказать меня?

Что же, вероятно, придется объясниться парой

слов. Я сделала шаг в сторону, освобождая проход, и сделала приглашающий жест обеими руками, случайно направив их в область измятой постели. Вспыхнула и перенацелила Роэна в район стола, развернувшись как флюгер. Роэн закатил глаза — о, сколько ненужных телодвижений, Эль! — и не заставил себя упрашивать дважды, шлепнулся на стул.

Подтянул сухарики привычным движением.

— Я не разрешала есть мои сухари! — прошипела я. — И позволила тебе войти, только чтобы сообщить: в том, что день повторился, нет моей вины! Я сама мечтаю выбраться из временной петли. Можешь не верить, мне все равно.

Роэн пристально смотрел на меня, и постепенно его лицо расслаблялось, вместо злости на нем проступала растерянность.

— Я верю, — пробормотал он. — Просто не понимаю… Я остался жив, эти мерзавцы взяты под стражу. Были. Вчера. Сегодня Элмер как ни в чем не бывало разбудил меня стуком в дверь, чтобы уточнить, сколько корзин с фруктами и цветами мы ждем от поставщика. Сказать, что я офигел, значит ничего не сказать.

Я не выдержала и прыснула, ярко представив эту сцену, а особенно ошалевшее лицо Роэна,

когда на его пороге нарисовался убийца собственной персоной.

— Знаешь, что я первым делом спросил у него? — хмуро пробурчал Роэн, не оценив моего веселья. — Я спросил: «Тебя уже выпустили?»

Как не захохотать после этих слов? Маги хаоса умеют ценить черный юмор, это у светлорожденных неженок обычно вытягиваются лица при шутках о смерти. Роэн изо всех сил сохранял постную мину, но вдруг фыркнул и рассмеялся.

— Это какой-то абсурд, — выдал он, когда мы отсмеялись. — Одно радует: раны затянулись. Твой порез?..

— Зажил, — подтвердила я.

— Вот что я предлагаю нам сделать… — воодушевленно продолжил крокодильшество, но я бесцеремонно — не до условностей нынче — залепила ему рот ладонью.

— Никаких «нас», Ро! Сам, все сам. Ты взрослый мальчик. Теперь ты знаешь, кто устроил заговор, значит, разберешься.

Роэн снял мою руку с лица, но зачем-то задержал мои пальцы в ладони — горячей, несмотря на то, что он пришел с холода. Он сжимал их с какой-то неожиданной и обезоруживающей искренностью, точно мы были друзьями и соратниками в

общем деле. Но мы не друзья, крокодильшество! Больше я не поддамся глупым эмоциям. Правда, продолжила я уже не так уверенно:

— Беги к ректору, вызывай охранку, пиши донос — или как это называется. Или обратись прямиком к отцу, тебе лучше знать! А я собираюсь сегодня устроить себе отдых. Забью на учебу, и гори все синим пламенем. Пойду в столовую, наемся, вернусь в комнату, завалюсь в кровать и просплю до обеда. Прогуляю все занятия! Потом пообедаю. Нормально пообедаю! Второй раз за пять дней, между прочим, и… И снова буду валяться! Ты иди, Ро, иди. У тебя куча дел!

Роэн глядел на меня без ожидаемого раздражения, наоборот, с легкой улыбкой.

— А потом? — всего лишь спросил он.

— Потом?

— Что будет дальше? — терпеливо подсказал Роэн. — День закончится и…

— Повторится сначала… — прошептала я упавшим голосом.

Роэн усмехнулся, мол, да, верный ответ, Эль, молодец.

— Ты, конечно, можешь сегодня отдохнуть, я прекрасно тебя понимаю. И я могу вызвать охранку, отца, да хоть самого Пресветлого с небес,

однако, если мы не разорвем замкнутый круг, любые наши действия окажутся бессмысленными.

Он все еще держал меня за руку, и мои мысли путались, злость на Роэна исчезла, сменившись замешательством. Прав крокодильшество, как ни тяжко это признавать, тысячу раз прав. Мы застряли.

— У тебя есть план? — сдалась я.

— Пока приблизительный. Предлагаю первым делом покинуть территорию Академии и держаться подальше от моих кузенов, потому что лично мне плохо думается, пока Бэзил, стоя за моей спиной, примеривается, куда сподручнее всадить кинжал. А еще есть смутная идейка. Что, если временная петля не сработает, когда мы окажемся за пределами Люминара?

— Отличная мысль! — похвалила я Роэна.

Он воспрянул, но тут же свел брови к переносице, поняв, что я язвлю.

— Все бы хорошо, — продолжила я. — Да только ты забыл, что нам, первокурсникам, не выйти за периметр. Ты разве не помнишь, как отшвырнуло Урисона, когда он лез через стену? Парни пытались одолеть запрет тысячу раз, думаешь у нас, на тысяча первый, получится?

Думала, крокодильшество сникнет или хлопнет

себя по лбу: «Тьфу, как из головы-то вылетело», однако он хитро улыбнулся.

— Есть тайный ход, о котором знают только члены королевской семьи. Отец на всякий случай рассказал, где его искать.

— О. Почему я не удивлена? И что же ты сидишь в Люминаре, как редиска на грядке, когда в любой момент мог выбраться?

— Зачем мне выбираться? — искренне не понял Роэн. — Я добровольно поступил в академию, принял ее устав. Кем бы я выглядел в глазах наших однокурсников, запертых здесь, если бы запросто мог отправиться гулять?

— Хм? Дай-ка подумать? Привилегированным золотым мальчиком? Ничего нового они бы не узнали.

Роэн только головой покачал.

— Собирайся, Эль. Одевайся теплее, не забудь накидку. Позавтракаем в Нов-Куароне.

Мысль Роэна о том, что петля может не сработать за пределами Люминара, показалась мне вполне трезвой или, по крайней мере, единственной на сегодняшний момент. Я взялась плести косу, ворча для вида:

— И где же этот ход? И почему его раньше не отыскали? Первогодки обычно очень настырны.

— Но не рискуют соваться на темную половину — выход находится именно там. В кладке стены на противоположной стороне от главного входа. Никто о нем не знает…

— Знает! — воскликнула я и даже выпустила из пальцев почти заплетенную косу. — Рейвен-то, наверное, про него и говорил. Ох уж эти вездесущие мальчишки! Твой отец думает, что это тайна, а они уже все разведали и шастают туда-сюда.

Роэн глупо поморгал, потер лоб, сказал: «Ого!» Потом подумал и добавил:

— Неважно. Я позже разберусь с этой проблемой. Готова?

— Нет, — буркнула я, натягивая капюшон. — Но кого это волнует! С тебя какао!

Глава 52

Я не торопилась пить какао, наслаждалась его сладким ароматом и любовалась крошечными зефирками, плавающими на поверхности. Рядом на белоснежном блюдце с золотой каймой ожидала первого укуса румяная булочка с корицей. Скатерть тоже была белоснежной, накрахмаленной, стекала чуть ли не до пола широкими воланами. Мне было страшно запятнать эту белизну капелькой какао. Я никогда прежде не то что не бывала в таких местах — даже в окошко ими не любовалась.

Роэн же без капли стеснения при помощи вилки и ножа расправлялся с яичницей, куда щедро добавили бекона. Сразу виден здоровый аппетит. Правда, делал он это виртуозно, кусочки яичницы, нанизанные на вилку, оказывались ровно такого размера, чтобы не сорваться обратно в тарелку и без труда поместиться во рту. Он подобрал кусочком хлеба остатки желтка и сложил столовые приборы параллельно друг другу. Тут же подскочила девчонка-подавальщица и забрала посуду. Я заметила восхищенный взгляд,

которым она одарила крокодильшество. Я так привыкла к Роэну, что видела в нем теперь обычного парня, но сейчас на мгновение посмотрела будто со стороны глазами девчонки.

Ну хорош, ладно, хорош. Даже домашняя одежда выглядела дорого-богато. Благодаря простейшему бытовому заклятию брюки и рубашка не мялись и смотрелись вполне стильно. По воротнику рубашки вилась тонкая, едва заметная серебристая вышивка, добавляющая шарма.

Мама разбиралась в стиле, в отличие от меня. Вкус будто бы передался ей по наследству от ее мамы, а той от бабушки, вместе с благородной кровью. Иногда про вещи, выглядящие довольно просто, она говорила: «старые деньги». Это когда от стиля так и веет респектабельностью и унаследованным огромным состоянием, которое не принято выставлять напоказ.

Но тут дело было не только в вещах. Роэн чувствовал себя в богатой обстановке как в родной стихии. Каждое его движение выглядело уместным, отточенным и уверенным. Поворот головы, осанка — все выдавало в нем аристократа.

В моем же облике все вопило о том, что я простушка, выросшая на задворках жизни. Мы были такие разные… Как день и ночь.

— Не нравится? — с некоторым беспокойством спросил Роэн, кивнув на какао. — Можем заказать что-то другое. Я сразу понял, что кофейня не высшего разряда, но соваться в центр Нов-Куарона пока не стоит: там меня могут опознать.

Кофейня не высшего разряда? Да вы зажрались, высочество.

— Все очень вкусно! — отрезала я и вцепилась в булочку зубами: м-м-м, божественно!

Роэн улыбнулся уголками губ, откинулся на спинку стула и переключил внимание на вид за окном. По стеклу струились водные потоки.

До кофейни «Золотая чешуйка» мы добирались пешком от самого Люминара. Тайный ход действительно существовал.

Я представляла его едва ли не подземным лазом — нам после тренировок и лаз нипочем! — или замаскированной дверью, которая открывается при правильном нажатии комбинации камней кладки. Однако все оказалось намного проще. Нас ожидала обычная широкая трещина в стене. Магия, закрывающая путь первогодкам, здесь истончалась и почти не сопротивлялась вторжению. Почти. Не знаю, как Рейвен брал это препятствие, ведь он еще более мелкий, чем я, а мне удалось просочиться в щель не с первого

раза, и даже не со второго. Пришлось Роэну идти первым, раздвигая магические потоки мощной грудью, и тащить меня за руку как на привязи. Возникло ощущение дежавю. С таким же суровым видом он вел меня по мостку и помогал карабкаться на деревянную стену.

Он волок меня за собой и что-то бормотал под нос. Я прислушалась и ткнула его в бок. «Ты совсем ничего не ешь, Эль? Можно быть такой тощей вообще?» — вот что бурчал этот нахал.

Мы добрались до моста через Быстрянку, потом по длинным прямым улицам — они расходились от дворцовой площади будто лучи — до районов, где еще не стояли богатые особняки благородных родов, но селились обеспеченные горожане. Ввалились в кофейню. Пока мы развешивали накидки над сушильными артефактами, на мраморный пол натекла целая лужа. Хозяйка вышла встретить гостей, первых в эти ранние утренние часы. Она безошибочно угадала в Роэне золотого мальчика. На меня покосилась с удивлением. Мол, что эти двое делают в компании друг друга. Безупречные аристократические манеры перевесили ворон на моем платье, а сияющие светлые волосы — черноту моих локонов.

— Присаживайтесь, дорогие гости, — любезно

пропела она. — Сейчас вас обслужат.

Теперь Роэн молчал и смотрел в окно, но на самом деле его взгляд был обращен внутрь себя.

— Вы были близки? — тихо спросила я, безошибочно угадав, о чем думает сейчас Роэн: о предательстве тех, кого считал друзьями.

Он слегка пожал плечами.

— Я так думал.

Он хотел показаться безразличным, но я видела, что ему больно.

— Я принимал их лесть за чистую монету. Их желание угодить — за искреннее проявление заботы. — Роэн скривился, точно съел что-то кислое. — Я был идиотом.

— Урок тебе на будущее, — не смогла я не пустить шпильку. — Вокруг того, в чьих руках власть, всегда кружатся лизоблюды и подхалимы, готовые подтирать… Хм… Ну ты понял. Разве ты этого не знал? В следующий раз тщательнее выбирай союзников.

— Мы росли вместе, — сказал Роэн. — Я их не выбирал.

Он отвел взгляд от окна и посмотрел на меня — внимательно, без тени улыбки.

— Но теперь я выбираю сам. Похоже, сейчас ты единственный человек, кому я могу доверять,

Эль. Будем союзниками?

От его пристального взгляда и низкого голоса у меня побежали мурашки. Только не хватало, чтобы он заметил мое смущение.

— Союзниками, значит? — Я дерзко задрала подбородок. — Разве светлорожденные маги заключают союзы с пепельниками?

Хорошо хоть, я не ляпнула ничего о брачных союзах, которые, кстати говоря, тоже никогда не заключались между светлыми магами и магами хаоса. Как-то так изначально повелось, что даже в те времена, когда пепельников еще не лишили титула и имений, таких браков избегали, чтобы не смешивать кровь.

— Все однажды случается впервые. — Уголок губ Роэна приподнялся в улыбке, а потом он добавил, активизировав моих непокорных мурашек: — Я рад, что ты со мной. Рад, что мне не надо проходить через это испытание в одиночестве.

— А я вот пока не рада, — буркнула я. Не собиралась я так просто прощать трусливое крокодильшество. — Мы вынужденные партнеры.

— Пусть так, — согласился Роэн и снова уставился в окно, точно там можно было разглядеть что-то интересное кроме дождевых струй.

Пройдет еще немного времени, и ливень посте-

пенно сойдет на нет, превратиться в противную морось, тогда можно будет двигаться дальше. Кстати, куда мы двинемся?

— Куда отправимся? — спросила я.

— Будем тянуть время до вечера. Можно прогуляться на ярмарку, когда немного распогодится, потом в парк. В театр. Предлагай!

— На кладбище! — отрезала я. — Потому что твой отец тебя сам прибьет. Ты ведь понимаешь, что в Люминаре собьются с ног, разыскивая тебя? Скоро академию наводнят гвардейцы.

— Пусть. Нов-Куарон большой город, пока поиски дойдут до столицы, день закончится. Помнишь план? Нам надо оставаться вне территории академии хотя бы до полуночи, а лучше до утра.

Я заранее зябко поежилась, представляя наше ночное бдение на опустевших улицах Куарона. Роэн снова улыбнулся, на этот раз широко и с толикой ехидства.

— Заселимся в гостиницу и выспимся! — объяснил он. — Правда, дорогие апартаменты снимать не рискну, там меня точно могут отыскать.

— Кстати, о деньгах… — вспомнила я, свежим взглядом посмотрев на какао, на булочку — да они стоят целое состояние.

Роэн вытащил из кармана кожаный кошель,

тяжело звякнувший под весом монет.

— Захватил уходя. Не знаю, сколько там. Обычно деньги мне не нужны, но мама всучила на всякий случай.

«А мне моя — сухари. Все же у мам точно есть шестое чувство, отвечающее за предчувствия!»

Он развязал горловину кошеля, с любопытством заглянул.

— Серебро. Особо не разгуляемся, но на гостиницу должно хватить.

Серебро! Да мы с мамой на двоих зарабатываем уборкой четыре такие монеты в месяц.

— Бедняжки мы с тобой, как только выживем! — едко высказалась я.

Роэн согласно покивал и вздохнул.

Глава 53

Ярмарка располагалась на одной из широких площадей столицы так, чтобы до нее удобно и просто было добираться как из богатых особняков, так и из бедных кварталов. Приходили за покупками служанки с корзинами, прогуливались респектабельные семейства, мамы приводили детей полюбоваться уличными артистами и угоститься жареными каштанами, ватаги мальчишек смотрели завидущими глазами на аттракционы, фокусников и жонглеров, а стражи гоняли их и напоминали горожанам придерживать кошельки.

На столбах, окружающих площадь, днем и ночью горели разноцветные фонарики, создавая ощущение праздника. Сейчас они отражались в глянцевых после дождя камнях брусчатки. В воздухе витали ароматы карамели, медового сбитня, каленых орехов. Слышались звуки шарманки, крики зазывал и детский смех.

С раннего утра торговцы открывали лавки, выкладывали товары. Я не знала, на чем остановить взгляд. Здесь были лотки с лентами, перчатками

и платками, медной и жестяной посудой, колбасами и сырами, травяными чаями, длинные прилавки с книжицами, отпечатанными на дешевой серой бумаге. Были даже лавки, предлагающие дешевые украшения, якобы заряженные магией. Обман, конечно.

Я шла озираясь, словно во сне. Хоть район Пепелища располагался не так далеко от городской ярмарки, мне редко доводилось здесь бывать. Пепельник, идущий в одиночестве по чистым улицам Нов-Куарона, напрашивался на неприятности. Нам могли отказать в обслуживании, а то и попросту прогнать. Если мы и выбирались в центр по нужде, то большими группами, тогда с нами не рисковали связываться.

Сейчас я надеялась, что форма академии станет моей броней. Студенты Люминара, начиная со второго курса, любили разгуливать по ярмарке: здесь можно было и перекусить, и развлечься, в общем, с толком потратить свободное время.

— Роэн, нам стоит убраться отсюда после обеда! — озарило меня. — После занятий сюда хлынет толпа студентов, они-то тебя точно узнают, схватят под белы рученьки и отведут в ближайший участок дозорников.

— Ты права, — не стал возражать высочество. —

Но время еще есть. Пойдем, я всегда мечтал попробовать сбитень!

Глаза Роэна горели азартом. Ясно-понятно, наследный принц никогда не бывал на ярмарке и оглядывался с не менее увлеченным видом. Сбитень он наверняка пил, но в скучной обстановке королевской столовой, а вкуснее-то на улице, под открытым небом, когда напиток обжигает нёбо.

Спустя пару минут мы оба сжимали толстостенные глиняные кружки, приятно согревающие руки.

— Пейте, пейте, молодые люди, не задерживайте очередь, — поторапливал нас сбитенщик.

Я понадеялась, что кружки зачарованы магией и никакую заразу мы не подцепим, во всяком случае, отступать поздно. Мы с Роэном посмотрели друг на друга, улыбнулись, одновременно сделали по глотку и одновременно же выдохнули: «М-м-м!»

Напившись и немного согревшись — дождь продолжал накрапывать, а осенний ветер так и норовил пробраться под полы накидки, — мы отправились к противоположному краю площади, где стояли шатры балаганщиков и располагались самые разные увеселения.

По пути нам попалась гадалка, сидящая на

раскладном стуле под хлипким навесом. На сколоченном из грубых досок лотке стоял тусклый стеклянный шар, из резной деревянной шкатулки торчали свернутые бумажки с предсказаниями. На коленях женщины сидел кот и жмурил янтарные глаза.

— Не проходите мимо! Загляните в будущее, узнайте прошлое, найдите ответ на мучающий вас вопрос! А Черныш вам в этом поможет!

Последнее дело — искать ответ на вопрос в шкатулке ярмарочной гадалки, но утопающий хватается за соломинку. Роэн остановился и вытащил из кармана мелкую медную монетку, полученную на сдачу после того, как он расплатился в кафе и купил сбитень.

— Ро, это глупо, — шепнула я.

— Да, знаю, — согласился он. — Но хуже-то не будет!

С этим не поспоришь!

Черныш лениво потянулся и ловким движением подцепил одну из бумажек. Гадалка отдала ее Роэну, тот мне. Я пожала плечами и прочитала предсказание, записанное печатными буквами.

— «Задай вопрос тому, кто скрывается в тенях. Он один знает ответ и поможет. Но не сегодня». Что за ерунда?

— Что за чепуха! — одновременно со мной высказалась гадалка и бесцеремонно вырвала бумажку из моих рук. — Я такого не писала!

Она поглядела на ровные строчки, стушевалась и пробормотала:

— Ну, будем считать, что в кои-то веки кому-то досталось истинное предсказание.

— Как мило. Значит, все остальные были не истинными?

— Идите уже, бездельники. Вместо того, чтобы учиться, шатаетесь по городу!

Все-таки наши форменные накидки выдавали нас с головой. Спорить мы не стали, отправились дальше. Я и так и этак вертела в голове полученный ответ. «Задай вопрос тому, кто скрывается в тенях…» Ничего не понятно. Подумаю об этом позже!

У шатра с задорным названием «Диковинки со всего света» стоял зазывала и продавал билетики. Рядом с ним жонглировал огненными шарами лысый мужчина. Роэн заинтересовался, притормозил, выставил ладонь, на которой стал формироваться сгусток огня. Это он что же, решил помериться силами с уличным факиром?

— А ну немедленно прекрати, — прошипела я. — Вот потому первогодков и не пускают в город,

вы же здесь на радостях такой погром учините, что потом заново придется площадь мостить.

— Что значит «вы»? «Мы учиним», если уж на то пошло! — поправил меня крокодильшество, но файербол втянул и добавил свысока: — У него все равно огонь ненастоящий — всего лишь иллюзия.

— Иллюзия?! — услышал его уличный артист. — Иди-ка попробуй, подержи!

— Ро, пойдем! — Я схватила Роэна за руку и решительно потащила за собой.

Почему эти парни такие… парни? Смотрите-ка, он еще и упирается!

— Сможешь выбить десять мишеней из десяти?

Я попыталась отвлечь высочество, чья гордость оказалась задета, и указала на лавку, где можно было попробовать свои силы в меткости. На деревянных подставках на разных уровнях стояли фигурки животных, солдатиков и башенки. Их требовалось сбить матерчатым мешочком, наполненным песком. Тут же на полках ожидали победителей призы: смешные тряпичные куклы, мягкие игрушки с глазами-пуговицами, заводные птички.

Когда я была маленькой, я мечтала получить

такую птичку, их продавали только на ярмарке, и больше нигде. Ключик в спине птахи заводил заряженное каплей магии механическое сердце. Птичка чирикала и била крылышками, словно живая. Папа обещал добыть мне приз, но не успел выполнить обещание.

Скучающий хозяин аттракциона вскочил на ноги, заметив интерес двух студентов.

— Подходи, торопись! Десять фигурок выбьешь, получишь лучший приз!

Речовка так себе, конечно, но условия ясны.

— Давай, парень, добудь для своей девчонки куколку! — добавил хозяин прозой. — Пять попаданий — и игрушка твоя.

Интересно, стал бы он так говорить, если бы я опустила капюшон накидки и всем стали бы заметны мои черные волосы? Сейчас мы с Роэном были двумя студентами, решившими прогуляться по ярмарке, а не светлорожденным магом и магом хаоса. И, признаться, я малодушничала и специально не снимала капюшон. Мне нравилось казаться обычной девчонкой, и радовало, что наследник престола сейчас выглядит обычным парнем.

— Десять попаданий, и птичка наша! — азартно сказал Роэн и выложил на прилавок монету.

Он взвесил в ладони мешочек, примерился и запустил его в стоящего на высоком постаменте деревянного бычка. Тот повалился вверх ногами.

— Один! — крикнула я.

Я и сама недоумевала, чем я восхищаюсь. Чем мы занимаемся вообще? Прячемся на ярмарке, веселимся и тратим деньги, пока в академии все на ушах стоят. Наше бегство от реальности никак не решит проблему, не защитит Роэна от заговора, не избавит от убийц. Оставалась небольшая надежда, что план Роэна сработает — мы уснем в гостинице и проснемся в гостинице, разорвав петлю. Однако что-то мне подсказывало, что это было бы слишком просто.

— Два! — услышала я свой голос. — Три!

Ладно, нам просто нужна передышка.

— Пять? — удивился хозяин. — Глаз-алмаз. Пока ни одного промаха.

Видел бы он, как Роэн кидается файерболлами в мишень на полигоне и никогда не промазывает, он бы еще не так удивился.

Роэн молчал, сосредоточенно метясь в фигурки. Один раз он все же перестарался с броском, и мешочек улетел дальше, чем следовало. Однако давалась еще попытка: разочек промазать можно.

Роэн напряженно прищурился.

— Да ладно, не корову же проигрываем, — прошептала я. — Расслабься!

— Какую корову? — удивился он. — Птичку! И я тебе ее добуду!

Он долго примеривался к последнему броску, отводил руку то назад, то в сторону, но вот замахнулся и мощным ударом повалил солдатика. Тот загрохотал по доскам пола подозрительно громко, словно был не просто выточен из дерева, но и залит свинцом для большей устойчивости.

— Десять! — многозначительно сказал Роэн, тоже догадавшийся о мухлеже.

— Да-да, — вздохнул хозяин. — Какая удача!

И вручил мне птичку — щегла с настоящими перышками, с маленьким ключиком, торчащим из спинки. Тельце казалось теплым, и чудилось, будто птичка вот-вот расправит крылышки и запоет.

— О… — прошептала я, ощущая странное движение в душе: нежность и толику благодарности.

— Тебе нравится? — забеспокоился Роэн и неожиданно взял мои сложенные лодочкой руки, держащие щегла, в свои, будто стремился защитить и согреть — меня и эту птичку.

«Очень! — хотела сказать я. — Я ведь мечтала о

ней. Спасибо тебе!»

— Пойдет, — буркнула я, отступая на шаг.

Птичку я положила во внутренний карман накидки. Не то чтобы я стремилась держать ее поближе к сердцу, просто так получилось.

— Только сегодня и только сейчас! — донесся до нас голос зазывалы. — Веселое кукольное представление, которое называется «Знай свое место». Вас ждут полчаса смеха и потехи!

— Посмотрим? — предложил крокодильшество.

Я кивнула, и мы отправились к шатру, куда уже набивалась публика, в основном мальчишки и парочки. Роэн расплатился на входе серебряной монеткой, чем обеспечил нам место на первом ряду, да не на лавке, а на стульях со спинками.

— Девушка, снимите капюшон, чай, не на улице, — проворчал из-за спины недовольный женский голос, а потом нервная особа, не особо церемонясь, сдернула капюшон с моей головы, обнажая черные будто смоль волосы.

Сидящие рядом зрители сразу притихли, с задних рядов кто-то прошептал: «Ого, не побоялась же прийти одна! Рисковая!» Роэн тоже скинул капюшон, расправил плечи, взял меня за руку и угрюмо оглянулся: «Кто-то хочет что-то доба-

вить?»

К счастью, в этот момент работники притушили магические светильники и представление началось.

Глава 54

На сцене появилась фигура человека, одетого в черное, из-за чего он сливался с темнотой в зале и была видна только марионетка в его руках — кукла пепельника с растрепанными волосами и преувеличенно большими глазами. Пепельник шел, озираясь, дрожа, как осиновый лист, из широких рукавов его латаного плаща сыпалась зола. «Ой-ой-ой», — повторял он тоненьким голосом, вызывая смешки в зале.

Я сжалась на стуле. Захотелось немедленно уйти из балагана, останавливало только то, что придется пробираться к выходу сквозь толпу, и я решила досидеть до конца представления. Роэн тоже напрягся — он так и не отпустил мою руку.

Навстречу пепельнику с другой стороны кулис уверенной походкой вышла вторая марионетка: светлорожденный маг в модном костюме, его светлые волосы сияли. Не дойдя до скрюченного пепельника нескольких шагов, он вынул из кармана носовой платок, прижал к носу и сказал:

— Фу, откуда так воняет гарью?

— Это от пепельника! — ответил детский го-

лос.

Все вокруг захохотали.

— Я не хотел ничего плохого, — проблеял пепельник, ежесекундно кланяясь. — Я просто шел…

— Слышали, люди добрые? Он просто шел! — Светлорожденный повернулся к залу — его обращение вызвало одобрительные возгласы.

— Стража, стража! — закричали люди в зале.

Видимо, они смотрели представление не в первый раз и знали, что произойдет дальше. Из-за кулис выскочил пузатый страж с дубинкой в руках, замахнулся на пепельника. Тот заверещал, побежал, запутался в плаще и растянулся у ног светлорожденного, чем вызвал новый взрыв хохота.

— Я полезный! — говорил он. — Я… могу… Могу спасти…

— Ты себя сначала спаси! — лениво ответил светлорожденный. — Страж, покажите этому куску угля, где его место.

— Покажи, где его место! — подхватили в зале.

Страж занес дубинку. Мне сделалось так дурно, что я едва могла дышать. Перед моим внутренним взором вставала совсем иная картина. Я никогда не видела расправы над отцом, но представляла

ее себе сотни раз. Наверняка мой бедный папа, так же как этот пепельник, пытался объяснить разгоряченным выпивкой людям, что он не сделал ничего плохого, что просто шел домой, к своей жене и детям.

Я вскочила и кинулась к выходу, но в проходах между рядами тоже теснились люди, купившие билеты без мест. Я уперлась в толпу, как в стену, меня окидывали недобрыми взглядами, а кто-то уже сказал: «А эта что здесь делает?» Тут Роэн загородил меня собой и двинулся первым, расталкивая людей широкой грудью.

Оказавшись снаружи, я согнулась пополам, хватая ртом свежий воздух.

— Пойдем. — Роэн осторожно обнял меня за талию и повел прочь с площади, в сторону ближайших домов. — Мы присядем в кафе. Сейчас найдем. Тебе надо прийти в себя.

Пришла в себя я гораздо раньше — когда мы очутились в проулке между глухими стенами домов. Меня вдруг обуяла такая злость! На этот ужасный злой мир, на всех светлорожденных! Я вырвалась из рук Роэна и толкнула его в грудь.

— Ну как тебе представление? Понравилось?

— Нет, — ответил он, пытаясь взять меня за плечи и, видимо, прижать к себе, чтобы успокоить,

но я треснула его по тыльной стороне ладони.

— Моего отца убили вот так на улице ни за что! Он шел с работы к семье! Его убийцы считали себя правыми и, наверное, кричали: «Ты сам виноват!»

— Я не знал, — тихо сказал Роэн, не оставляя попыток поймать меня в объятия.

— Откуда бы тебе знать! У вас, небожителей, все отлично! А мы… Мы…

Я все же не выдержала и зарыдала, злясь на себя за эти слезы. Жалость высочества мне не нужна! Роэн воспользовался моментом и обхватил меня обеими руками, прижал к груди, потом принялся гладить по голове, как маленькую. Я дергалась, вырывалась, но разве мне одолеть эту глыбу?

— Эль, все хорошо, — шептал он.

— Ты прогнал меня в родительский день, когда мама пришла меня навестить. Будто… Будто чувства пепельных магов ничего не значат. Будто мы не люди и не умеем любить и скучать. Моя бедная мама проделала такой длинный путь!..

— Прости меня, Эль. Прости, — сказал Роэн, и говорил, кажется, совершенно искренне. — Мы…

Договорить ему не дали: в узком проулке появилась ватага парней разбойного вида. Они растянулись от стены до стены. Предводитель

ощерился в зловещей улыбке, показывая дыру на месте выбитого переднего зуба.

— А вот они хде! Спрятались! Думали, не найдем!

Роэн задвинул меня себе за спину, расправил плечи и скрестил руки на груди.

— Какие-то проблемы, парни?

— Да, проблемы! У тебя! Ты чего с отбросами якшаешься, а, студент? У вас там в академии что, мозг совсем размягчается?

Он подошел вплотную, и хотя он оказался на полголовы ниже высокого Роэна, смотрел он бесстрашно и зло, чувствуя поддержку за спиной.

— Так мы тебе сейчас напомним, как с пепельниками надо обращаться! Запомнишь нашу науку! Держите девчонку.

Два амбала попытались обойти Роэна, однако тот неожиданно и быстро, без предупреждения, вмазал одному кулаком по скуле, другому тут же с разворота в живот. Потряс ушибленной рукой, но парням пришлось хуже, оба отлетели к стене и выглядели ошарашенными.

— Только попробуйте ее тронуть! — прошипел Роэн.

— Бейте его! — заорал щербатый предводитель.

Тут же все шестеро оставшихся невредимыми мерзавцев кинулись на принца, размахивая руками. На их стороне было численное преимущество, но они лезли скопом, мешая друг другу, и дрались по-уличному, рассчитывая только на физическую силу. Да, Роэну почти сразу прилетел кулак в глаз и в грудь, однако его учили ближнему бою лучшие учителя, и пропустив эти два удара он собрался и перешел в наступление.

— Валите его! — орал предводитель. — Забьем ногами!

Я распласталась по стеночке, от всей души молясь Пресветлому, чтобы Роэн устоял. А он стоял и умело отбивался — руками и ногами. Уходил из-под ударов, так что один раз его противник, размахнувшись, ударил по каменному выступу и взвыл.

И все же их было больше. Пусть неумелых воинов, но страшно настырных в своем желании начистить физиономию неправильному студенту.

— Огонь, Роэн! — крикнула я. — Покажи им!

Другого выхода не было, и Роэн тоже это понял. На его ладони скрутился файербол и пролетел поверх голов, ударился в противоположную стену. Роэн мог бы покалечить негодяев, но пока только

пугал. Парни отпрянули.

— Да ну нафиг, — выдохнул один из верзил. — У меня шкура не казенная.

— Прочь! — заорал Роэн и замахнулся следующим огненным шаром.

Нападавшие попятились к проходу, из которого пришли, Роэн — в противоположную сторону, нащупал не глядя мою руку, а после рванул за собой.

Ух, как мы бежали! Кажется, даже на полосе препятствий в первый раз скорость была меньше. Мы мчались по радиальным улочкам Нов-Куарона, пока ярмарочная площадь не осталась далеко позади. И только тогда, окончательно выдохшись, бухнулись на скамейку в каком-то скверике.

— Как ты? — спросил Роэн, едва выровняв дыхание.

— Я-то нормально. А вот у тебя синяк на пол-лица.

Под глазом и по скуле будущего правителя Соларина разливалась синева, щека опухла, веко нависло.

— Так, надо срочно приложить лед. Или… Пойдем к Быстрянке, здесь недалеко, вода как раз ледяная. Подлечим тебя.

Мы молча двинулись бок о бок в сторону набережной.

— Спасибо, что защитил, — тихо сказала я.

Глава 55

Ни у меня, ни у Роэна не оказалось с собой носового платка, поэтому в качестве холодного компресса пришлось использовать рукав платья, который я натянула пониже и зажала в горсти. Роэн сидел на ступенях широкой лестницы, спускающейся с набережной к самой реке, и наблюдал за тем, как я наклоняюсь и обмакиваю рукав в ледяную воду. В какой-то момент он не выдержал и схватил меня за подол платья, при этом сохраняя бесстрастный вид.

— Ты давай там осторожнее, Лир, — пробурчал он.

— Не переживай, я крепко стою на ногах, — парировала я, намекая на то, что в поддержке не нуждаюсь ни сейчас, наклонившись над водой, ни вообще — со всем справлюсь сама.

Я успокоилась, и ко мне вернулась моя привычная язвительность. Хотелось отпускать шпильки чаще обычного, чтобы Роэн поскорее забыл о минуте моей слабости и откровенности.

Я пришлепнула мокрый рукав на лицо высочества, так что струйки речной воды потекли за

воротник, заставив Роэна поморщиться, но он мужественно терпел экзекуцию. Даже сидя он ненамного уступил мне в росте — его голова, с растрепанными от бега светлыми волосами, кое-как схваченными тесемкой в хвост, оказалась на уровне моей груди. Вынужденная близость заставляла меня нервничать. Молчать было неловко, но и тем для разговора в странной ситуации, когда я прижимаю к глазу высочества мокрый рукав, а второй, невредимый глаз разглядывает меня снизу вверх, тоже не нашлось.

— Так, значит, корзины с фруктами сегодня раздали без тебя? — нащупала я, как мне показалось, нейтральную тему.

— Да. Пусть девочки порадуются, — как ни в чем не бывало сказал Роэн.

Я вспомнила, как он любовался улыбками на лицах однокурсниц, стоя в дверях аудитории. Ярче всех, конечно, светилась Бэт, прижимая к груди охапку роз.

Крокодильшество вздрогнул, когда я мстительно перевернула рукав другой, холодной стороной и припечатала его к слегка сдувшемуся отеку.

— Бэт пребывает в растерянности, — проворчала я. — Прислал шикарный букет и корзину с персиками, а на свидание не позвал!

— А букет я отменил, — спокойно сообщил Роэн.

Такая мелочь, а у меня в груди взметнулась буря чувств. «Ты передумал звать ее на свидание? Или не захотел смущать Бэт, потому что знал, что не придешь сегодня на занятия? Она все еще нравится тебе?» Вместо десятков слов, готовых сорваться с языка, я сказала только:

— Понятно.

Роэн вскинул взгляд и тоже будто собрался заговорить, однако промолчал, и только уголок рта дрогнул в быстрой улыбке.

Я отвернулась и отошла к воде, а Роэн снова сурово и деловито придерживал меня за подол платья. Компресс помогал: отек постепенно спадал, однако высочеству придется какое-то время щеголять с фингалом под глазом. Это и неплохо: если королевские гвардейцы уже рыскают по Нов-Куарону в поисках сбежавшего принца, лучшей маскировки не придумать.

Сегодня мы протянем время до вечера. А завтра? Мне все меньше верилось, что план с ночевкой вне стен академии выгорит. На ум само собой пришло предсказание, которое Черныш вытащил из шкатулки гадалки: «Задай вопрос тому, кто скрывается в тенях. Он один знает ответ и

поможет. Но не сегодня». Скрывается в тенях… Скрывается в…

Я вздрогнула и чуть не поскользнулась на влажных, покрытых зеленым налетом камнях. Роэн дернул меня назад, не рассчитав силы, и я со всего разгона приземлилась к нему на колени, а потом мы оба завалились набок, запутались в руках, ногах и накидках. Пытаясь встать, я заехала Роэну локтем во второй глаз и нервно хихикнула, представив, в какого красавчика он превратится не с одним, а уже с двумя фонарями. Это не крокодильшество получится, а енот. Роэн, шипя, встал на одно колено, потом на ноги, а после обхватил меня за талию и помог мне подняться.

— Лир, ты смерти моей хочешь! — в сердцах воскликнул он.

— Да если бы! — в тон ему ответила я. — Слушай, я поняла, кто скрывается в тенях!

Роэн перестал недовольно пыхтеть, как чайник на огне.

— Кто же? — быстро спросил он.

Про моего загадочного пепельного мага я пока не сказала Роэну ни слова, но теперь, раз уж мы точно знаем, что убийца не он, самое время признаться. Я поведала, что встречаю мага хаоса в парке на темной половине парка — утром, а ино-

гда и вечером. Между прочим, того самого мага, что спас королевство от полного разрушения!

— Да ну! — недоверчиво хмыкнул Роэн. — Маг, уничтоживший хвостатую звезду, запросто разгуливает по территории академии. Какое интересное совпадение.

Я развела руками, мол, чего только в жизни не случается.

— Надо с ним поговорить. Я сама к нему подойду. Кажется, на светлорожденных у него имеется зуб, но мне он в помощи не откажет. Надеюсь.

Роэн потер ушибленное при падении плечо и кивнул.

— Надо использовать все возможности. Однако я все еще надеюсь, что завтра наступит новый день и я проснусь в Нов-Куароне рядом с тобой.

Прозвучало пожелание столь двусмысленно, что мы с Роэном, не сговариваясь, уставились в разные стороны, а потом потихоньку-потихоньку отодвинулись друг от друга и принялись поправлять одежду, отряхиваясь от налипших травинок.

На ратушной башне часы пробили три. До вечера еще вечность, и придется ее чем-то занять.

Мы наскоро перекусили на ходу. Купили у уличного торговца по вареной картофелине

в промасленном свертке, щедро посыпанной шкварками и зеленью.

— Никогда ничего вкуснее не ел, — признался наследник престола.

К его подбородку прилип листочек петрушки. Из-под надвинутого на лоб капюшона выглядывали взъерошенные пряди и полоскались на ветру, глаз заплыл, второй тоже слегка припух. Сейчас высочество скорее напоминал разбойника с большой дороги, чем будущего короля. Матушки-батюшки, до чего я принца довела!

— А как же перепелки в медовом соусе? — поддела я его. — И эти, как их. Устрицы в лимонной подливке?

Я называла блюда наугад, сама-то я их не то что не пробовала, даже не видела никогда.

— Фигня, — отозвался принц.

Мы шли без цели, просто бродили по городу, стараясь не оставаться на месте и не попадаться на глаза стражам порядка. Показалось, что их на улицах стало больше и они приглядываются к проходящим мимо молодым людям, поэтому, хоть дождь и закончился, мы не снимали капюшонов.

Нов-Куарон поражал не древностью — размахом. Мы шагали по широким улицам, расходя-

щимся прямыми лучами из центра, где башни дворца поднимались над крышами, устремляясь в небо. Полюбовались на здание театра, на величественную пятиэтажную библиотеку, на новый храм Пресвятого. Он по великолепию ничуть не уступал старому, теперь разрушенному, с обугленными колоннами и провалившимся куполом. Новая столица была прекрасна, и все же мне всегда казалось, что ей не хватает души и тепла. Город был красивый, но холодный, как чертеж. Может, однажды это изменится.

Мы двигались по радиальным улицам к окраине, туда, где к северным воротам подходил главный тракт Соларина. По нему ежедневно проезжали десятки людей, прибывающих в столицу по делам: торговцы, просители из провинций, представители городов и сел. Здесь вдоль дороги теснились трактиры и постоялые дворы, недорогие пристанища, где мы могли бы затеряться, сняв комнату на ночь. Чадили трубы над крышами приземистых строений, навстречу нам тянулись груженые телеги, брусчатка превратилась в грунтовую дорогу, распаханную колеями от колес.

Наше внимание привлек бревенчатый сруб с вывеской «Подорожник». Трактир выглядел при-

ветливее своих угрюмых собратьев, наверное, потому, что был выстроен недавно.

— Не «Созвездие», конечно, — хмыкнул Роэн, имея в виду дорогущую гостиницу в центре Нов-Куарона. — Но сойдет.

Глава 56

— Королевские апартаменты! — велел Роэн, неосознанно переходя на повелительный тон, и выложил на столешницу горсть серебра.

— Королевские… апартаменты… — с расстановкой повторил хозяин, мужчина лет сорока с проседью в волосах, и уточнил на всякий случай, видно, посчитав, что ослышался: — Здесь? В «Подорожнике»?

Я не вмешивалась: Роэну не помешает лишний опыт реальной жизни. Пока они с хозяином трактира обменивались взглядами — мужчина смотрел искоса: «Разыгрываешь меня?», Роэн требовательно, — я осмотрелась. «Подорожник» казался уютным местечком, пахло жареным луком и свежеструганым деревом, полы сияли чистотой.

— Есть семейная комната, — сдался наконец хозяин. — С камином, креслами, ванной комнатой.

Он поразмыслил и добавил:

— Можем принести ужин в номер. — Он наморщил лоб, напряженно прикидывая, какими благами дополнить семейную комнату, чтобы

она тянула на королевские апартаменты. — Наберем ванну. Добавим в воду лепестки роз. Эй, Лили, у нас найдутся лепестки роз?

Последнюю фразу он прокричал, обращаясь к служанке, которая, закончив уборку, тащила к выходу ведро с грязной водой.

Веснушчатая девчонка замерла, почесала нос, поправила чепчик и, по-деревенски окая, предложила альтернативу:

— Ромашка сушеная имеется. Запарю, в воду добавлю.

— Спасибо, не надо, — поспешно отказался Роэн. — Только ужин.

— Лили, проводи наших гостей наверх.

Мы отправились следом за служанкой, благоразумно кутаясь в накидки, но, кажется, хозяин списал наше странное поведение на молодость и стыдливость. Парочка студентов решили провести вместе ночь, парень сорит деньгами, стараясь произвести впечатление на подружку. Хозяин напутствовал нас понимающим и ироническим: «Эх, юность! Королевские апартаменты им подавай!»

Комната действительно оказалась немаленькой и, как и было обещано, с камином, столиком и даже с креслами. Я споткнулась на пороге, уви-

дев единственную, хоть и широкую кровать. Хотя чему я удивляюсь, это же семейный номер.

— Отдыхайте хорошо! — проокала Лили, и от ее добросердечного пожелания я покраснела. — Ужин за дверью поставлю.

Роэна же происходящее совершенно не смутило. Он протиснулся мимо меня, застывшей столбом, с разбега рухнул на кровать, разметав длинные руки и ноги, с блаженством потянулся и воскликнул:

— Наконец-то! Мы с тобой весь день в пути. Иди полежи.

Он приглашающе похлопал по кровати рядом с собой, вот только долговязое крокодильшество оставил возле себя треть свободного пространства, а то и четверть. Я бы, конечно, уместилась, тело ныло от усталости, но… Согнать его, что ли?

— Нет, спасибо! — проворчала я и бухнулась в кресло.

Похоже, Роэн на радостях, что очутился в тепле и безопасности, и в предвкушении сытного ужина смотрел на меня как на дружбана, с которым не зазорно разделить общее ложе, а то и побороться, отвоевывая побольше пространства. Через мгновение его настигло осознание. Он сел, потом встал, разгладил покрывало и опустился в

соседнее кресло.

— Извини.

Мы некоторое время молчали, оставшись наедине. За окном сгущались сумерки, в номере загорелись магические светильники, их можно было запалить ярче, но мы не стали. В полутьме проще сделать вид, что происходящее сон, и не нужно придумывать темы для разговоров, если хочется посидеть в тишине, а нам обоим этого хотелось.

В дверь тихонько стукнули, и Роэн принес поднос, где на чугунной сковороде шкворчала картошка с грибами и свининой, стояли стаканы, кувшин с квасом и лежали толстые ломти ржаного хлеба.

— Который час? — спросила я.

— Я слышал, что недавно пробило шесть.

Шесть! Сердце кольнуло беспокойством за Рейвена, но я успокоила себя тем, что мальчишка ориентируется на темной половине Люминара лучше меня, ничего не боится и с Хрумом сразу нашел общий язык. Ничего с ним не случится. В прошлый раз он меня спас, а не наоборот.

Мы расправились с картошечкой на раз-два, макая хлеб в растопленное масло и запивая квасом.

— Что будем делать? Просто ждать?

Я подошла к окну и выглянула наружу. Окно выходило на задний двор, где не происходило ровным счетом ничего интересного. Приезжий купец помогал мальчишке-конюху выпрягать лошадь из телеги.

— Ты когда-нибудь играла в «Правду или действие»? — неожиданно спросил Роэн и тут же поднял ладони, будто заранее просил прощения за непристойное предложение. — Не подумай ничего плохого, все в рамках приличия!

— Ага, — хмыкнула я, прислонившись к подоконнику. — Начинается-то все невинно, а потом игроков выносят мертвецки пьяными.

— У нас квас! — В доказательство Роэн приподнял ополовиненный кувшин.

— Ладно, — согласилась я, усаживаясь в кресло напротив принца и глазами подавая знак, чтобы он плеснул мне кваса в стакан. — Только, чур, я начинаю первая. Правда или действие?

— Правда, — помедлив, сказал Роэн.

— Правда, значит. Какая уникальная возможность собрать компромат на будущего короля! — Я многозначительно подвигала бровями. — Ладно, шучу. О чем же спросить? Твой счастливый день, Роэн?

— Как ни странно это звучит, мой счастливый

день совпал с днем, когда я сильно заболел. — Принц выдержал паузу, пока я переваривала сказанное. — И все потому, что отец впервые оставил все государственные дела, сутки провел у моей постели… Читал мне книгу, научил складывать кораблик из бумаги…

Голос Роэна прервался, он ожесточенно потер переносицу, а я сделала вид, что сейчас самое время собрать измятые салфетки в опустевшую сковороду и отнести ее за дверь. Мне не хотелось смущать Роэна, который боролся с подступившими слезами. Это горько, когда за всю жизнь отец посвящает тебе лишь один день.

— Правда или действие, Лир? — нарочито грубо бросил Роэн.

— Правда.

— Что ты подумала обо мне, когда увидела впервые?

О, вот такие вопросы у нас теперь пошли, Ро? Ты ждешь, что я расскажу о своем гневе, о негодовании, охватившем меня после слов о «пыли под ногами»? Наказываешь себя за то, что обнажил передо мной чувства? За то, что я увидела тебя настоящим и искренним?

— Я подумала, что ты очень милый, — сказала я и не сдержала улыбки, когда у Роэна удивленно

вытянулось лицо. — И что венец наследника тебе великоват.

— Что? — пробормотал Роэн.

— Когда я впервые увидела тебя, тебе исполнилось десять лет и тебя возили по всему Нов-Куарону, показывали будущего короля подданным. Ты, конечно, не вспомнишь семилетнюю черноволосую девочку, а мы, между прочим, пришли полюбоваться на наследника всей семьей!

Роэн провел ладонью по лбу, точно надеялся таким способом приоткрыть дремлющие в памяти образы далекого дня.

— Я вообще плохо помню тот суматошный день. Я плавился от жары, ужасно хотел пить, был страшно смущен всеобщим обожанием и мечтал, чтобы праздник поскорее завершился.

— Понимаю, — улыбнулась я и быстро добавила: — Правда или действие?

— Действие, — медленно произнес Роэн, и в его пристальном взгляде мешались ожидание и любопытство.

— Хм… Что же. Открой окно и крикни: «Иногда я веду себя как самодовольный болван!»

Роэн моргнул: такого задания он явно не ожидал. Нехотя поднялся. Направился в сторону подоконника черепашьим шагом, причем пятясь

спиной вперед.

— Ладно, — сжалилась я. — Прокукарекай.

Крокодильшество распахнул раму, впуская осенний пряный воздух, и раздельно произнес в темноту:

— Ку-ка-ре-ку!

— Эй, не считается!

— Еще как считается! Кукарекаю как умею! Правда или действие, Лир! Моя очередь.

Время за игрой летело незаметно. Мы оба, сначала напряженные, обмякли в креслах. Роэн расстегнул ворот рубашки, а я распустила косу и откинулась на спинку. Мы попивали квас, смеялись и делились историями из жизни. Но порой смех стихал, если истории становились грустными или трогательными. Я рассказала о смерти отца, Роэн — о том, что мечтал стать старшим братом и мама однажды намекнула ему на близящееся радостное событие, но… Ему никто ничего не объяснил, но мама несколько дней провела в постели, а отец стал сам на себя не похож от переживаний. Я никогда ни с кем так подолгу не говорила, не выставив колючки. Сама на себя удивлялась: «Елка, что с тобой?» Может, тому виной мягкий свет лампад, наше уединение и то, что один-единственный день крепко связал

меня с совершенно неподходящим для этого человеком — с наследным принцем. Мы будто были с ним вдвоем во всем мире, сам мир превратился в иллюзию, сон, что растает поутру, и лишь мы оставались настоящими.

Сквозь темноту долетели удары часов на ратушной башне. Девять. Мы с Роэном посмотрели друг на друга и поняли без слов. Несколько минут до его гибели. Я наклонилась и взяла его за руку.

— Сегодня не случится плохого.

— Да. Но завтра…

— И завтра тоже. Мы найдем выход!

— Правда или действие, Миррель?

— Правда.

— Ты ведь поцеловала меня в один из дней? — тихо спросил Роэн. — Мне не приснилось?

Я опустила взгляд.

— Да. Не знаю, зачем я это сделала. Как будто мой поцелуй мой задержать тебя в этом мире… — Я поежилась и хотела отнять руку, но Роэн мягко сжал мои пальцы и не выпустил их. — Это глупо.

— Вовсе нет.

Роэн стек с кресла и очутился рядом, уселся на пол у моих ног.

— Правда или действие? — прошептала я, слыша не столько свой голос, сколько стук сердца

в ушах.

— Правда.

— Тебя раньше уже кто-то целовал, Ро?

— Нет.

Короткое признание, от которого душа перевернулась. Почему я думала, что этот королевский сынок вконец испорченный парень?

— Правда или действие, Эль?

— Действие…

Роэн распрямился, оставаясь на коленях, но высокий рост позволял ему очутиться со мной лицом к лицу. Он бережно взял мое лицо в ладони, потянулся и прикоснулся носом к моей щеке, вдыхая запах.

— Поцелуй меня снова, Эль, — прошептал он губы в губы.

— Нет.

Он вздохнул, медленно отодвинулся, не спуская с меня глаз, не убирая рук, все еще надеясь, но принимая мой отказ.

— Правда или действие, Роэн?

— Действие.

Я накрыла ладонями его руки на своих скулах.

— Я знаю, что пожалею об этом, но плевать… Поцелуй меня, Ро.

Мы подались навстречу друг другу в едином

порыве, я запустила пальцы в его спутанные волосы, а он накрыл мой затылок властной ладонью, привлекая к себе. Теплые губы нашли мой рот, но, несмотря на первую вспышку страсти, прикоснулись осторожно, словно Роэн хотел удостовериться, точно ли я согласна. Я прикусила его нижнюю губу, провела языком, пробуя на вкус. Роэн застонал, и его пальцы на моей скуле, на моем затылке задрожали. Я выскользнула из кресла в объятия Роэна, устроилась на его коленях, позволив поцелуям скользить по моим вискам, скулам и векам и снова возвращаться к губам. Я не знала, что во мне таится столько скрытого огня, и представить не могла, что мой первый поцелуй случится с наследным принцем.

«Это сон, просто сон, — твердила я себе, отказываясь признавать правду: первый поцелуй станет последним, у нас нет общего будущего. — Просто сон…»

Глава 57

Мы с Роэном лежали на кровати в одежде, смотрели глаза в глаза, пальцы наших рук переплелись. На столе щебетал механический щегол, его крылышки трепетали. Я завела ключиком маленькое сердце, мне казалось, что пение птички дарит надежду. К тому же я хотела хоть немного насладиться подарком.

Наши губы припухли, в крови все еще струились игристые пузырьки. То я, то Роэн невольно задерживали дыхание, вспоминая сладость губ, однако дальше мы не зашли: оба понимали, что пока не готовы к такому важному шагу.

— Держи меня крепче, — прошептала я.

«Держи меня крепче, и тогда пространство и время не смогут разлучить нас, правда?»

— Держу, — ответил он. — Не отпущу.

Мы вцепились друг в друга так сильно, что болели запястья. Веки тяжелели: усталость после долгого дня давала о себе знать. Мы оба боролись со сном, длили последние минуты. Роэн ожесточенно моргал, терся щекой о колючее покрывало, но дрема затягивала его, да и у меня в глазах

клубился туман, а мысли путались.

— Ничего… — прошептала я и улыбнулась. — Даже если ничего не получится, ты знаешь, где меня искать.

Казалось, я лишь на мгновение смежила веки, и тут темнота подхватила меня на свои широкие крылья и понесла, покачивая, вдаль. Рука Роэна в моей руке обратилась в дым… Просочилась сквозь пальцы… Я из последних сил пыталась ухватиться за этот дым, но разве удержишь воздух?

«Роэн! — звала я. — Нет. Не отпускай меня! Роэн!..»

— Роэн! — воскликнула я и подскочила на постели за миг до того, как ледяная капля шлепнулась на подушку, где только что лежала моя голова.

Я проснулась в своей комнате, будто и не уходила из нее: план не сработал, день начался с начала. Как же разорвать этот проклятый замкнутый круг? Моим рукам, еще помнящим тепло кожи Роэна, сделалось холодно, а сердцу — одиноко.

Я выглянула за дверь — никого. Бросилась к подоконнику, чтобы не пропустить приход Роэна. Он ведь придет? Крыльцо и дорога пустовали,

дождь барабанил по лужам, превращая окружающий мир в крайне неприветливое местечко. Почему проклятая петля не случилась в хорошую погоду: насколько бы оптимистичнее казалось будущее, если бы в окна заглядывало солнце!

— Где же ты? — в нетерпении воскликнула я.

— За твоей спиной, Эль. — Теплое дыхание согрело макушку, когда Ро наклонился надо мной, а потом, не выдержав, прикоснулся губами к моим волосам.

Я резко обернулась. Роэн улыбался, стоя в мокрой от дождя накидке. Я готова была кинуться ему на шею.

— Погоди!

Он угадал мой порыв и рванул застежки, распахнул накидку и принял меня в уютные, горячие объятия. Накрыл полами накидки и крепко обнял, прижимая к себе.

— Я соскучился, Эль.

— Прошло всего пять минут с тех пор, как мы расстались, — привычно проворчала я, прильнув щекой к твердой груди, и вздохнула. — Ладно. Я тоже соскучилась.

Запрокинула голову, разглядывая довольную улыбку на лице крокодильшества, а он тут же, не теряясь, наклонился и коснулся губами моих

губ. Слегка, очень бережно, точно напоминая самому себе: вчерашний день не приснился. Мое тело мгновенно покрылось мурашками, каждой клеточкой потянувшись навстречу, но этак мы дела не сделаем!

— Стоп! — строго сказала я, накрыла губы Роэна ладонью.

Он поцеловал мою ладонь, медленно разжал руки и бухнулся на стул, точно у него совсем не осталось сил. Я заметила, что одет он как вчера — в черные брюки и белую рубашку, значит, не стал тратить время на переодевание, торопился ко мне.

— Что там твои… — Едва не сорвалось «убийцы». — Кузены?

— Ничего не подозревают. Я, как обычно, попросил Элмера проследить за корзинами, вернуть букет… Он, конечно, удивлен, что свидание не состоится. Он так активно меня подталкивал к этому.

— Ну еще бы! Ты, Бэт — вы, сами того не зная, исполняли его план. Наверное, Бэзил страшно зол.

— Скорее растерян. Не понимает, что теперь предпринять.

— И хорошо, нам это на руку. — Я помолчала, собираясь с мыслями. — Ты помнишь, что я тебе

говорила по поводу мага хаоса?

— Конечно, помню, Эль! Я помню каждую секунду этого дня. — Роэн многозначительно посмотрел на меня, заставляя меня зарумяниться, а потом широко улыбнулся и коснулся теперь уже невредимого глаза. — Как удобно: память остается, а синяки исчезают! Так, значит, здесь по территории бродит избавитель от небесной напасти?

— Давай без сарказма, Ро! Да, я видела его два раза утром в парке, когда возвращалась после тренировки, и один раз вечером, когда искала Рейвена. До вечера ждать не станем, но и сейчас еще рано к нему идти. Может, пока отправиться на завтрак?

Роэн нахмурился, о чем-то размышляя. Потянулся было к мешочку с сухарями, но остановился, вопросительно посмотрел на меня: «Можно?»

— Жуй!

— Мы не пойдем на завтрак, — сказал Роэн, насыпав себе и мне по горсти сухарей. — Твой маг и сейчас где-то неподалеку. Ты ведь не думаешь, что он с утра на глазах у всех прошел по светлой половине Люминара? Скорее всего, он давно живет где-то в разрушенных корпусах. Может, в корпусе, предназначенном для преподавателей.

Никто же не проверяет!

— Да… — согласилась я. — Не думала об этом раньше. Я ведь не первый раз его встречаю в Люминаре! Что, если он действительно живет здесь?

«Вот-вот», — покивал Роэн, а вслух добавил:

— В преподавательском общежитии меняли крышу и стекла, пусть там и живет сейчас только магистр Кроу. Здание теплое, пустых комнат полно. Лучшего места для того, чтобы спрятаться от всего мира, не найти.

— Но тогда магистр Кроу его тоже видел бы!.. — начала я и осеклась.

Наверняка и видел, поэтому так быстро оборвал разговор, когда я принялась расспрашивать о молодом маге хаоса.

— Решено! — сказал Роэн, вставая и отряхивая брюки от крошек. — Идем туда!

Спустя несколько минут мы уже примостились под раскидистым дубом, что рос напротив крыльца преподавательского корпуса. Кутались в накидки и наблюдали за выходом. Роэн встал за моей спиной, обнимая и согревая, и я с удивлением поняла, что в шатре из веток, под тихий шелест струй дождя и в уютном молчании, с надежной защитой с тыла, я чувствую себя почти

счастливой.

— Смотри, — прошептал принц, взяв меня за плечи и чуть-чуть поворачивая в сторону тропинки, что бежала от корпуса к тайному проходу в стене.

По ней-то и двигался маг хаоса, направляясь к зданию.

— Оставайся здесь, — быстро сказала я и побежала навстречу магу. — Подождите! Мне нужно с вами поговорить!

Темные брови мага изумленно взлетели вверх.

— Ты? — спросил он.

— Да!

Я махала руками и широко улыбалась, изо всех сил отвлекая внимание на себя, а когда подошла вплотную, встала так, чтобы маг хаоса повернулся спиной к дереву, под которым прятался Роэн. Но отвлекающие маневры не сработали: маг заметил принца и нахмурился.

— Пришли вдвоем… — утвердительно сказал он.

С чего начать разговор? Предсказание в шкатулке гадалки теперь казалось полным бредом. Вполне возможно, что пепельник действительно скрывается, а тут я со своими нелепыми предложениями и просьбами о помощи. Но, с другой

стороны, разве он не говорил, что я переломный момент? По трезвом размышлении тот наш ночной разговор тоже попахивал бредом… Ладно!

— Помогите нам… мне! — Никаких сомнений, только вперед! — Мы с Роэном застряли в одном дне. Это временная петля. Долго объяснять. Вдруг вы можете ее разорвать? Или подсказать что-то? Понимаю, что на светлорожденного вам плевать, хотя, честно, он неплохой парень…

Я воззрилась на переминающегося с ноги на ногу Ро, он вытягивал шею, явно волновался за меня и готов был нестись ко мне, едва я призывно махну, но я покачала головой: «Жди!»

— Неплохой парень, — с иронией в голосе — кстати, голос обладал красивым тембром и глубиной — повторил маг. — Неплохой. Это слово, в котором нет ни тепла, ни боли, ни страха потерять…

— Это неважно! — взорвалась я, но тут же взяла себя в руки. — Не хотите помогать ему — не надо. Помогите мне! Мы с вами на одной стороне. Если что-то знаете!..

— Я что-то знаю, — спокойно сказал маг, и у меня замерло сердце: мы на верном пути. — Но не скажу.

И этим человеком я восхищалась? Да он просто

издевается! Я крепко стиснула кулаки, чтобы не ляпнуть резкость и окончательно не лишить нас с Роэном надежды.

— Роэн заплатит вам много денег. Или выполнит любую вашу просьбу…

Насчет последнего не уверена. Я уставилась себе под ноги, ощутив, как от щек отхлынула кровь. И дернулась, когда на мое плечо опустилась твердая рука. Маг тут же убрал ее, отступил на шаг. Голос немного смягчился.

— Деньги мне не важны, как и все остальное. Завтра ты все еще будешь здесь. Спроси, и, может быть, я отвечу.

Ничего больше не объясняя, он направился к зданию.

— Завтра? — крикнула я вслед. — Но… Я поняла! Вы все знали про петлю времени!

Маг ничего не сказал, не оглянулся, не подал знака, даже плечи не напряглись.

— Молчание — это тоже ответ… — прошептала я.

Глава 58

— Куда мы идем? — спросила я.

Мы снова пробрались через тайный проход в стене, перешли мост, и теперь Роэн тянул меня за руку за собой. Я думала, что в сторону ярмарки, однако она осталась позади, так же как шпили дворца, мы уходили все дальше от центра к окраинам, но только не к Северным воротам — шагали на запад, словно…

— Мы что, идем на Пепелище? — ахнула я и встала как вкопанная. — Ко мне домой? Зачем?

— Я виноват перед тобой, Эль. Из-за меня ты не повидалась с мамой. Мы это сейчас исправим!

— Но… — выдавила я, заранее стыдясь нашей небольшой квартирки и убогого района, где одежда сушится между стен домов и тут же валяются груды мусора.

У высочества случится культурный шок, но сам виноват. Пусть увидит, в каких условиях мы живем. Может, передумает целовать пепелушку.

— Мама пока на работе. Сегодня пятница, и она придет пораньше — после обеда. Дома должны быть Лиза и Себ. Это мои…

— Брат и сестра, я знаю, — кивнул Роэн — его, кажется, знакомство с моей семьей не смущало.

Пепелище не подвело, встретило наследного принца во всей красе. Потоки воды, размыв мусор, несли по грязному тротуару картофельные очистки, бумажки и подсолнечную шелуху. Спасибо, на веревках не сушились стираные портки, зато у побуревшей от старости стены, прямо на земле, лежал дедок. Видать, выбрался из ближайшей разливочной, да так и уснул, трогательно пристроившись щекой на бумажный кулек с огрызками яблок. Спал как младенец, и дождь ему не мешал.

Себастиан заприметил меня из окна еще на подходе и выскочил навстречу, кинулся на шею, чуть не опрокинув на землю. Роэн подхватил меня, придавая устойчивости.

— Полегче, молодой человек, ты сейчас уронишь сестру в лужу!

— Да, Себ, какой ты стал сильный и, кажется, вырос на целую голову. Я тебя всего-то пару месяцев не видела, а ты уже такой большой!

— Ага, я такой! — повелся Себ на мой невинный обман.

Он оставил в покое мою шею и вытаращился на Роэна.

— А кто это?

— Это мой друг, — ответила я. — Он тоже студент, мы учимся вместе.

— Елочка! — закричала Лиза, стоя под узким навесом у подъезда. — Ну что вы под дождем стоите! Идите скорее сюда!

Мы обнялись у входа, Себ немедленно присоединился, воткнув лохматую голову в узкое пространство между мной и Лизой и обхватив нас ручонками за талии. Все-таки удивительно, как мой брат похож на Рейвена, а может, все десятилетние мальчишки похожи: неугомонные, забавные, со смелыми сердцами.

Роэн деликатно молчал, втиснувшись под козырек. Ждал, пока я его представлю Лизе. Себ, пыхтя, освободился из объятий и лукаво сверкнул глазенками, собираясь выдать какую-то каверзу: я-то сразу поняла, родного брата я изучила на отлично. Но сестра помешала.

— Елочка, как же ты выбралась? Вам ведь нельзя на первом курсе! Удрала? Ой!

— Нет-нет, Лиза! Меня… отпустили.

Будем считать, что если тайный ход указал сам король, то это с его позволения я покинула территорию Люминара.

— Разрешили увидеться с мамой, потому что в

родительский день не получилось.

— Да-а, — протянула Лиза. — Знаю. Она очень расстроилась. Хорошо, что какой-то лысый дедулечка пообещал передать тебе корзинку.

— Это мой наставник, — хихикнула я.

Потом обязательно расскажу магистру Кроу, что Лиза назвала его дедулечкой, на что наставник непременно ответит, что он полон сил и до дедулечки ему как до луны.

— Мама будет так рада тебя видеть, Эль! Она сейчас, как обычно, делает уборку в доме эйра Веймера, но к обеду вернется. Мы занимаемся уборкой и стиркой, но раз в доме гости…

Она перевела застенчивый взгляд на призадумавшегося Роэна.

— Ро, — представился принц. — Друг Эль и тоже студент академии.

Роэн решил сохранить инкогнито и правильно сделал: Лиза с Себом в обморок, конечно, не упадут, а вот насчет мамы я вовсе не была уверена.

— Незачем откладывать уборку из-за меня, — продолжил Роэн. — Я совсем не против помочь.

Я уставилась на наследника престола, представляя принца с тряпкой в руках и с косынкой на голове. Воображение дорисовывало фартук в цветочек и мягкие домашние шлепки на босу

ногу. Аж головой затрясла, чтобы столь яркий образ рассыпался, но он оказался невероятно живуч. Теперь Ро будет являться ко мне во снах в фартуке и с метелочкой, помахивая ею, как добрая фея. Мамочки!

— А вот и не друг. Вот и не друг! — встрял Себ, вспомнив о незавершенном деле. — А жених!

— Что? — рявкнула я.

Я попыталась ухватить мелкого пакостника за шиворот, однако он с хохотом ускользнул и унесся в подъезд, напевая: «Жених! Жени-их!»

Я понеслась за ним, перепрыгивая через ступеньки, но Себ захлопнул дверь перед моим носом.

— Себастиан, заткнись! — орала Лиза, поспевая следом.

— Да ладно, он ребенок, — пытался вступиться Роэн, но ему от нас с сестренкой тоже прилетело:

— Молчи!

Я вбежала в нашу полуподвальную квартирку, оглядываясь в коридоре, пытаясь понять, куда прошмыгнул этот мелкий пакостник: в гостиную, кухоньку или в одну из спален. Из гостиной послышался скрежет ножек дивана по полу, и я устремилась на звук.

Себ и Лиза сдвинули мебель к центру комнаты,

готовясь отмывать углы. Из-за спинки дивана показалась всклокоченная макушка. Братец увидел меня, расплылся в улыбке от уха до уха.

— Жени…

Я хищным ястребом взмыла над диваном, подминая под себя Себа, и пыталась зажать ему рот ладонью, пока он брыкался, хохотал и продолжал верещать про жениха. Ну что за ребенок!

— Так, все!

Одна сильная рука обхватила меня за талию и вздела на ноги, другая поймала Себастиана за шкирку и тоже заставила подняться. Роэн застыл между нами, точно голубь мира. Или как орел мира? По комплекции больше похоже.

— Спокойствие, только спокойствие! Давайте займемся уборкой! Себ, руководи.

Себ, польщенный тем, что ему позволили отдавать приказы целому взрослому студенту, немедленно переключился в режим начальника. Посуровел. Оглядел Роэна взглядом знатока.

— Ты сильный и большой. Будешь стирать постельное белье. Мы его в четыре руки выжимаем, а ты и один справишься. Лиза уже натаскала в бочку воды. Лиза-а-а, покажи Ро, где бочка.

— Ой, не надо, — прошептала я в ужасе: принц, стирающий постельное белье в бочке, теперь

явно будет преследовать меня в кошмарах.

— Я справлюсь! — сказал Роэн тоном полководца, отправляющегося на смертный бой.

Лицо примерно такое же мужественное, героическое, готовое к мукам.

Лиза, хихикая, поманила принца за собой на кухню, где в закутке стояла бочка, на полочке стояла миска с мыльной стружкой, лежал старенький валек, покрытый трещинами, в тазах отмокало белье.

— Ты хотя бы видел, как это делается? — слабым голосом спросила я, пока Роэн сурово закатывал рукава рубашки.

— Невелика наука, — фыркнул он.

Уверенной рукой он отправил в бочку три жмени мыльной стружки, туда же опрокинул таз с бельем и с молодецкой удалью принялся тереть его, доставать и снова опускать в ледяную воду. Лиза и Себ застыли в паре шагов, глядя на битву с простынями как на величайшее представление.

А посмотреть было на что. Из бочки клочьями полезла пена, полилась по полу мутным потоком, плескалась на Роэна, так что очень скоро единственным, что оставалось у него сухим, были закатанные манжеты.

— Все под контролем! — уверял Ро, пытаясь со-

скрести пену с бортов и умять ее в бочку, однако мыльная пена отказывалась признавать, что она под контролем, и, пыхтя, лезла наружу.

— Ро, дай…

«Я», — хотела сказать я, но в этот момент будущий король Соларина поскользнулся и растянулся на мокром полу — рубаха и брюки, которые сзади еще оставались сухими, впитали влагу с пола.

— Заодно и тебе вещички постираем, — пискнула Лиза.

— И полы уже помыли, — философски заметил Себ.

Глава 59

Спустя полчаса Роэн, одетый в брюки и рубашку, оставшиеся от папы, сидел за кухонным столом и нарезал идеальными кубиками морковь и картошку на овощное рагу. Хоть папа и был довольно высоким, но все же не таким дылдой, как крокодильшество, поэтому его брюки оказались принцу коротки и из штанин высовывались голые лодыжки, а из рукавов — по-аристократически узкие запястья. Но самого Роэна это, кажется, не смущало, или же он, с молоком матери впитавший правила этикета, не показывал вида.

— Не стоит так усердствовать, — сказала я, разглядывая горку овощей, выглядящих настолько безупречно, что их можно было отправлять на королевский парад.

— Если уж что-то делать, так делать хорошо, — парировал Роэн, не замедляя взмахи ножом.

Чего у него не отнять, так это владения холодным оружием: он профессионально орудовал кухонным ножом, хотя тренировался-то наверняка на боевом.

С бельем мы покончили общими усилиями, оно ждало в тазу, пока на улице прояснится, а пока решили занять Ро чем-то менее разрушительным. Лиза, правда, беспокоилась, что гость лишится пальца, но поглядев, как ловко Роэн управляется с ножом, выдохнула.

Мы оставили его в одиночестве на кухне, а сами занялись уборкой. Я переоделась, подвязала волосы косынкой, и крокодильшество, увидев меня в домашнем уютном облике, улыбнулся неожиданно тепло, а я засмущалась.

Когда мы с Лизой протирали пыль на полках, а Себ пыхтел у себя в спальне, сестренка тихо сказала:

— Елочка, я так рада, что у тебя появился друг. Если честно, мама ужасно беспокоилась, что ты ни с кем не сможешь подружиться в Академии. — Лиза еще сильнее понизила голос. — Особенно со светлорожденным. Он ведь наверняка… богат?

Если бы ты только знала насколько! Но в ответ я лишь небрежно пожала плечами и сказала:

— Ну да, как оказалось, среди светлорожденных встречаются неплох… хорошие парни. Сначала я думала, что он высокомерный сноб, но Ро умеет удивить. — Я помолчала и добавила: — С каждым днем я замечаю в нем все больше положитель-

ного.

— А он просто друг — или?.. — Сестренка лукаво улыбнулась.

Я хотела было фыркнуть: «Ну конечно, просто друг», но поняла, что не могу. Врать я никогда особо не умела, даже себе. Вот так попадос, крокодильшество, ты теперь для меня «или…».

Лиза хихикнула и, чтобы не смущать меня еще больше, умчалась на кухню — отправлять овощи в сотейник и ставить тушиться.

Когда с уборкой было покончено, мы вчетвером расположились вокруг круглого стола, где Лиза уже расставила миски с дымящимся рагу. Рядом на доске лежали ломти серого хлеба, вкусно пахло пряными травами, которые мы всегда заготавливали еще летом, а осенью и зимой добавляли в еду, и самые простые блюда благодаря приправам превращались в изысканные угощения.

Роэн с гордостью разглядывал идеальные кубики овощей в бульоне.

— Красиво получилось, — снизошла я до похвалы.

Крокодильшество расцвел, но тут же напустил на себя строгий вид.

— Очень вкусное рагу. Но думаю, что говядина придала бы ему сытности. Или хотя бы кролик, у

него мясо нежнее.

Ты же мой знаток высокой кухни! Мы с Лизой переглянулись и промолчали, чтобы не смущать гостя, но Себ, наивный ребенок, подумал, что Ро затеял нашу любимую игру в воображаемый пир. Мы придумали ее, когда после смерти папы в доме сделалось совсем плохо с едой. Порой обходились одним лишь завтраком, и счастье, если утром на столе кроме каши на воде оказывались еще яйца. Позже, когда я вышла на работу вместе с мамой, стало полегче. Мясо появлялось на столе хоть и не каждый день, но раза два-три в неделю точно. А до этого мы вечерами, лежа в постели с пустыми желудками, забившись втроем под одно одеяло, чтобы согреться, потчевали друг друга выдуманными блюдами. И чем голоднее мы были, тем причудливее становились угощения.

Себ встрепенулся, выпрямился на стуле и бодро сказал:

— Нет, кролик — это слишком просто. — Он указал на пустое место в центре стола. — Угощайтесь. Запеченные перепелки в горчичном соусе, фаршированные грибами, яйцами и…

— Себастиан! — рявкнула Лиза, заливаясь краской. — Замолчи немедленно!

Себ заморгал, перевел взгляд на меня — я сиде-

ла, сжав губы, — на покрасневшую сестренку и потупился, догадавшись, что светлорожденный маг, сидящий с нами за столом, не оценит нашей грустной игры. Однако и сам Роэн побледнел и молча принялся за еду. Конечно, он все понял, не дурак. Сообразил, что мясо мы в рагу не добавили не потому, что придерживаемся модного в высших кругах овощеедства.

Тягостную тишину, воцарившуюся за столом, прервал звук открывающийся двери и тихие шаги в коридоре.

— Мамуля! — закричал Себ и вскочил из-за стола. — А у нас гости! Ты сейчас в обморок свалишься!

Ой, не хотелось бы! Мама что-то негромко спросила, я не расслышала, а вот звонкий голосок брата звенел колокольчиком на всю квартирку.

— Елочка пришла! Ее выпустили с тобой повидаться! А с ней друг!

— Друг? — удивилась мама.

Роэн отложил ложку, вытер рот салфеткой и встал из-за стола, вытянулся по стойке смирно, встречая хозяйку. Я посмотрела на серьезное высочество и не сдержала улыбки. Он волновался перед встречей с моей мамой. Подумать только!

Через мгновение мама появилась на кухне, вы-

глядела она немного испуганной, а когда увидела долговязого светлорожденного мага, одетого в папины вещи, забеспокоилась еще сильнее. Она не понимала, что происходит, поэтому я поскорее бросилась ее обнимать и беспечно защебетала:

— Это Ро! Он студент академии, мой друг. Ты не переживай, меня отпустили в гости, а Ро решил меня проводить. Все хорошо!

— Почему он в одежде твоего отца? — слабым голосом поинтересовалась мама.

— Все нормально! Ро просто стирал и…

— Стирал? — ужаснулась мама.

— Ну да, и немного намок. Но потом все было просто отлично, он спокойненько резал овощи на рагу и…

— Резал овощи на рагу… — повторила мама на грани паники. — Он ведь светлорожденный, Эль, значит, богат и знатен. Я… Он…

— Я очень рад знакомству, эйри Лир, — подал голос Роэн и склонил голову. — Быть гостем в вашем доме честь для меня.

— Мамуля, ты прости, мы уж его сразу накормили, думали, вдруг ты задержишься, — зачастила Лиза.

— И правильно сделали! — воскликнула мама. — А как же вас зовут, молодой человек?

— Ро… Просто Ро.

Мама уставилась на крокодильшество, ее взгляд сделался пристальным. Потом она схватила меня за руку и вывела с кухни.

— Ро. Высокий рост под два метра. Длинные светлые волосы. Миррель, умоляю, только не говори мне, что ты притащила в дом наследного принца!

— Никого я не притаскивала, — возмутилась я, уходя в оборону. — Он сам пришел!

Глава 60

Мама прижала к щекам ладони и прислонилась к стене. Этак я ее точно до обморока доведу!

— Мамуля, ты только не волнуйся! Принц он или не принц — в Академии это абсолютно неважно! Нас учат тому, что в стенах Люминара мы все равны, — затараторила я, мешая ложь и истину, лишь бы успокоить маму. — И у Роэна… практическое задание! Да! Научиться общаться с простыми людьми и с пепельными магами.

Пресветлый, что я несу! Вот и мама смотрела с недоверием. Ничего, очередная порция правды должна ее убедить.

— Нам даже задали писать реферат на одну и ту же тему: о пользе магии хаоса.

Ладно, насчет пользы магии хаоса я чуточку лукавила, но ведь реферат мы действительно писали, глядишь, еще вернемся к нему!

Одно меня радовало: маме не придется долго переживать по поводу того, что она не смогла принять наследного принца Соларина в своем доме так, как он того заслуживал, ведь день совершит виток и вернется к началу — и мама, и

Лиза, и Себ забудут все, что происходило сегодня. Даже жаль.

— Ну что же, — сказала мама, распрямляясь во весь свой невысокий рост и приглаживая волосы. — Полагаю, практическое задание по знакомству с простыми людьми его высочеству зачтут на отлично.

Прежде чем снова зайти на кухню, она прищурилась и проникновенно, как умеют только мамы, прекрасно знающие несносный и упрямый характер дочерей, спросила:

— Елочка, ты ведь уже давно оставила идею выйти замуж на наследника престола, правда?

— Конечно! — Я приложила руку к груди, точно клялась на священной книге, однако так как я Писанием не была, то, пожалуй, слова клятвы и не следовало принимать всерьез, но мама, кажется, вздохнула с облегчением. — Кстати, нас отпустили с ночевкой. Вернемся в академию…утром.

Утром нас здесь уже не будет, но откуда бы маме об этом знать. Она, уже было успокоившаяся, пролепетала:

— Пресветлый, на все Твоя воля! Да где же я его уложу? Принц привык к другим условиям!

— Он совсем неприхотливый, — отмахнулась я. — Поспит на кровати Себа. А Себ… Постелем

ему тюфяк на полу.

Мы вошли на кухню, и Роэн, аккуратно подбиравший ложкой остатки рагу, снова поднялся на ноги.

— Пожалуйста, чувствуйте себя как дома, Ро, — попросила мама, присаживаясь на свободное место за столом.

Лиза поспешила к плите, схватив чистую миску, а Роэн уже держал поварешку, как заправский повар, и щедрой рукой положил рагу с горкой.

— Ро резал овощи! — провозгласил Себ.

— Ну какой хороший мальчик, — слабым голосом произнесла мама, массируя висок.

После обеда выглянуло солнышко, мы втроем — я, Лиза и мама — отправились развешивать белье на веревки под окнами. Себастиан оккупировал внимание Роэна и, едва тот уселся на диван — продавленный и скрипучий, зато укрытый пледом, который я вязала сама, — принялся мучать его коллекцией жуков.

Когда я вернулась с улицы, на коленях Ро теснились спичечные коробки с сушеными тельцами несчастных насекомых. Вид у высочества был слегка обалдевший, наверняка никогда прежде он не наблюдал вблизи такого количества тараканов, составляющих основу коллекции

Себастиана. Братец же, видя, что Роэн не сопротивляется знакомству с рыжими созданиями, заливался соловьем.

— Вот этот смотри какой толстенький! Наверное, из булочной приполз! Так, тараканчики кончились. Теперь полюбуемся на бронзовок!

Роэн заметил меня на пороге и вперил в меня умоляющий взгляд: «Спасите!»

— Обязательно покажи Ро свою гордость — медведку, которую ты откопал в огороде бабули Эмми, когда помогал ей собирать картошку! — безжалостно сказала я, мысленно хихикая.

Вот уже поистине творение магов хаоса, даже жаль, что на самом деле мы не приложили к нему руку. У меня при взгляде на чудовищную медведку все волосы на руках становились дыбом от ужаса. Ну а ты как думал, высочество — такие вот игрушки у пепельной ребятни.

— Точно! Я мигом! — подскочил Себ.

Он бросился в спаленку и скоро явился с коробком в руках.

— Кораблик!

Неожиданное заявление остановило Себа на подлете.

— Что «кораблик»? — заинтересовался он.

— Умеешь складывать из бумаги? Я научу. По-

сле дождя его можно пускать в лужах.

— Кора-аблик! — зачарованно протянул Себастиан. — Научи! Лиза-а-а, можно использовать твои старые тетрадки?

— Можно, — отмахнулась Лиза. Она тоже вернулась и стояла у полки с книгами, ведя пальцем по корешкам. — Почитаем, Елочка? Раз уж ты сегодня в гостях? Отличный вечер получится!

У нас существовала традиция: когда появлялось свободное время, обычно как раз по вечерам пятницы, мы собирались всей семьей в гостиной, выбирали книгу и читали вслух по очереди. Лучше всех, конечно, читала мама, она умела подобрать интонацию для каждого героя и, кажется, никогда не уставала, перелистывая страницу за страницей. Меня тоже слушали с удовольствием. Лиза частенько запиналась, так как торопилась. Себа слушать было практически невозможно, так что ему давали прочитать лишь страничку-другую.

В этот раз он сразу заявил, что будет только слушать, потому что «очень занят кораблестроением». Сегодня читали нашу любимую историю о путешествии пепельного мага в дальние страны и о его приключениях.

Я слушала книгу и внимательно наблюдала

за Роэном. Что, если он все время притворялся и его доброжелательное отношение к отребьям Пепелища лишь маска? Наследный принц еще и прирожденный политик, сейчас ему выгодно показать себя передо мной в лучшем свете. Если это так, я обязательно замечу. Невозможно все время держать лицо, особенно теперь, когда он думает, что я не слежу. Если бы в его глазах хоть раз мелькнула холодность при взгляде на Себа, я бы немедленно вытолкала высочество за дверь.

Но чем дольше я наблюдала за склоненными друг к другу головами — темной и светлой — тем шире становилась улыбка на моем лице. Роэн с таким увлечением объяснял Себу, как нужно сгибать листок, чтобы превратить его в кораблик, будто сам сделался мальчишкой. В какой-то момент, когда у Себастиана получилось все сделать самому, Ро потрепал его по встрепанным волосам.

— Мы на улицу! — крикнул Себ спустя некоторое время.

На диване выстроилась в ряд целая эскадра кораблей, корабликов и лодчонок.

— Пойдем запускать кораблики!

— Не волнуйтесь, я за ним присмотрю, — сказал Роэн.

— Это еще кто за кем присмотрит! — возмутился Себ.

— Он такой милый — этот Ро, — вздохнула Лиза, когда за парнями — большим и маленьким — закрылась дверь. — Решено! Я тоже поступлю в Люминар, найду себе белобрысенького и стану с ним дружить!

Роэн и Себ вернулись спустя час, когда мы подбирались уже к десятой главе «Путешествий мага». Первым влетел Себастиан, мокрый до нитки. Я бросила взгляд за окно: дождь давно кончился.

— А мы! А он! — Себ от переизбытка чувств забыл все слова. — Меня макали в лужу! Эти дураки с соседней улицы. Кричали, что надо затушить уголек. А Ро! Ух! Он огнем кидался и кричал, что сам их сейчас в угольки превратит!

Себ испуганным не выглядел, наоборот, пребывал в восторге. Роэн вошел следом за Себастианом, вид у него был виноватым.

— Простите, я отвлекся буквально на минуту. Себ не пострадал.

— А «дураки с соседней улицы»? — лукаво спросила я, хотя мама поглядела неодобрительно.

— Кажется, целы, — сказал Роэн, смущенно потер лоб и добавил: — У одного, правда, появилась

проплешина. Но я его потушил.

— Лысый! Он теперь лысый! — Себ радостно подпрыгивал на месте.

— А ты почему такой мокрый? — Я боролась со смехом, Лиза уже откровенно хихикала, и только мама огорченно вздыхала.

— Он нес меня на руках! — сдал Роэна Себастиан.

— Так, всем переодеваться, а потом пойдем греться чаем! — велела мама, подводя итог неприятной истории со счастливым финалом.

Вечер наступил неожиданно быстро, стремительно стемнело, как всегда случается в конце осени. В нашем доме хорошо были заряжены только лампадки в гостиной, в спальнях едва-едва, но для того, чтобы раздеться и нырнуть под одеяло, много света и не требовалось.

Мама постелила Роэну на кровати Себа, и сразу стало понятно, что длинные ноги высочества будут свисать с края кровати. Он, правда, уверил, что ничего страшного в этом нет.

— Мне все время кажется, что я вижу причудливый сон, — тихонько призналась мне мама, пока мы с ней заталкивали одеяло в пододеяльник. — Я уже несколько раз себя ущипнула.

Мы с Лизой, по обыкновению, улеглись в

спальне, которую делили на двоих. Мама всегда гордилась тем, что, хоть наша квартирка находится в полуподвальном помещении и комнатушки в ней крошечные, все же у нас есть и кухня, и гостиная, и даже три спальни. Когда-то давно квартирку удалось купить благодаря драгоценностям, которые сберегла прабабушка, сбегая из горящего Куарона. От фамильных украшений теперь не осталось даже воспоминаний…

— Как хорошо, что ты дома! — прошептала Лиза. — Я скучала! Расскажи мне про Люминар.

Я рассказала обо всем хорошем, что встретило меня в стенах академии. О вкусных завтраках и обедах, о славной преподавательнице зельеварения и смешном магистре Виксе, об интересных занятиях, а главное — о магистре Кроу. Мудром и справедливом.

Лиза слушала, слушала и уснула. Мама еще долго не ложилась. Я слышала, как она тихонько приотворяет дверь в нашу спальню, стоит на пороге, любуясь спящими дочерями. Потом так же осторожно заглядывает в комнату Себа. В конце концов она ушла к себе, и все магические лампады погасли.

«Завтра я снова поговорю с магом, — подумала я. — Завтра он нам поможет…»

Я закуталась в одеяло, но не успела погрузиться в дрему, как дверь приоткрылась и на пороге появился Роэн в коротковатых для него папиных брюках. Рубашку он надеть не удосужился, в темноте его светлая кожа будто сияла, и я отчетливо видела крепкий обнаженный торс, рельефные мышцы живота. Сглотнула сухим горлом.

— Елочка, — шепотом позвал Роэн. — Спишь?

— Если бы спала, мы бы с тобой уже оказались в другом месте! — Лучший способ бороться с растерянностью — язвить. — И с каких пор я для тебя Елочка?

— Эль, — смиренно исправился принц. — Можно с тобой поговорить?

— Говори.

Пресветлый, почему так колотится сердце? Кажется, оно так грохочет, что его стук разбудит Лизу!

Роэн сел на пол рядом с моей постелью и взял меня за руку, лежащую поверх одеяла, таким привычным жестом, точно моя рука уже безраздельно принадлежала ему. Сказал, что хочет поговорить, а сам молчал, глядя в темноту. Придется начать первой.

— Знаешь, Роэн, не думала, что когда-то это скажу. Но… Спасибо за этот день. Не каждый свет-

лорожденный решился бы прийти на Пепелище и вести себя… ну, как нормальный человек.

— Я ведь ничем не рискую, — негромко сказал Роэн. — День повторится, и твои родные не вспомнят, что у них в гостях побывал наследный принц.

— Ах да. Как я могла забыть! Очень удобно!

Я попыталась забрать руку, но Роэн не отдал.

— Погоди, Эль! Позволь мне собраться с мыслями. Да, они забудут, что я приходил в ваш дом, но я буду помнить! Понимаешь?

— Не совсем…

— Сначала я ненавидел петлю времени, в которую угодил. Даже думал, что ты подстроила все специально, чтобы досадить мне, наказать…

— Еще ты думал, я насылаю на тебя кошмары, — напомнила я.

Роэн погладил большим пальцем тыльную сторону моей ладони.

— Теперь я благодарен. Не только за то, что ты пыталась спасти мою жизнь. Благодарен за эту возможность увидеть, узнать…

Он замолчал, подбирая слова, и начал заново.

— Я был уверен, что знаю, как живут пепельные маги. Нам показывали отчеты, доклады, сухие цифры. «Им всего достаточно», «они опасны», «так

безопаснее для королевства». Я верил. Удобно верить в то, что избавляет от ответственности.

Он медленно покачал головой.

— Но сегодня… сегодня я увидел другую правду. Я увидел людей. Себастиана, который любит жуков. Лизу, которая остается спокойной, даже когда гость пытается устроить потоп. Кстати, совершенно непонятно, как две родные сестры могут быть такими разными. Мягкая и колючка!

Бамс! Я дала Роэну щелбан. Ладно, только хотела дать. Он беззвучно рассмеялся и прошептал:

— Колючки мне больше по душе. Так вот… Петля времени. Спасибо тебе за нее. Иначе я бы так и остался тем правителем, который рассуждает о справедливости, не выходя за стены дворца. Я узнал другую жизнь, Эль. Ту, от которой меня берегли. Или которую мне просто было выгодно не замечать.

Роэн поднял на меня глаза, и в темноте они казались почти черными — серьезными, упрямыми. Он сжал мою руку крепче.

— Я не знаю, чем закончится этот день. И сколько их у нас еще. Но я клянусь тебе: если я взойду на престол, я изменю жизнь пепельных магов. Так, как сейчас, продолжаться не может.

— Снова обещание, Роэн? Как я могу тебе ве-

рить!

— Не верь моим словам, — тихо сказал он. — Слова могут обмануть. Поэтому я докажу делами.

Я молчала и едва дышала. В груди пекло — это подкатывали слезы. Надежда во мне боролась с отчаянием.

— Хорошо. Докажи, — прошептала я. — Тогда и посмотрим.

Роэн наклонился и прижался теплыми губами к моей щеке, замер. Поцелуй был точно печать, скрепляющая обещание. Не оттиск герба на бумаге, а прикосновение сердца к сердцу.

Едва он отодвинулся, я обвила руками его плечи и притянула к себе, покрыла поцелуями лицо, и вот наши губы встретились для жаркого и жадного поцелуя.

Мы уснули в объятиях друг друга, тесно прижавшись на узкой кровати. Изгибы наших тел совпали, когда Роэн обнял меня со спины. Его теплое дыхание убаюкивало, овевая мои волосы на затылке.

Поэтому так грустно и холодно было снова проснуться одной в комнате общежития. Шлеп! Я поймала каплю на лету в раскрытую ладонь.

Глава 61

Я поскорее набросила на плечи накидку и выскочила на улицу, не в силах ждать и секунды. Я увидела Роэна в начале заросшей дороги, что вела от светлой половины, от студенческого общежития, а он увидел меня и побежал навстречу. Мы обнялись под дождем, и хотя сквозь плотные накидки невозможно было ощутить биение наших сердец, мне чудилось, что они стучат в унисон.

— Что случилось, Эль? — с тревогой спросил Роэн, наклоняясь, чтобы заглянуть мне в лицо. — Куда ты так бежишь?

«К тебе, к тебе, глупый!» — отстукивало сердце, но вслух я сказала другое:

— Давай поторопимся, отыщем мага хаоса. Я попробую его убедить…

— Я попробую! — сказал Роэн, сжимая мою ладонь и тем самым обрывая возражения. — Наверняка он ждет, пока я сам с ним поговорю. И мне есть что ему сказать.

Я вздохнула и кивнула. Мы побежали по мокрой листве, по едва заметной тропинке туда, где в прошлый раз встретили мага. Я до сих пор не

понимала — он друг нам или враг? От кого он скрывается? Какие интересы преследует? Как бы там ни было, похоже, он единственный может дать дельный совет, и я не собиралась упускать возможность.

Мы с Роэном устроились под ветвями дуба, вглядываясь в просвет между деревьями, туда, где вчера появился пепельник. Однако сегодня нас ожидал сюрприз.

— Молодые люди, — раздался спокойный голос с противоположной стороны.

Я вздрогнула от неожиданности, а Роэн резко развернулся и задвинул меня за спину, закрывая собой. Маг наблюдал за суетой с улыбкой, которая едва тронула краешки его губ. Он не угрожал, не хмурился, не уходил, просто ждал.

— Я… — хрипло начал Роэн, и теперь наступила моя очередь стискивать его ладонь, поддерживая своим теплом и уверенностью, которой я вовсе не ощущала на самом деле. — Я Роэнмар Асториан, наследник престола Соларина.

— Я знаю.

Роэн рвано выдохнул и продолжил, не дав сбить себя с мысли:

— Едва ли я достоин вашего уважения и симпатии, но…

Маг скрестил руки на груди. Он смотрел не в лицо принцу, а на наши переплетенные до синевы фаланг пальцы.

— Если вы действительно понимаете, как разорвать петлю времени, прошу, помогите. Эль не должна вечно кружиться в этом дне, как белка в колесе. Она только хотела помочь мне, хотя, видит Пресветлый, я ничем не заслужил ее самоотверженного заступничества.

Роэн говорил горячо и искренне, и молодой маг не перебивал, внимательно слушал, наклонив голову и чуть изогнув бровь.

— Я даже не представляю, каково ей было одной тащить на плечах такой груз. Наверное, другая бы наплевала на высокомерного сноба, портящего ей жизнь, но не Эль. День за днем она пыталась меня спасти. И будет справедливо, если теперь вы поможете ей!

— А тебе? — спросил маг.

Роэн задумался, хмурясь. Он на самом деле взвешивал все за и против и сделался так серьезен, что я испугалась за него. Встала рядом, бок о бок, и, хотя он моего заступничества не просил, не могла дальше молчать.

— Может быть, сейчас вам кажется, что Роэну не стоит помогать, но он уже многое понял и,

когда взойдет на престол, изменит жизнь пепельников к лучшему. Я ручаюсь за него! Я…

«Люблю его!» — повисло на кончике языка. И, произнеся эти слова даже мысленно, я вздрогнула, потому что впервые осознала правду. Я влюбилась в высочество. В этого высокомерного Златовласку. Во вредное крокодильшество, которое не раз хотела придушить. В какой момент это случилось? Мое сердце раскрылось Роэну, когда я впервые поцеловала его, умирающего. Или когда он из последних сил крикнул «Беги». Когда защищал от озверевшей шайки парней? Ловил за подол над рекой? Стряпал рагу? Нес Себа на руках? Или все эти частички наших общих воспоминаний складывались на невидимую чашу весов и в конце концов с лихвой перевесили мою ненависть?

Роэн словно услышал несказанные слова. Он быстро повернулся и посмотрел долгим, будто вмещающим меня целиком взглядом.

— Эль…

Струи дождя текли по его щекам, как слезы.

— Хорошо, — тихо сказал маг хаоса. — Но вы должны довериться мне и в точности исполнить то, что я скажу.

— Да! — согласился Роэн, и я осторожно кив-

нула, все еще не до конца уверенная в благих намерениях черноволосого мага в отношении принца.

Многие его слова меня пугали. Особенно высказывание о том, что власть над Соларином больше не будет принадлежать светлорожденным. И все же других вариантов, кроме как положиться на таинственного мага, не оставалось.

— Что мы должны сделать?

— Позволить этому дню идти так, как должно. С утра до вечера.

— Но… — От ужаса я едва не задохнулась. — Если мы просто поплывем по течению, Роэна сегодня вечером убьют его кузены!

— После свидания в часовой башне? — приподнял брови маг: мол, ничего нового ты мне сейчас не сообщила.

Мы с Роэном переглянулись, он кивнул: «Ничего. Рискнем». У меня сердце было не на месте от таких тревожащих условий.

— Значит, прожить день как обычно, — подытожила я. — Лекции, практикумы, реферат? Свидание…

Под ребрами засосала неприятная пустота. Свидание с Бэт. Я уж думала, эта часть жизни навсегда осталась позади. Придется перетерпеть.

Ради Роэна.

— Мы повторим день, но в этот раз он закончится? На самом деле закончится? Петля разорвется?

Мне нужны были какие-то гарантии, твердое обещание, но, похоже, маг хаоса не торопился его дать.

— Вы ручаетесь, что Роэн останется жив? — взмолилась я.

— Не могу.

— Тогда зачем это все? Ро, пойдем!.. Он просто… просто бесчувственный чурбан и, кажется, издевается над нами.

— Эль, подожди! — Роэн обнял меня и притянул к себе. — Насколько я понимаю, наш новый знакомый появится в роковой момент и что-то предпримет. Верно?

Он взглянул на мага, который оставался бесстрастным, суровым, словно выточенным из мрамора, и даже струи дождя стекали по его лицу, будто бы не причиняя ему неудобств.

— Верно, — ответил он. — Теперь идите. Тренировка на полигоне скоро начнется.

Роэн кивнул и потянул меня за собой прочь, а я все оборачивалась на ходу, пытаясь прочитать на красивом, но застывшем лице нашу с Ро судьбу.

Глава 62

Роэн поцеловал меня на развилке дороги и, прежде чем отпустить, на мгновение крепко прижал к груди.

— Встречаемся у полосы препятствий, — сказал он. — Пусть все идет как должно.

— Да, — откликнулась я.

Влетела в комнатушку, принялась спешно переодеваться в форму и вдруг застыла с рубашкой в руках, не в силах вздохнуть. Меня накрыло запоздалое осознание: «сегодня» повторяется в последний раз — все решится так или иначе. Сделалось страшно. Как бы ни допекла меня эта повторяющаяся пятница, последние дни с Роэном оказались очень даже приятными, я чувствовала себя в безопасности и, пожалуй, могла бы так пожить еще недельку-другую. Я не готова, не готова…

— Я готова! — решительно произнесла я вслух.

Заплела волосы вокруг головы, завернулась в накидку и поспешила на полигон.

Магистр Калестор расхаживал перед строем парней, стискивающих зубы, и повторял слова,

которые я давно выучила наизусть:

— Будущие боевики должны привыкать к тяготам несения службы. В грозу или зной, в метель и ураган — вы должны стоять нерушимой стеной, оберегая покой Соларина!

Пока мы с Роэном проводили время в Нов-Куароне, казалось, будто жизнь в Люминаре продолжает идти своим чередом, но нет — вот оно, яркое доказательство проклятой временной петли.

Я огляделась в поисках Ро, однако ни он, ни его кузены пока не появились. Каково ему будет сохранять самообладание, зная, что его убийцы каждую секунду стоят за спиной?

Я бросила накидку на груду других, сложенных на деревянном снаряде, и встала в строй. Нервы были напряжены до предела, и я не обращала внимания ни на холод, ни на ледяные капли воды, стекающие за воротник.

— Самый слабый студент по правилам проходит трассу последним, и все же предлагаю сегодня пропустить студентку Лир вперед, — услышала я голос тренера, и не успела я отрицательно покачать головой, как к предложению магистра присоединился возникший словно из ниоткуда Роэн.

— Миррель пройдет трассу первой, — сдержанно сказал он, вот только в кажущемся бесстрастным тоне скрывался приказ и воля будущего короля — кто же посмеет ослушаться?

Он посмотрел на меня — спокойный, хоть и бледный. Улыбнулся: «Все хорошо». За его плечом маячил Бэзил, чуть поодаль шагал Тим. Они не выглядели опасными, парни как парни, но от одного взгляда на эту парочку заледенело сердце.

«Скоро увидимся», — ответила я одними глазами. Сейчас, при свидетелях, мы не могли перекинуться и парой слов.

Через полосу препятствий я неслась так, словно от этого зависела моя жизнь. Пока ноги ритмично отрывались от земли, легкие вбирали воздух, а руки сжимались в кулаки, удавалось не думать о том, что случится вечером.

Выбравшись из земляного лаза, я занесла руку для удара по мишени, зная, что произойдет дальше: щит исчезнет и вернется с надписью «Время». Щит растворился в воздухе. У стартовой черты раздавались изумленные возгласы, я даже не стала ждать, развернулась и побрела по грязи к тренеру. Однако заметила удивление на лице Ро: он смотрел то на меня, то за мою спину, и все же обернулась. «Самое время!» — было написа-

но на щите. Ого! Да пепельный маг не промах, неужели и здесь приложил руку? Честно — такое могущество пугало.

Я вполуха выслушала наставление магистра Калестора явиться к ректору. Как бы мне ни хотелось остаться с Роэном, надо уходить, чтобы не нарушать привычного хода вещей. Видимо, и Ро задержался потому, что все должно быть готово для свидания: корзина с персиками, букет прекрасных пурпурных роз для Бэт…

«Дыши, Эль, дыши! Не так уж это и больно. Подумаешь! Это лишь игра. Он не станет ее целовать… ведь не станет?»

Вернувшись в общежитие, я распустила косу, чтобы хоть немного просушить пряди, натянула платье с пауками. Зачем-то посмотрелась в зеркало, покрытое темными пятнами от старости. Пепелушка как есть: копна черных волос, которые вьются и торчат во все стороны как им угодно, бледное лицо с узким подбородком. Пожалуй, всей красоты — большие синие глаза, но и они смотрели испуганно. Ладно, ничего нового Роэн не увидит. Вот она я: черный вороненок в стае белых лебедей.

Еще в коридоре, не доходя до аудитории, услышала веселые голоса девчонок: «Это Роэн, это все

он!» Набрала воздуха в грудь и зашла. Как обычно, на появление пепелушки никто не обратил внимания. На столах стояли корзинки, однокурсницы хвастались розами, нюхали их друг у друга — смешно, будто аромат мог отличаться.

Стараясь не смотреть на Бэт, я села на свое место. Стиснула ладони между колен. Скорее бы все произошло! Будет больно, а потом отпустит.

Я все же не выдержала и поглядела сначала на Оливию и Мику, что болтали, присев на край парты Бэтти.

— Я думаю, что Роэн это затеял не просто так, девочки, — донесся до меня голос Оливии. — Давно ходят разговоры, что наш прекрасный принц собирается пригласить Бэтти на свидание.

— Ой, скажешь тоже, — кокетливо запротестовала Бэт.

Конечно, она знала о слухах и не сомневалась, что наступил ее звездный час. Все эти корзины с фруктами, все эти цветы — чтобы сразить ее наповал.

Я сглотнула и перевела взгляд на прехорошенькую блондинку, первую красавицу на курсе. Все же стоит признать — она невероятно мила…

— Ты такая счастливая, Бэтти, — пискнула Мика. — А тебе какую розу подарил Роэн?

Бэт немного растерялась, как, впрочем, и я — на столе перед ней стояла корзина, накрытая салфеткой, но прекрасного пышного букета я не наблюдала.

— Думаю, что Роэн принесет цветы с собой! — сообщила она, задрав подбородок. — Так правильнее!

— Ну да. Да-да, — закивали девочки и тут же замолчали, уставившись за мою спину.

У меня мурашки побежали по шее, как от чьего-то пристального взгляда. Хотя почему от «чьего-то». Роэн стоял в дверном проеме и держал в руках самый прекрасный букет, какой я только видела. На этот раз розы были нежно-розовыми, их было больше десятка — свежих и ярких.

Бэт поднялась со стула, делая вид, что раскладывает учебники. Мика, Оливия и Пенни, тихонько хихикая и прикрывая ладошками рты, смотрели на нее.

Я стиснула спинку стула. Очень хотелось уйти, не видеть, не знать… Но я сама приняла правила игры, я обещала. Ради Ро…

Роэн переступил порог и неожиданно, вместо того, чтобы пробираться вперед, свернул в сторону. Под пристальными, недоумевающими, изумленными взглядами подошел ко мне. Встал

в шаге, улыбнулся и протянул мне букет.

— Эль, позволишь пригласить тебя сегодня на вечернюю прогулку?

В аудитории повисла гробовая тишина, в которой раздался сдавленный всхлип Бэт. Десятки глаз уставились на меня и на Роэна, но меня волновала только одна пара — синие глаза моего прекрасного крокодильшества. Он смотрел с нежностью и даже — невероятно! — с волнением. Ведь я молчала, и он не был уверен, что я не откажу.

— Конечно! — сказала я как ни в чем не бывало и приняла букет из его рук.

Так-то, Бэт.

Глава 63

— Это что, шутка такая? — воскликнул Тим Вейлар — единственный, кто решился спросить, пока остальные переглядывались.

— Ты ведь не собираешься указывать его высочеству, кого он должен выбирать! — Бэзил вышел из ступора и, судя по широкой улыбке, скорее напоминавшей оскал, быстро разглядел все плюсы такого неожиданного поворота событий.

Как удобно: жертва и главная подозреваемая останутся наедине. Никаких свидетелей. Не придется увещевать Бэт. Можно избавиться от нас одним махом, как Элмер и собирался в прошлый раз, и представить безутешным родителям Роэна свою версию событий. Ах, эти пепельные маги так коварны. Кто же мог подумать, что эта неблагодарная девчонка задумала убийство! Роэн оказался так доверчив, попросил телохранителей оставить их один на один. Какая утрата! Им теперь жить с этой болью до конца жизни. Кстати, надо бы выбрать нового претендента на трон!

Элмер ухватил Тима за локоть и оттащил в сторону, что-то прошипел тому на ухо, вправляя

мозги. Тим оглянулся на нас и кивнул кузену. Похоже, они решали нашу участь. По коже побежали мурашки, и я скорее спрятала лицо в пышные бутоны, закрывшись от надвигающейся грозы. Почувствовала, как теплая ладонь Роэна осторожно легла между моих лопаток, словно обещание, что все будет хорошо. Мы пройдем через это вместе, вдвоем. Мы справимся.

Оливия и Мика тихонько утешали Бэт. Я посмотрела на несостоявшуюся невесту Роэна, надеясь, что она не льет слезы. Хотя в этом витке времени принц ничего ей не обещал и я вовсе не должна чувствовать себя виноватой. Бэт, в свою очередь, уставилась на меня, прожигая злобным взглядом, и сжимала губы в тонкую линию. Сразу видно, какая ты душка, Бэтти. Ростки сочувствия в моей душе тут же завяли и засохли на корню.

Однокурсники уселись за парты, девчонки сбились в стайки, но никто не решался обсуждать поступок Роэна. Они не верили тому, что увидели собственными глазами, они не знали, как себя вести. Какая богатая почва для пересудов на ближайшие… два столетия.

Мне вдруг сделалось смешно. Бедные. Какой шок!

— Кажется, магистр Кэлл сегодня не при-

дет, — сказала я. — Что, если нам отправиться в Пузырек? Будет больше времени, чтобы приготовить какое-нибудь сложное зелье!

— Да! — подхватил Роэн. — Я… пока поднимался, слышал, что сегодня занятие по элементалистике отменяется. Так чего нам здесь сидеть?

Мы переглянулись. На самом деле мы оба хотели найти по дороге из корпуса в корпус несколько минут для разговора.

Я застегнула накидку и выскочила первой, прижимая к груди розы. Про корзину и не вспомнила: персики там лежат или угли — теперь не имело никакого значения. Роэн задержался, чтобы перекинуться парой слов со своими кузенами: нельзя, чтобы они засомневались и перенесли план на другой день.

Ро нагнал меня на узкой дорожке, спрятанной между деревьями. Я специально свернула сюда, подальше от любопытных глаз. Я загодя услышала приближение шагов, хлюпанье мокрых листьев и улыбнулась, предвкушая. И Ро не подвел, обнял меня со спины. Мы замерли в объятиях друг друга на бесконечно долгую и катастрофически мимолетную секунду.

— Я боюсь, — вздохнула я. — Что, если нельзя нарушать заведенный порядок вещей? Ты дол-

жен был позвать Бэт, а пригласил меня…

Роэн прикоснулся губами к моему виску. Ответил, притворяясь беспечным:

— Этот мрачнила сказал: пусть день идет как должно. И я считаю, что должно именно так!

— Мрачнила! — фыркнула я. — Вот уж правда. Зловещий тип. Он мне сначала нравился, но теперь я его опасаюсь. Стоит ли ему верить? Может… Роэн, может, все же отправить с ректором весточку к твоему отцу и в охранку. Подстрахуемся?

— Нет, — тихо, но твердо сказал Роэн. — Нельзя. Я уверен, что тогда он нам помогать не станет.

Он крепко стиснул меня в объятиях, будто боялся, что я ускользну, растворюсь в воздухе, словно дым.

— Не бойся, Эль, тебя он точно не даст в обиду. И я сделаю все, чтобы тебя защитить!

Магистр Перенея очень удивилась, когда наш курс в полном составе ввалился в лабораторию алхимии.

— Какое поразительное рвение! — всплеснула она руками. — В мое время студенты с чистой совестью прогуляли бы свободную пару!

— Там дождь, — буркнул Урисон. — Но я вообще-то согласен просто погреться!

— Чаю попить, — мечтательно подхватила Пенни.

— И чаю попьем, и согревающую настойку приготовим! — воодушевилась преподавательница. — Зажигаем спиртовки, а я пока за травами схожу!

Магистр Перенея вернулась с охапкой сухих трав, аккуратно разложила их на столе, хитро улыбнулась и принялась снимать с полок керамические чаши для нагрева и алхимические стаканы, призванные, видимо, заменить кружки. По аудитории пронесся одобрительный гул.

— О, на самом деле будем пить чай? — изумился Майлз.

Спиртовки зажглись одна за другой, и в воздухе почти сразу поплыл мягкий, густой запах трав — теплый, успокаивающий, а я почувствовала себя дома. Так, словно сейчас конец лета и мы с мамой сушим травы, разложив их на противни. Пахло сушеной мятой и чабрецом, зверобоем, сладкой липой.

За окнами тем временем разошелся дождь, до просвета оставалось примерно полчаса — этот день я изучила и запомнила минуту за минутой. Капли барабанили по стеклу, стекали кривыми дорожками, хмурые облака заволокли небо до са-

мого горизонта, внутри же сделалось неожиданно уютно: пламя спиртовок дрожало, отражаясь в стекле колб.

— Вот это я понимаю — практика! — пробасил Урисон, и все рассмеялись, будто бы отличной шутке, но на самом деле радуясь такому приятному практическому занятию.

В этот момент, под стук дождя и запах трав, мир стал казаться безопасным. Я поймала взгляд Роэна, он улыбнулся в ответ. Мы снова меняли день, но сейчас мне как никогда хотелось верить словам Ро: «Все идет как должно».

Глава 64

Дальше день помчался вприпрыжку, как бы мне ни хотелось его немного притормозить. Казалось, я только моргнула, и вот уже закончилось зельеварение и началась артефакторика. Магистр Викс был все так же бодр и энергичен, но с чего бы ему вести себя иначе.

Моя рука сама собой потянулась за кварцем, но я остановилась. Сегодня мне *отведиглаз* не понадобится. А вот Роэн что-то старательно мастерил, закрывшись от меня спиной. Что-то небольшое — никак не получалось разглядеть предмет в его руках. Что-то из тонкой проволоки и кошачьего глаза, который Ро сначала разбил молоточком на кусочки поменьше. Элмер вытянул шею, любопытствуя, а потом вытаращил глаза. Да что же там такое!

— Над чем ты так усердствовал? — спросила я полушутя-полусерьезно.

— Да так, — улыбнулся Ро. — Расскажу позже.

— Я надеюсь, что это какой-то особенно сильный и редкий боевой артефакт, секрет создания которого тебе раскрыл отец, — проворчала я,

досадуя, что Роэн напускает таинственность. — Ведь так? Боевой артефакт? Он нам поможет… — Я понизила голос до шепота. — Вечером. На свидании.

— Хм… Ну… В каком-то смысле это артефакт. И, надеюсь, будет не лишним на свидании. — Роэн отчего-то смутился, но тайну все равно не раскрыл.

После занятий пришлось разойтись: я отправилась к ректору, а Роэн собрался было идти сразу в библиотеку и садиться за реферат, однако я уговорила его сходить на обед.

— Вместе мы справимся быстрее, а без еды голова вообще работать перестанет. Мы ведь не завтракали.

— Ладно, ты права, — согласился Ро, потом прищурился. — Смотри, магистру Янгвину ни слова! Эль, знаю, что будет трудно сдержаться, но только так мы покончим с ловушкой времени.

— Ох, надеюсь…

Я выскочила из Пузырька и едва не вернулась обратно, собираясь подкараулить Мику. А потом нервно хихикнула и шлепнула себя по лбу. Сегодня Мика не придет! Бэт не отправит ее с поручением к принцу, Мика не подслушает разговор кузенов, и ее жизнь будет вне опасности!

Еще одно доказательство того, что мы все делаем правильно.

— Какие у вас прекрасные редкие жуки в коллекции! — сообщила я ректору, присев на краешек стула.

Брови магистра взлетели на лоб.

— Разбираетесь в жуках? Впрочем, судя по вашей форме, вы любите… хм… естественные науки.

— Мой брат любит! — Зачем я принялась болтать о Себе и жуках? Не иначе, воодушевилась тем, что день идет по непредсказуемому, но, кажется, верному сценарию. — Правда, его коллекция еще не так разнообразна. Хотя в ней есть сушеная медведка!

— Поистине исчадие хаоса, — хмыкнул ректор, и я согласно рассмеялась.

Покидала я кабинет начальника академии с майским жуком в кристалле стазиса и обещанием, что ректор с магистром Кроу разработают индивидуальную программу развития моего дара хронора.

По дороге я жмурилась от солнца и почему-то улыбалась. Хотя и волнение никуда не делось, что скрывать.

С некоторым опасением я посмотрела на ве-

ранду у столовой и выдохнула: сегодня веранда пустовала. Мика сейчас о чем-то беспечно щебечет с подружками, а не льет горькие слезы. Куда бы ни тащил ее Элмер по темной аллее в прошлые дни, сегодня он к ней не притронется.

Я еще застала в столовой Роэна, который карауслил для меня обед — тарелку супа, куда повара щедрой рукой добавили столько гущи, что ложка стояла: расстарались для высочества. Морковный салат, две куриные котлеты, стакан компота и три слоеные булочки.

— Я лопну! — воскликнула я.

— Так и быть, от одной булочки я тебя спасу, — усмехнулся Ро, подбрасывая и ловя ее в воздухе. — А остальные, если не съешь, приноси с собой в библиотеку. Я пока пойду готовить книги по списку.

— Эй, подожди! — крикнула я ему вслед.

Роэн обернулся, но вместе с ним обернулись все студенты, обедающие в столовой. И снова я прочитала на лицах безмолвное изумление. Вслух никто ничего не решался сказать, но выражение на физиономиях красноречиво говорило само за себя: «Да не! Быть не может! Наследный принц и пепелушка? Что творится на этом свете? Может, небо готово обрушиться на землю?»

— Потом, — прошептала я и переключила внимание на тарелку с супом.

Я ела, не смотрела по сторонам, зато прямо-таки физически ощущала, как меня прожигают шокированные взгляды.

В библиотеку я влетела с двумя булочками в каждой руке и тут поняла, что букет, сумку и проклятый пенал с перьями оставила на столе в артефакторной. И ведь не вспомнила даже за все время!

— Ро! — пискнула я. — Прости!..

Он, уже разложивший учебники и строчивший на листе единственным пером, вскинул встревоженный взгляд.

— Что, Эль? — Он обшарил меня взглядом с макушки до пят, вскочил на ноги. — Что случилось?!

— Забыла твой букет… Ну какая я безалаберная!

Роэн бухнулся обратно на стул, сказал:

— Ты меня до инфаркта доведешь, Елочка моя зеленая! Я тебе десять таких букетов куплю!

— Зато булки не забыла!

— Горжусь! — улыбнулся он. — Что же, придется снова работать одним пером. Думаем вместе, записываю я. Согласна?

— Но… Нам ведь нужны два реферата, Роэн.

— Знаешь, я подумал, что тема у нас одна на двоих, значит, напишем его вместе.

Я осторожно приблизилась, не зная, как воспринимать эти слова. Ведь Ро всегда считал магию хаоса опасной и непредсказуемой, я же пыталась доказать, что она, хоть и трудна в управлении, необходима нашему миру.

— Как мы его напишем? — прошептала я.

— Смотри, я уже начал.

Роэн протянул мне лист, исписанный до половины, я прочитала первые строки, и глаза защипало от подступающих слез.

«Магия света долгое время считалась единственным допустимым основанием гармонии нашего мира, тогда как магия хаоса — угрозой, подлежащей искоренению. Однако анализ исторических катастроф и не менее значимых спасений показывает: разрушения рождались не из самой природы хаоса, а из страха, запретов и отсутствия знания. Лишая мир магии хаоса, мы делаем его не безопаснее, а уязвимее, лишая магического равновесия. Тьма не противоположна гармонии; она — ее неотъемлемая и опасная, но необходимая часть…»

— Мы научимся жить, принимая обе стороны

магии, — сказал Роэн, серьезно глядя на меня. — Я ошибался. День сменяет ночь, а зима приходит следом за летом. Тьма и свет — две половины целого. Убери одно — и мир рухнет…

Глава 65

Работать с Роэном в паре неожиданно оказалось легко и приятно. Он не тянул одеяло на себя, прислушивался к моим словам, мы увлеченно рылись в первоисточниках, а потом делились найденными фрагментами, которые можно было использовать для реферата. Когда колокол на часовой башне пробил шесть раз, мы записали две трети реферата, а финальную часть осталось только перенести на бумагу: наготове лежали книги, топорщащиеся закладками, точно ежи.

— Шесть вечера, — сказала я и поднялась из-за стола. — Я скоро вернусь.

— Хочешь увидеть Рейвена? — догадался Роэн. — Но ведь ты говорила, что он чувствует себя в Люминаре как дома, подружился с… Хрустом?

— Хрумом!

— Хрумом. Думаешь, он что-то знает и сможет подсказать?

— Думаю, если бы знал, давно бы уже подсказал. Я просто хочу его увидеть напоследок. Сегодня я знаю, где его искать, но вдруг он больше не придет в Академию? Или придет, но мы не встре-

тимся? Мальчишки не любят попадаться на глаза взрослым, когда замышляют шалости.

Роэн улыбнулся.

— Мне сходить с тобой?

— Нет-нет, ни к чему. Рей увидит издалека такую орясину и точно удерет.

— Орясина, значит, — хмыкнул Роэн, складывая руки на груди будто бы грозным жестом, а глаза смеялись. — Я только к «крокодильшеству» привык.

— А ты пока не отвыкай, — фыркнула я.

Но секунды летели, и как бы мне ни хотелось продолжить шутливую пикировку, если я собираюсь перехватить Рейвена, нужно торопиться.

Рейвен переминался с ноги на ногу на границе темной и светлой половины, словно ждал меня. Он стоял, водрузив ладонь на макушку Хрума, а тот привалился к мальчишке впалым боком, из которого торчали пучки жесткой щетины, и позволял гладить себя по голове, жмуря желтые глаза. Вот же чудище, а тоже любит ласку. Да если приглядеться, он и не страшненький совсем. Просто единственный в своем роде, вот.

— Привет, — сказала я, не зная, как начать разговор: я успела привязаться к мальчишке, а я-то для него просто незнакомая тетя, глядишь, еще

отругает да за ухо за ворота выведет.

— Привет, — ответил Рей, нисколько не смутившись, что вполне в его духе.

— Собираешься срезать через парк и выйти из потайного хода?

— Ага! — подтвердил Рейвен, и в его черных глазенках засиял восторг: «Надо же, какая прогрессивная тетя, кажись, не погонит!»

— Хрум, проводишь? — спросила я зверюгу и впервые осторожно коснулась его лобастой головы, провела кончиками пальцев между ушей, а тот тряхнул мордой в ответ, словно соглашался. — Тогда хорошей прогулки вам.

Я вздохнула и отступила на шаг.

«Рада была познакомиться, Рейвен. Спасибо, что спас мне жизнь», — добавила я мысленно.

Рейвен задрал голову, глядя на меня снизу вверх, и не торопился уходить, хотя Хрум уже выскользнул из-под его руки, встал неподалеку, метя листья лысым хвостом, будто звал Рея за собой.

— Давай, малыш. Скоро совсем стемнеет, — кивнула я.

Мальчишка развернулся и сделался со спины таким похожим на Себа, что захотелось немедленно догнать его, прижать к себе, зацеловать

непослушные вихры. Что если я больше не увижу брата? Сестру… Маму… Сердце сжалось от тревоги, но я смотрела вслед Рейвену и улыбалась, чтобы ему не передалось мое волнение — пусть он и не мог видеть моего лица.

Рей сделал несколько шагов, но вдруг понесся обратно, обнял меня и прижался к плечу носом, тепло засопел.

— Малыш, ты что? — ахнула я. — Если боишься, не нужно ходить через парк. Смотри, на светлой половине фонари горят до самых ворот. Тебя никто не обидит!

— Я не боюсь, — прошептал он. — И ты не бойся! Не бойся, Эль!

— Ты знаешь мое имя? — спросила я дрогнувшим голосом. — Откуда? Рей? Рейвен, ответь!

Он порывисто вздохнул, но, еще не разжимая рук, отрицательно замотал головой, и стало понятно, что правду из него я смогу вытянуть только клещами, да и то не факт.

Мальчишка оторвался от меня и понесся в глубь парка, не разбирая дороги, рядом с ним темным силуэтом скользил сумеречник. Мгновение — и оба скрылись в тени деревьев, оставив меня в полном смятении чувств.

Впрочем, этот день и так до отказа наполнен

странностями и тайнами, еще одна ничего не изменит.

В задумчивости я вернулась в библиотеку и увидела, что Ро закрывает книги и складывает их стопками друг на друга. Заметив меня, он поднялся из-за стола, повел плечами, разминая мышцы, затекшие от долгого сидения над бумагами. Пройдет не так уж много времени, и будущий король Соларина, устроившись за столом своего кабинета, станет составлять указы, распоряжения и… Пресветлый знает, как называется та гора документов, с которыми ему придется иметь дело.

Сейчас, когда я смотрела на него, такого живого и настоящего — с закатанными рукавами, с тенью усталости под глазами, я не сомневалась: он станет справедливым правителем.

— Я как раз закончил, — сказал Роэн.

Он нашел последний лист, расписался на нем, снял с мизинца печать и поставил оттиск рядом с подписью, потом собрал со стола все листы, свернул их трубочкой, перетянул тесьмой, снятой с волос, и передал мне.

— Пусть реферат хранится у тебя.

— У меня? — переспросила я, не понимая, что, собственно, происходит и почему на ученической работе стоит личная печать наследного принца.

Роэн молчал, чуть склонив голову, — ну право слово, не иначе как у Мрачнилы научился этому таинственному оценивающему жесту. Молчал и протягивал мне реферат. Я пожала плечами и взяла документ, и тут же едва не согнулась пополам от нахлынувшего на меня осознания: Роэн оставлял не просто реферат, он передавал мне на хранение свое завещание. Да, точно, теперь я припомнила, что видела на последней странице ниже всех остальных строк приписку, подозрительно похожую на ту, которой душеприказчики обычно скрепляют последнюю волю: «В здравом уме и твердой памяти, без принуждения и давления, волю свою излагаю и подтверждаю».

Я стиснула в пальцах документ, невольно сминая его из-за охватившего меня волнения. Роэн подстраховался на случай, если не выживет. Его отец получит завещание и не сможет не исполнить последнюю волю сына.

— Я оставлю его в комнате, — прошептала я. — Даже если ты… Если я…

Где бы найти силы, чтобы произнести вслух честные слова: завтра мы оба можем не проснуться.

— Мою комнату наверняка будут обыскивать и найдут документ, — кивнула я.

— Где я написал имена настоящих убийц и что маги хаоса невиновны, — закончил за меня Роэн, так как мой голос позорно дрожал и сбивался.

Он обнял меня и притянул к себе. И тут мы увидели за кафедрой библиотекаря, о котором напрочь забыли. Служитель взирал на нас из полутьмы от нависших стеллажей расширившимся от ужаса глазами.

— Э-э… — сказал Роэн. — Репетируем. Пьесу. «Жизнь и смерть Роэнмара Справедливого»!

Взявшись за руки, мы выбежали на свежий воздух, не зная, плакать или смеяться. Я фыркнула, и вот мы уже хохочем, ухватившись друг за друга, чтобы устоять на ногах. Смех оборвался сам собой, когда часы на часовой башне пробили семь раз.

— Я зайду за тобой через полчаса, — сказал Роэн и осторожно сжал мои предплечья, будто хотел таким образом влить немного сил.

— Я буду готова, Ро.

Глава 66

Оказавшись в своей комнатушке, я вытащила из шкафа саквояж и вытряхнула его содержимое на кровать. Первым на постель бухнулось тяжелое пальто, следом за ним сапоги и наконец темно-синее искристое платье, перешитое на меня мамиными руками. Как же я отговаривала ее от этого подарка, уверяла, что надеть вечернее платье мне все равно будет некуда, так и пролежит оно до самого выпуска на дне саквояжа. Помню, я еще хотела надрать Себу уши за его неуместные шуточки о свидании, ведь в Люминаре Пепелушке ничего не светит: здесь учатся одни белобрысые хлыщи. Губы тронула невольная нежная улыбка. Как все-таки причудлива бывает судьба! Вот она я, стою, прижимая к груди прекрасное платье, и собираюсь на встречу с белобрысым хлыщом.

Платье село на меня как вторая кожа. Искрилось при каждом движении и тягуче переливалось, как вода. Я распустила волосы: из-за того, что я заплела их в тугую косу влажными, они теперь лежали красивыми волнами. Темно-синий

цвет ткани гармонировал с цветом моих глаз. Жаль только, негде было разжиться туфельками, однако длинный подол закрывал осенние ботинки, и благодаря высокой платформе в них я казалась выше.

Я закуталась в накидку, надеясь, что наверху часовой башни, оставшись в платье, я не замерзну — благо у него длинные рукава. Да о чем я думаю вообще? Простуда — меньшая из бед, которые мне сегодня грозят.

Раздался осторожный стук в дверь.

— Готова? — спросил Роэн. — Если что, не торопись. Я уже здесь и жду тебя.

— Я готова!

Мой Златовласка стоял на пороге и протягивал мне дивную розу голубого цвета.

— Под цвет твоих глаз, — объяснил он, пока я благоговейно принимала цветок из его рук: никогда не видала подобной волшебной красоты. — Букет ждет тебя на столе. Если захочешь, заберешь его после ужина.

Он улыбнулся.

— Или можешь забыть — не страшно.

Вот, значит, в какую игру мы сейчас играем, Ро? Притворимся, что это просто свидание, потом ты проводишь меня до общежития, донесешь

букет…

— Где твои кузены? — тихо спросила я.

Глаза Роэна потемнели — конечно, он ни на секунду не забывал об опасности, всего лишь хотел сделать этот вечер нормальным настолько, насколько это возможно.

— Они на границе светлой половины. Потом останутся ждать внизу, у часовой башни.

Наши с Роэном взгляды сообщали гораздо больше, чем было сказано вслух. Элмер и Вейлар позволят нам какое-то время побыть наедине, чтобы мы расслабились, перестали обращать внимание на дрожь механизмов и не услышали шагов. Вряд ли убийцы позволят нам спуститься, все решится наверху, без свидетелей и возможности спастись.

Сердце заколотило, но я заставила себя улыбнуться.

— Сколько бы у нас ни осталось времени — час или меньше — я буду наслаждаться каждой минутой рядом с тобой.

— Так же, как я, — негромко сказал Ро и прикоснулся губами к моим губам.

Всю дорогу от общежития до центрального корпуса, благо недлинную, пока я шла, опираясь на руку принца, кузены маячили в паре метров

за спиной. Я запрещала себе оборачиваться и каждую секунду проверять, не сокращается ли расстояние между Элмером и спиной Роэна. Они не станут убивать его сейчас: слишком рискованно. Кто-то из студентов или преподавателей может увидеть.

— Приятно провести время, ваше высочество! — Элмер шутливо поклонился, а в глазах сквозил холод.

— Спасибо, Бэзил.

Роэн ненадолго задержал на нем взгляд, словно смотрел сквозь время и видел сейчас не только завистника, но и мальчишку, с которым делил детские игры, секреты, горести и радости. Потом повернулся к Вейлару. Тот стоял, опустив голову.

— И тебе, Тим.

Когда мы, преодолев бесконечную винтовую лестницу, выбрались на закрытую площадку, стрелки часов, обращенных наружу, показывали без пятнадцати восемь. Как мало времени осталось! Во рту сделалось сухо, а сердце, и так колотящееся от долгого подъема, вовсе помчалось галопом. Ну уж нет, я сильнее своего страха!

В нише у арочного окна, украшенного живыми цветами, расположился столик. На нем стояла ваза с букетом, и Роэн присоединил мою розу к

остальным. Колпаки-клоши закрывали блюда, но ароматный запах все равно просачивался. На спинках стульев висели шерстяные пледы, и я подумала было, что с платьем поторопилась. Хотя… Воздух ощущался на удивление теплым.

— Мне показалось, что в прошлый раз на часовой башне было слишком свежо, поэтому я распорядился поставить согревающие артефакты, — сказал Роэн. — Но ты, конечно, можешь остаться в накидке и завернуться в плед.

— Нет уж! — воскликнула я.

«У меня, может, последняя возможность в жизни выгулять единственное нарядное платье!»

— Тогда позволь помочь тебе снять верхнюю одежду, — улыбнулся моей горячности Роэн.

Я скинула на руки Ро накидку, поправила распущенные волосы и обернулась. Мой принц застыл изваянием, не моргая и, кажется, не дыша. Его взгляд точно гладил мои волосы, скулы, потом спускался ниже, к струящейся материи, что повторяла изгибы моего тела — плеч, груди, бедер. Я вдруг с болезненной остротой поняла, что ни один мужчина еще не смотрел на меня так — с таким благоговением и одновременно с нежностью, с затаенной болью оттого, что это, возможно, наш единственный, наш последний

вечер.

Он глубоко вздохнул и хрипло произнес:

— Не видел никого прекраснее тебя.

— Спасибо, — прошептала я, донельзя смущенная.

Роэн помог мне сесть, налил в кружку дымящегося чая и снял колпак с блюда, стоящего в центре стола.

— Запеченные перепелки в горчичном соусе, фаршированные грибами и яйцами, — провозгласил Роэн. — По рецепту Себастиана Лира.

Я рассмеялась. Вот так сюрприз. Приятно, что Ро запомнил фантазию брата и воплотил ее в жизнь, беспокоило только одно: как расправиться с этими крошечными птичками, густо обмазанными соусом? Я с ними прежде дел не имела и, как пить дать, обляпаюсь с ног до головы.

— Это так мило, Роэн! — искренне сказала я. — Но, признаюсь, я бы не отказалась от запеченной картошки со свининой, какую нам подали в «Подорожнике».

«По крайней мере, ее можно есть вилкой!» — мысленно добавила я.

— Как знал, как знал! — Роэн хитро подмигнул и открыл второй клош, под которым на чугунной сковороде шкворчала та самая картошечка. — До-

ставка прямиком из таверны!

— О, Ро!.. — только и смогла выдохнуть я.

Шестеренки с шумом провернулись, и колокол принялся отбивать восемь часов.

Глава 67

Удары стихли. Повисла звенящая тишина. Ни я, ни Роэн не прикоснулись к столовым приборам, чай стыл в фарфоровых чашках, а мы в безмолвии смотрели друг на друга, точно невидимая ниточка, протянутая между нашими взглядами, могла остановить время. Теплые пальцы Роэна накрыли мою руку, которой я стиснула тряпочную салфетку. Мы больше не в силах притворяться и продолжать делать вид, что это обычное свидание.

— Ты видел его, Ро? — прошептала я. — Видел мага? Он обещал помочь. Где же он?

Роэн качнул головой: он знал не больше моего.

— Даже если для меня слишком поздно, тебя он не оставит в опасности, — сказал Роэн.

Он старался говорить убедительно, но, судя по напряженно сжатым губам, не слишком-то верил тому, что говорит. Неожиданно его взгляд немного просветлел, будто он вспомнил о чем-то приятном.

— Эль, ты спрашивала, что я мастерил на артефакторике?

Роэн вынул из кармана бархатную коробочку. В ювелирных домах в такие футляры обычно запаковывают небольшие драгоценности: сережки, подвески, кольца. Не то чтобы мне когда-нибудь дарили серьги или кольца, однако мама в похожем футляре хранила свои немногочисленные украшения — подарки папы и единственное тоненькое колечко, оставшееся от бабушки.

Мое сердце при взгляде на эту коробочку помчалось галопом. Хотя о чем волноваться? Чтобы там ни смастерил Роэн своими руками, это всего лишь милая безделушка.

— Эль… Прошу, только не подумай, что я несерьезен, — начал он. — Не буду скрывать, мой подарок выглядит довольно…

— Корявенько? — шутливо подсказала я, пытаясь представить, что можно соорудить из проволоки и осколков кошачьего глаза.

Но разбавить обстановку шуткой не удалось. Роэн выглядел таким взволнованным, что я и сама невольно стала волноваться.

— Простовато, — поправил он. — Ты заслуживаешь большего. Но для этого мне надо будет сначала попасть во дворец, в королевское хранилище… А я не знаю, будет ли у меня такая возможность…

— Что в коробочке, Роэн? — не выдержала я.

Он приподнял крышечку, но показать подарок не успел. У узкого прохода на часовую площадку раздались шаги, и в проеме появился Вейлар. Мы обменялись с Ро понимающими взглядами, принц закрыл коробочку и убрал ее со стола.

— Что-то случилось, Тим? — сдержанно поинтересовался принц и снова накрыл ладонью мои пальцы, погладил.

— Да-да, такое дело… Сейчас все объясню.

На лице Вейлара выступила испарина, он приближался к столику, громко топая, будто специально привлекал к себе внимание, и говорил в полный голос, да только, похоже, сам не знал, что именно собирается объяснять.

Роэн поднялся и встал передо мной, загородив спиной. Сунул руки в карманы, ожидая приближения кузена.

— Смотрю, тебя что-то напугало, Тим, — с усмешкой сказал он.

Вейлар действительно трясся как овечий хвост. Трус. Казалось, будто это ему сейчас грозит смертельная опасность, а не Роэну, чей голос оставался уверенным и спокойным.

Тим облизнул губы, нервно дернул головой, и вдруг стремительно кинулся на Роэна. Он был

ниже принца на полголовы, и одолеть его Роэну не составляло никакого труда. Не прошло и пары секунд, как он уложил кузена на каменный пол, заломив его запястье в болевом приеме.

— И что это сейчас было? — ошарашенно пробормотал Роэн, оседлав Тима.

Признаться, я тоже не ожидала столь странного и провального нападения. Да только план Вейлара состоял вовсе не в том, чтобы совладать с Роэном самому, и это стало понятно буквально через мгновение, когда невидимая рука обхватила меня за талию, вздергивая вверх, вторая рука приставила лезвие к моему горлу, а холодный голос Бэзила произнес:

— А теперь, Ро, отпусти Тима и отступи на шаг.

— Беги! — отчаянно крикнула я.

Я дернулась, срывая с груди Элмера амулет невидимости.

— Беги, Роэн!

Пока еще он свободен. Пока они держат его лишь страхом за меня. Но какое значение имеет моя жизнь по сравнению с жизнью наследного принца, который, как я теперь не сомневалась, изменит участь всех пепельных магов.

Роэн медленно поднялся, небрежно отряхнул брюки, словно происходящее было детской

возней — битвой за титул царя горы. Вот он распрямился, смело вздернув подбородок, и даже нашел в себе силы дерзко усмехнуться, глядя на Элмера.

— Ты всегда играл нечестно, братец.

— Уходи! — взмолилась я, и из глаз хлынули слезы. — Пожалуйста!

— Он не уйдет, — хмыкнул Бэзил, он говорил таким тоном, точно знал слабое место Роэна, его тайну и теперь собирался пустить ее в ход. — Только не после того, как смастерил для тебя помолвочное кольцо. Да, Ро?

Я ахнула, хватанула горячий воздух губами. Горло обожгло болью — я дернулась слишком поспешно, и острое лезвие поранило кожу. Роэн зарычал, рванулся ко мне, но был пригвожден к месту одним повелительным взмахом руки Элмера.

— Э, э, дорогой друг, не надо лишних телодвижений. Ее жизнь на кончике кинжала, а кинжал в моей руке. Давай не станем меня нервировать.

Роэн поднял ладони, кивнул, не спуская с меня глаз. Он пристально смотрел на порез, пытаясь понять, насколько сильно я ранена.

— Все… хорошо… — прошептала я. — Уходи… Уходи…

— Нет.

Я подняла глаза к темному потолку. Губы дрожали от рвущихся наружу рыданий, я вся дрожала — от боли, несправедливости, страха. И того, что хрупкая надежда осыпалась осколками.

— Ты не пришел, — прошептала я. — Ты ведь обещал. Где же ты? Почему… Почему…

— Что ты несешь! — Элмер грубо встряхнул меня.

— Не трогай ее! — рявкнул Роэн. — Тебе нужен я! Вот он я — действуй! Отпусти Эль!

— Э, нет. Не получится. Ничего личного, Ро, но нашему королевству необходим сильный правитель, а не золотой мальчик, который боится принимать жесткие решения. Соларину не нужны полумеры! Ты ничего не изменишь, всего лишь закрыв пепельным магам доступ в Академию. Их надо искоренить как заразу. Пожечь огнем. Выкосить как сорняк. Раз и навсегда. Твой отец не решился на это, ты тоже слишком слаб, а я справлюсь! Вы оба послужите тому, чтобы окончательно избавить мир от скверны.

Мы знали каждое слово, которое сейчас произносил Элмер, знали его план и, похоже, на этот раз ничем не могли ему помешать. Вейлар меж тем вынул из узкого внутреннего кармана

накидки кинжал с золотой рукоятью, который я немедленно узнала по узору с листьями.

— Кинжал Бэт… — выдохнула я.

— Ах, нет, — ухмыльнулся Бэзил, глядя на мое перекошенное лицо. — Бэт не знает про убийство, но с радостью одолжила нам кинжал, когда я пообещал, что это обернется для тебя огромными неприятностями.

Он сокрушенно поцокал языком.

— Ох уж эта женская мстительность. А кинжал вполне сойдет за твой. Изящная вещица, которая могла бы принадлежать Пепелушке. Коварной девице. Задурила голову принцу, околдовала, а потом и убила. Что взять с этих отребьев — магов хаоса. Славный род Асторианов снова пострадает от их рук. На этот раз — фатально. Род прервется. Я же дерзну и войду в историю как лучший правитель. Довершу дело своих предков…

В прошлый раз на этом месте Элмера прервали. Мы с Роэном затаили дыхание, надеясь услышать шум за окном, шаги на лестнице, крики, но нет — на этот раз никто не спешил на выручку. И Элмер продолжил:

— Хочешь знать, что на самом деле произошло в День Перелома?

— Бэзил, остановись, — окликнул его Тим. — Об

этом запрещено говорить!

— Плевать! — огрызнулся тот. — Пусть узнает. Тайна умрет вместе с ним.

— Заканчивай, раз начал, — тихо велел Роэн. — Я хочу знать, что на самом деле произошло в тот день.

— Тогда слушай внимательно, дружище, — хмыкнул Элмер, раздуваясь от чувства собственного превосходства. — Это был не мятеж пепельных магов. Это был переворот, спланированный светлорожденными домами. Моими предками и предками Вейлара.

Тим негромко и зло выругался, взъерошил и без того спутанные волосы.

— Нужен был символ врага. И Гай Эриус подошел идеально: маг хаоса, приближенный к трону, доверенное лицо короля. Все должны были увидеть, как опасна и нестабильна магия хаоса, если даже самые преданные способны на безумства. А Эриус… пытался его спасти. Он создал временную петлю и раз за разом отводил удар от Роэнмара. Такой… упрямый. А ведь ему предлагали сделку!

Правда подкосила Роэна. Он молчал, но сильно побледнел и только качнул головой из стороны в сторону: «Нет-нет-нет».

— В итоге мы вышли победителями, и после

Перелома мы получили все. Совет был очищен и собран заново — в него вошли только светлорожденные дома. Пепельные маги были объявлены угрозой. Их лишили права голоса, земли и влияния. Впрочем, это ты знаешь и сам. Осталось дело за малым… Тим, кинжал в твоих руках. На нем как раз удобное заклятие силы — войдет в тело как нож в масло. Или предпочитаешь задушить девчонку?

По лицу Вейлара давно катились капли пота. Кинжал в его руках ходил ходуном. Он посмотрел на меня, на Роэна — будто примеривался, чья смерть принесет меньше угрызений совести.

— Тим, достаточно лишь легкого нажатия, — почти ласково увещевал более трусливого кузена Бэзил. — Приставь к груди. Раз — и все.

Он сам, не убирая лезвия от моего горла, положил и вторую ладонь мне на шею.

— Не волнуйся, Пепелушка. Я без труда сломаю твою тонкую птичью шейку, ты и испугаться не успеешь.

— Роэн, уходи! — прошептала я из последних сил, ведь крепкие руки Элмера давили на связки. — Уходи… А ты…

Я обращалась к пустому пространству, не надеясь, конечно, что вероломный маг хаоса,

обещавший помощь и предавший нас, услышит, но хоть так отведу душу.

— Проваливай в Бездну!

Тим приставил острие к груди Роэна, а это крокодильшество, вредный, упрямый, самый любимый на свете, не двинулся с места, глядя на меня с бесконечной любовью. Под железными пальцами Элмера в моем горле что-то хрустнуло…

А потом я провалилась во тьму.

И в этой бесконечной и безбрежной тьме без неба и земли мы оказались с Роэном вдвоем. Его светлые волосы сияли, и их свечение слегка разгоняло мрак. Мы бросились друг другу в объятия.

— Мы умерли? — прошептала я.

— Пока еще нет, — ответил знакомый голос.

Пепельный маг настолько сливался с окружающей нас тьмой, что мы не сразу заметили его. Но он был здесь, с нами. Стоял в паре шагов, скрестив руки на груди.

Глава 68

— Что происходит? — спросил Роэн, на всякий случай задвигая меня за спину. — Где мы?

Маг хаоса развел руки в стороны.

— Вы не в мире живых, но и не в мире мертвых. Это… Скажем так — это прослойка между мгновениями, между двумя ударами сердца. Отражение наших разумов, скрепленное моей магией. Снаружи все замерло. Руки на горле Эль…

Маг сумрачно посмотрел на меня, и кончики его губ скорбно опустились.

— Острие кинжала в груди Роэна… Я придержал время, но ненадолго, скоро оно догонит нас.

И, опережая вопрос, готовый сорваться с языка, объяснил сам:

— Вы здесь, чтобы поговорить. И сделать выбор. Я могу спасти только одного из вас.

Огонек надежды, затеплившийся было в сердце, погас. Я вцепилась в Роэна, прижалась щекой к его вздымающейся груди. Вряд ли он мог дышать здесь по-настоящему, здесь все нереально. Ро крепко обнял меня в ответ.

— Спасите ее! Спасите его! — воскликнули мы

одновременно и одновременно же замолчали, потрясенные такие единодушием, и уставились в глаза друг другу.

— Нет, Ро, — осторожно сказала я, подыскивая те самые, нужные и единственные слова, чтобы его убедить. — Моя жизнь не важна, а твоя — да. Ты должен изменить этот мир. Судьба пепельных магов зависит от твоих решений.

Я погладила его по руке, утешая.

— Ничего страшного. Ничего. Я останусь с тобой… Здесь… — Я тронула его грудь под сердцем, куда секундой позже вонзится кинжал, если я не уговорю моего упрямца. — Я…

— Не слушайте ее! — перебил меня Роэн и бесцеремонно — вот ведь крокодильшество — закрыл мне рот ладонью, посмотрел покаянно: «Прости!» — Если погибну я, отец выполнит мою последнюю волю! Я написал завещание, Эль! Ты забыла? Там имена убийц, причины — все написано. Тебя никто не обвинит!

Маг хаоса пока только слушал и смотрел. Не перебивал. Как же его убедить, что он должен принять мою сторону? Роэн говорил горячо, поспешно, знал, что времени у него немного. Я вздохнула и укусила его за палец, вынуждая его убрать ладонь.

— Дурачина! Я не хочу, не могу, не желаю оставаться в этом мире одна, без тебя!

Я прижалась к нему, пряча слезы. Удивительно, что и здесь, на границе между мирами, они такие же горькие и горячие.

— Тебя ждут славные дела, мой король. А я… Я просто Пепелушка, ты забыл? Соларин не рухнет, если меня не станет.

— Соларин не рухнет, — тихо согласился Роэн, и я почти выдохнула, понадеявшись, что уговорила принца остаться, напомнив ему о долге. — Вот только он получит короля без сердца и без души. Ходячую оболочку. Точно ли Соларину нужен такой правитель? Я принесу своему королевству только беды. Слышишь меня, маг? Ты прямо сейчас можешь избавить мир от будущего тирана!

— Ты не такой, Ро! Ты наговариваешь на себя! — закричала я. — Не слушай его! Он прекрасный человек и станет отличным правителем!..

— Я не могу жить без тебя… — прошептал Ро, и я запнулась на полуслове, ведь прежде он открыто не говорил о своих чувствах. — Бэзил сказал правду — я сделал для тебя помолвочное кольцо. И хотел попросить твоей руки. Я пришел в Академию, чтобы найти невесту, все это знают, но я даже вообразить не мог, что моей невестой

станет…

«Золушка Пепелушка?..»

— Самая красивая, умная, верная, смелая девушка. Лучшая из всех. Мне так повезло… так повезло провести с тобой рядом несколько счастливых дней. Я люблю тебя, Эль.

— Я люблю тебя, Роэн.

Принц наклонился, и наши губы встретились. И его губы тоже были горьки от слез и горячи. Наше прерывистое дыхание сливалось, я гладила скулы Роэна, а он так же бережно отирал от влаги мои щеки.

Боковым зрением я зацепила мага хаоса и отстранилась от Ро, рвано выдохнула. Маг по-прежнему не говорил ни слова, но из его глаз тоже текли слезы. А потом он вдруг широко улыбнулся и кивнул.

В следующий миг мир пришел в движение. Будто бы натянулась до предела и лопнула невидимая преграда. Налетел порыв ветра, остужая мои горячие щеки. Раздался гул голосов: десятки людей кричали, звали Роэна по имени, но слов было не разобрать. Приглушенный свет лампад после бесконечной тьмы показался ослепительным, и я с трудом могла разглядеть из-под прикрытых век, что часовая башня заполнена

людьми.

Мы с Роэном по-прежнему держали друг друга в объятиях, а вокруг вдоль стен теснились гвардейцы. Был здесь и эйр Мирод, тот самый агент охранки, что в прошлый раз опрашивал нас после неудавшегося покушения, и другие агенты, их легко можно было узнать по черной одежде и серебряным значкам на вороте.

Элмер и Вейлар растянулись на каменных плитах, уткнувшись носами в пол, придавленные сверху тремя-четырьмя парами рук, хотя оба не делали попыток не то что вырваться, даже пошевелиться.

— Ваше величество, клянусь, я не знал! — визгливо причитал полный мужчина в парадном мундире советника. — Я предположить не мог, что мой сын… Это все магия хаоса! Ему задурили голову!

— Ты все слышал своими ушами, Элмер, — уставшим голосом произнес тот, к кому обращался советник. — Как и я. Как все мы! Я позже решу, как поступить с предателями короны.

Король. Здесь наверху в часовой башне находился сам король Соларина. Такой же высокий, как и Роэн, вот только более грузный, с поредевшими волосами, однако вблизи сходство между

старшим и младшим Асторианом стало особенно заметно. Он кинул под ноги отведиглаз, который до того держал за шнурок. И я заметила, что и у агентов охранки, и у гвардейцев на груди, поверх одежды, тоже надеты амулеты, — они вытащили их наружу, чтобы стать видимыми.

Как давно они здесь? Неужели вся сцена убийства разворачивалась прямо на глазах его величества? Судя по гневно сжатым губам и все еще бледному лицу короля — так и было.

Я вся тряслась, а Роэн, сам еще не пришедший в чувство, гладил меня по волосам, успокаивая.

Напротив нас во плоти стоял маг хаоса и улыбался. Значит, он нас не подвел — да не просто помог, а исполнил все наилучшим образом. Так, что и расследование не понадобится, ведь король Соларина стал свидетелем заговора и признания Элмера в предательстве его предков.

Мы с Роэном посмотрели друг на друга и одновременно подумали о главном.

— Мы оба живы… — выдохнула я.

Ро расправил плечи и сделал шаг вперед, возвышаясь над магом хаоса, правда, совсем ненамного. Но тот на угрозу со стороны разгневанного принца никак не отреагировал — продолжал широко улыбаться. И, признаться, я впервые видела на

его обычно застывшем лице такую открытую, такую искреннюю улыбку.

— Ты заставил нас выбирать! Зная, что можешь спасти обоих!

Маг хаоса ничуть не смутился.

Он положил правую руку на грудь, левую завел за спину, готовясь поклониться.

Я то ли всхлипнула, то ли вскрикнула, подавившись воздухом.

Потому что… лишь особы королевских кровей могли приветствовать старших родственников стоя, не сгибая коленей. Как и сам Роэн приветствовал короля…

— Прости, отец, — сказал маг хаоса, наклоняя голову. — Я не мог поступить иначе!

Глава 69

Магистр Янгвин предоставил королю для разговора личные апартаменты, распорядился о легком ужине и горячих напитках: у начальника академии были собственные слуги и кухарка, поднятая с постели ради такого случая. Будто по заклинанию на столике возникли блюда с закусками, чайник на подставке и чайные пары. Сам ректор критическим взглядом оглядел гостиную, которую явно не считал достойной высокого посещения, сокрушенно вздохнул и оставил нас с королем, захватив с собой диванную подушечку со следами когтей и виновника этого безобразия — рыжего кота.

Гвардейцы и агенты охранки покинули Люминар, увозя с собой заключенных под стражу Бэзила, Тима и их отцов, что тоже стали свидетелями покушения на убийство.

Король Ренрис III тяжело опустился в кресло, стоящее таким образом, что ему были видны все мы. Ро и я сидели на диване, прижавшись друг к другу. Мы ни на мгновение не отпускали рук, будто продолжали удерживать друг друга в

этом мире, хотя теперь в этом не было необходимости.

Маг хаоса… Наш сын? Я пока даже мысленно не решалась думать так о красивом, строгом мужчине. Он расположился на стуле, вытянул ноги, перекрестив их в лодыжках, и единственный из нас расслабленно пил чай, удерживая в одной руке блюдце, в другой чашку. Я не могла отвести от него глаз, все разглядывала и разглядывала его. Теперь, когда он находился рядом, я ясно видела сходство. Скулы Роэна, его разрез глаз. Мой узкий подбородок. И длинные волосы… Черные, как сама тьма.

Он поднял на меня взгляд и мягко улыбнулся. Пока еще мы не получили объяснений, но терпеливо ждали. Честно, пока я настолько была оглушена открывшейся правдой, что побаивалась узнать продолжение.

Я услышала собственный язвительный — не иначе как от большого волнения — голос.

— Это у вас точно семейное, да? Длинные волосы что-то означают?

Роэн и маг хаоса потянулись к растрепанным хвостам одинаковым жестом, а я не выдержала, фыркнула. Король тоже взлохматил свои значительно поредевшие и теперь уже коротко

стриженные волосы и со вздохом сказал:

— В молодости и я мог похвастаться шикарной шевелюрой. Когда еще носить такие прически, как не в двадцать лет?

— И в двадцать семь, — подсказал маг хаоса и неожиданно улыбнулся — искренне и открыто. — Так теперь я сумел убедить тебя, дедушка?

— После всего, что я сегодня увидел… — крякнул король и совершенно по-человечески устало помассировал лоб, собранный хмурыми складками.

Из обрывков разговоров гвардейцев я узнала, что сегодня в покоях правителя, минуя ворота и стражу, прямо перед лицом короля и королевы возник пепельный маг. Он раскидал сунувшихся было телохранителей, создал защитный купол, что не пропускал ни копья, ни кинжалы, поклонился Ренрису и его испуганной супруге и спросил:

— Ты и сейчас прячешь в потайном ящике стола в кабинете марципановые леденцы? Когда я был ребенком, ты сказал, что это наша с тобой тайна и бабушка не должна ее узнать, ведь и тебе, и мне следовало бы есть поменьше сладкого. Мы оба покрываемся сыпью, а бабушка, ругаясь, посылает за целителями.

Невинного вопроса оказалось достаточно, чтобы ошарашенный король стал слушать дальше, выгнав прочь из спальни стражей и слуг. И, как мы теперь знаем, правитель Соларина прислушался к словам подозрительного мага хаоса, который явился не по его душу, как он решил поначалу, а для того, чтобы спасти Роэнмара.

— Я знаю, у вас голова идет кругом, — сказал черноволосый маг. — Хочется задать десятки вопросов! Спрашивайте, я отвечу.

— Может быть, для начала назовешь свое имя? — мрачно поинтересовался Роэн.

Он так же, как и я, не сводил взгляда с нашего спасителя-мучителя, и я, уже достаточно хорошо изучившая Ро, могла поклясться, что за напускной неприветливостью скрывается гордость за сына, которой Роэн ни за что не покажет, пока не уверится, что его не разыгрывают.

— Назову обязательно, но немного позже, — сказал маг и улыбнулся. — Неужели это все, что вас волнует?

— Кто создал петлю времени? Ты или Эль? Зачем нужно было ставить нас перед невозможным выбором? Да и какой вообще у тебя дар, не пойму. Ты хронор? Причем очень сильный, если сумел вернуться из будущего в прошлое. Или кинетик

высочайшего уровня? Ведь только ему под силу уничтожить хвостатую звезду. — Вопросы посыпались из Роэна как из рога изобилия. — И если ты пришел из будущего, значит, оно состоялось и не было нужды спасать нас — все решилось бы само собой, разве нет? Ведь будущее предопределено!

— Вот теперь узнаю своего отца, — хмыкнул маг. — И его пытливый разум. Ничего не упустил. Постараюсь объяснить, однако это будет непросто. Время — сложная материя, о которой не расскажешь в двух словах. Когда-нибудь наставник мамы объяснит ей все подробнее, а пока… Представьте, что время — это нить. Не обязательно прямая. Нить ткет узор на полотне жизни.

Это мне легко было вообразить, ведь я сама вышивала на ткани, создавая с помощью обычной нитки сложные образы.

— Но иногда на нити образуются узлы, которые могут испортить вышивку.

Маг посмотрел на меня, и я догадалась, что он специально подобрал метафору, которая будет понятна именно мне.

— Узел, в котором сходится сразу несколько возможностей. Позади прошлое, которое не исправить, впереди — пустота, которая станет будущим, когда узел распутается. Каким угодно

будущим: до того, как узел распутается, будущего не существует.

— Узел… или петля времени, верно? — уточнил Роэн.

— Верно. Я — ваше возможное будущее, однако практически нереальное. Один шанс на тысячу. И куда более вероятны другие исходы. Роэнмар гибнет. Эль гибнет. Соларин снова охвачен гражданской войной. Геноцид магов хаоса приводит к тому, что равновесие мира пошатнется… И только один путь давал надежду. Я должен был провести вас по этому пути.

— У меня голова сейчас взорвется, — призналась я, и Роэн тут же притянул меня к себе и поцеловал в висок, чем снова вызвал на лице мага хаоса теплую и искреннюю улыбку.

— Петлю времени, в которой вы застряли, создало само время. Эль подтолкнула ее, завязав первый узел, а я удерживал до тех пор, пока не понял, что вы готовы.

— К чему? — воскликнула я.

— К последнему испытанию. Я поставил вас перед страшным выбором не для того, чтобы заставить страдать, а чтобы вы вместе выбрали лучшее будущее из всех возможных.

— Чтобы мы поняли, что любим друг друга, —

прошептала я. — Если бы не этот ужас, мы бы так и ходили вокруг да около, Ро… Но как же все сложно!

Роэн замер, а потом вдруг принялся хлопать себя по карманам, с облегчением выдохнул, найдя искомое, и вытащил на свет бархатную коробочку, теперь весьма помятую после его стычки с Тимом.

— Отец, — тихо обратился он к правителю Соларина. — Мы с тобой это не обсуждали, но я уже все для себя решил и надеюсь, что ты поддержишь мой выбор.

Король Ренрис молчал, подавшись вперед и погрузившись в глубокую задумчивость. С одной стороны, он и в диковинном сне не мог представить подобный поворот событий: его единственный сын, наследник престола, хочет взять в жены девчонку из низов общества. Да не просто нищенку, а пепелушку. Но после правды, открывшейся ему сегодня, — о заговоре против его деда, о том, что магов хаоса оклеветали, и о том, что лишь этот брак приведет Соларин к благоденствию, разве он смел препятствовать?

— Моим внуком станет пепельный маг, — проворчал он, но скорее по-доброму, уже смиряясь и принимая этот факт.

— Вы с бабушкой будете очень сильно меня любить, — усмехнулся тот. — В мире, в котором я рос, больше нет разделения на светлых и пепельных. Соларин узнал о заговоре высших светлых домов, о том, что Гая Эриуса оклеветали. Древние роды магов хаоса восстановлены в правах. Двери академии открыты для всех магически одаренных детей. Все эти реформы начал ты, а продолжил мой отец.

Мое сердце забилось от волнения и счастья, затопившего меня волной. О подобном будущем я не смела и мечтать. Неужели мир изменится навсегда? И это сделаем мы с Роэном?

Я вспомнила нашу встречу с магом в вечернем парке и слова, которые в прошлый раз меня ужасно напугали: «Однажды запреты падут. И черный цвет волос перестанет быть клеймом. Власть над Соларином больше не будет принадлежать светлорожденным». Теперь сказанное виделось иначе! Черный цвет перестанет быть клеймом и власть над Соларином не будет принадлежать светлорожденным потому, что однажды трон займет черноволосый пепельный маг.

— Эль! — Роэн опустился на одно колено, что при его высоком росте позволило ему оказаться со мной лицом к лицу. — Ты станешь моей женой?

Он наконец открыл коробочку и продемонстрировал мне самодельное колечко: оплетенные тонкой проволокой осколки кошачьего глаза были похожи на пушистую елочку.

— Это самое странное помолвочное кольцо, какое я только видела! — рассмеялась я, но, не позволив тени сомнения лечь на лицо Ро, вытянула руку. — И самое прекрасное! Я согласна!

— Но для официальной помолвки возьмешь кольцо своей матери, — не выдержал король.

— А это колечко ты надеваешь на годовщины свадьбы, — подал голос маг. — Пара камешков, правда, потерялись.

— Ну все, теперь мы от него не избавимся, — не удержалась я от шпильки.

— Никогда! — подтвердил маг. — Хотелось бы сказать, что я был послушным ребенком, но…

— Да кто бы сомневался! — хмыкнул Роэн, почему-то очень довольный.

— Осталось рассказать совсем немного.

— Как, еще не все?

— Вам ведь интересно, какой у меня дар?

По пальцам мужчины пробежали знакомые синие искры, а уголки губ приподнялись в лукавой улыбке, такой же точно — теперь я видела это ясно — как улыбка Роэна.

Глава 70

Мы замолчали, заинтригованные.

— Я хронор, — сказал маг. — Этот дар достался мне от матери. И боевой пирокинетик. Как отец. Усилитель. И…

С каждым новым перечисленным даром мои глаза становились все шире. Я не видела сейчас лица Ро, но, судя по тому, как напряглись его мышцы, он был ошарашен не меньше моего.

— У мага хаоса не может быть больше одного дара, — прошептала я.

— Да, вот только я не обычный маг хаоса. Я первый маг, рожденный от союза светлого и пепельного. Таких браков всегда старались избегать, ведь считалось, что дети, рожденные от таких союзов, останутся вовсе без магии. Это заблуждение существовало веками. Но на самом деле…

С ладони мага вспорхнул призрачный щегол. Птичка взлетела, сделала круг по гостиной и, подчиняясь легкому движению головы мага, опустилась мне на плечо. Он еще и маг иллюзий, вот так да.

— Мы все знаем, что светлая магия послушна, управляема, но слаба. Мы все знаем, что магия хаоса сильна, но совершенно непредсказуема. В десятках научных трудов лучшие умы бились над вопросом, как заставить магию хаоса подчиняться, чтобы при этом не ослабить ее, — продолжил маг. — А оказалось, что ответ всегда находился под самым носом. Всего лишь разрешить браки пепельных и светлорожденных магов. Моя силы невероятны. Простите, что так нескромно заявляю об этом. Но при этом абсолютно управляемы. Никакой опасности. Только благо для Соларина.

Маг поднялся на ноги, точно собирался уходить. Я не могла вот так сразу его отпустить, не попрощавшись. Я вскочила, тут же встал и Роэн.

— Постой, подожди, — поспешно попросила я. — Я… еще не все спросила.

Он знакомым движением склонил голову.

— Ты перемещаешься туда-сюда? Из будущего в прошлое и обратно? Первый раз ты появился, когда к земле приближалась хвостатая звезда. Спас нас. Но, наверное, у тебя и в твоем времени полно дел. Тебе, наверное, действительно некогда. И все же… Останься еще хоть на минутку.

— Наступит время, когда ты будешь видеть меня так часто, что я тебе еще надоем, — улыб-

нулся он.

— Ты обещал назвать имя! — напомнил Роэн.

Маг ответил не сразу.

— Об этом даре я не хотел говорить, но… Я опрометчиво дал обещание назвать имя. Что же… Еще один мой магический дар: я могу выглядеть на любой свой возраст.

Я тихонько вскрикнула, начиная догадываться. Да как я только раньше не поняла!

— Правда, у этого есть побочный эффект, — усмехнулся он. — Когда я в облике ребенка, то и все реакции у меня детские, импульсивные и для меня самого удивительные. Я ни в чем не обманывал тебя, мама… Дедушка, отец, позвольте, наконец, представиться.

Маг приложил ладонь к груди. Мое сердце колотилось так, что отдавалось грохотом в ушах.

— Рейвен Асториан. Наследный принц и будущий король Соларина.

— Рейвен! — воскликнул Ро, тоже сложив два и два. — Ты!

— Рейвен… — прошептала я и, не сдержав порыва, бросилась к Рею на шею. — Ах ты! Уши бы тебе надрать!

— Прости, мам…

Меня обнимал мальчишка, уткнувшись лбом

в мое плечо. Он шумно дышал, явно борясь со слезами. Я сама готова была и плакать, и смеяться — от облегчения и счастья. Все это время это был он. Забавный, добрый, неугомонный и бесстрашный. Наш сын. Я почувствовала, как руки Роэна обхватили нас двоих.

— Мне пора, — прошептал Рей. — Мы прощаемся не навсегда.

Секунда, и вот мы с Ро обнимаем лишь воздух…

***

Король долго уговаривал сына отправиться во дворец, успокоить мать, но Роэн оказался непреклонен.

— Передай матушке, что я ее люблю, скучаю и надеюсь скоро увидеть, но сегодня я останусь с Эль.

Король Ренрис был в первую очередь правителем Соларина, но во вторую — все же любящим отцом, и он со вздохом кивнул. Стиснул предплечье сына, а потом и его самого в медвежьих объятиях, мощно похлопал по плечу. А потом, совершенно неожиданно, по-родственному обнял и меня. Я застыла, не дыша, но в груди разлилось тепло. Меня приняли. Во всяком случае — принял отец Ро. С мамами все обычно сложнее, но я

надеялась в будущем подружиться и с ней.

В ночных сумерках мы добрались до моего общежития.

— Ты как хочешь, а я сегодня сплю здесь! — заявил Роэн, скинув сапоги и бесцеремонно рухнув на мою хлипкую и узкую кровать.

Я замялась, затеребив кольцо на пальце. Мы помолвлены, и, наверное, нет ничего дурного в том, что мы проведем вместе ночь до свадьбы, и все же… Ро заметил, как я побледнела и тут же вскочил, обнял меня, а потом, усевшись, примостил меня к себе на колени.

— Эль… Любимая… Ты что подумала? Наша первая ночь будет не такой! Не в полуразрушенной общаге, где капает с потолка. Даже не так важно, принесем ли мы сначала клятвы в храме Пресветлого или лишь друг другу, но мы точно не торопимся.

Он бережно поцеловал меня и сказал:

— Я останусь с тобой, чтобы вместе встретить рассвет нового дня.

— Он ведь наступит?

— Обязательно!

Эта ночь не стала нашей первой брачной ночью, но она все равно была наполнена нежностью — прикосновениями, ласками и поцелуями.

Мы уснули, прижавшись друг к другу под одним одеялом. Рука Роэна весьма собственнически устроилась на моем бедре, а его подбородок — на моей макушке.

...Когда я открыла глаза, за окнами сияло солнце!

Эпилог

Наша свадьба состоялась спустя месяц в главном храме Пресветлого, в просторном белом зале, где колонны из белого мрамора украшали живые цветы, а под арочным потолком порхали иллюзорные птички и наполняли пространство радостным щебетанием.

На свадьбу пригласили не только аристократические светлорожденные дома, но и восстановленные в правах пепельные роды. Почти сразу после разоблачения заговора начались выплаты компенсаций из королевской казны, достаточные, чтобы когда-то отверженные фамилии смогли купить особняки, обзавестись хозяйством и нанять слуг. Думаю, этот щедрый жест был весьма разорительным для казны Соларина, но король Ренрис держал слово. Не зря он был внуком прославленного реформатора Роэнмара — и теперь продолжил его дело.

Роэн все время церемонии не отпускал моей руки, хотя в свадебном ритуале было не принято, чтобы новобрачные касались друг друга до оглашения.

— Я никуда не сбегу! — заверила я, наклоняясь к его плечу, пока Ро, явно волнуясь, тихонько крутил на моем пальце теперь уже фамильное помолвочное кольцо, украшенное бриллиантами и изумрудами.

— Подстраховаться не помешает, — шуткой ответил он. — Держу тебя крепко, не отпущу!

— Никогда меня не отпускай, — прошептала я.

Неподалеку от алтаря и священнослужителя застыли правящие король с королевой. Ренрис с гордостью смотрел на сына, мне кивнул с доброжелательной улыбкой. Мама Роэна, прекрасная, величественная женщина с гордой посадкой головы, густыми светлыми волосами и такими же яркими синими глазами, как у сына, внимательно наблюдала за Роэном. Ей пока трудно было принять происходящее, ведь она не видела своими глазами развернувшуюся в часовой башне драму, не стала свидетелем разговора с Рейвеном, но все-таки она смирилась с выбором сына, хоть и переживала за него. Однако теперь, глядя на его взволнованное, но счастливое лицо, на то, как мы гладили пальцы друг друга, как тянулись, чтобы шепотом перекинуться парой слов, как обменивались смущенными улыбками, растерянные торжественностью происходящего, королева

оттаяла и в конце концов тоже кивнула мне.

С другой стороны стояли моя мама, Себастиан и Лиза. В маме будто проснулась ее дремавшая аристократическая кровь — с таким достоинством она себя вела. Наверное, ей было сложно не трепетать перед правителями, и сердце моей бедной мамы замирало каждую секунду, но она стояла прямо, отвечала легкими наклонами головы на приветствия, мягко улыбалась, вот только иногда сжимала руки, стараясь унять дрожь. Себастиан в костюме выглядел неожиданно взрослым и серьезным парнем, а Лиза в сшитом на заказ платье так и вовсе казалась невестой на выданье.

Мои родные недавно переехали в имение в центре Нов-Куарона, раньше принадлежавшее королевской семье. Они пока обживались и привыкали к новому статусу, но я не сомневалась, что все наладится.

Нашу с Роэном первую брачную ночь мы провели в «Подорожнике», в том самом семейном номере, который теперь с полным правом можно было именовать королевским. Королева не раз вздохнула над нашим странным выбором и уверяла, что в отдельном крыле дворца, отведенном для молодоженов, нам будет уютнее. Мы не спорили, кивали, соглашались, а потом просто

сбежали, угнав карету.

Хозяин трактира едва не обзавелся заиканием и преждевременной сединой, когда узнал, кто перед ним. Перепугали мы его своим появлением знатно. Ну ничего, зато теперь отбоя от постояльцев не будет!

Ради такого случая Лили даже раздобыла лепестки роз и усыпала ими пол и постель. А заодно запарила ромашку — раз уж в прошлый раз мы ей этого не позволили — и набрала расслабляющую ванну.

Закрывшись от всего мира, мы с Ро снова играли в «правду или действие», вот только действия теперь сделались намного пикантнее.

— Расстегни пуговицы на моей рубашке.

— Сними подвязку с моего чулка, Ро.

Его пальцы дрожали, когда он опустился рядом со мной на колено и приподнял подол платья, забираясь вверх по ноге к вожделенной подвязке, а я, замерев, перебирала его золотые волосы. Я не ощущала ни капли страха, только любовь, нежность и желание поскорее очутиться в его объятиях.

Наша первая ночь оказалась лучше, чем я могла вообразить. Мы никуда не торопились, нежно изучая друг друга, и все случившееся между нами

как между мужем и женой ощущалось естественным и правильным.

— Люблю тебя, — прошептал он мне в губы, когда мы, разгоряченные, потрясенные и счастливые, затихли в объятиях друг друга. — О Пресветлый, как же я тебя люблю!

***

В академии Люминар впервые за долгие годы был объявлен полный набор пепельных магов. Да еще — внезапно — посреди осени, до начала нового учебного года.

Академия бурлила, охваченная переменами. Прибыли ремонтные бригады и принялись за дело. Общежития и учебные корпуса темной половины уже через пару недель стали пригодны для жилья и занятий. Парковые дорожки очистили от мусора и разросшихся кустов, установили фонари.

Каждый день в Люминаре появлялись новые студенты. Немного испуганные, они тянулись от центральных ворот сначала к кастелянше за формой, потом, уже сбившись в группки, познакомившись между собой, тащили кипы одежды и постельное белье в свои комнаты.

Эмма, наверное, скрежетала зубами, глядя, как ее тщательно охраняемые сокровища расходятся

по рукам, но выбора ей не предоставили. Магистр Кроу лично приходил проверять, как идет распределение форменной одежды.

Моему наставнику пришлось нелегко. Ведь он пока оставался единственным преподавателем хаосмагического факультета. Но на первых порах первокурсников направляли на общие для всех занятия. Для них провели ускоренный курс истории магии, артефакторики и элементалистики, чтобы они смогли догнать остальных первогодков и дальше уже посещать лекции и практикумы вместе с нами.

К счастью, скоро в Люминар начали прибывать и другие маги хаоса, закончившие обучение много лет назад, когда пепельников хоть скудно, но принимали в академию. Долгое время они скрытно жили в маленьких городках, а теперь вышли из тени. Магистр Кроу проводил преподавательские курсы и для них, так что спустя пару месяцев у нас появились темноволосые магистры.

Мы с Роэном решили продолжить учиться. Часть комнат в общежитии светлорожденных отвели под семейные пары, хотя мужем и женой были пока только мы с Ро.

Было забавно наблюдать, как меняется отношение ко мне, теперь уже законной жене и будущей

королеве Соларина. От изумления, шока и недоверия к постепенному признанию. Поначалу я по старой памяти огрызалась и сыпала колкостями, когда кто-то из светлорожденных и моих бывших недоброжелателей делал робкие попытки навести мосты.

— Елочка, я знаю, что тебе пришлось нелегко, — сказал Роэн после того, как Оливия понуро побрела прочь после моей шпильки. — Но ты теперь будущая королева. Теперь ты намного выше их. Ты можешь приказать любого заключить под стражу, высечь на площади… Твое слово — закон. Никто не сможет тебе перечить. Теперь вы поменялись местами. Так как ты намерена поступать?

Эти слова меня отрезвили. Я поняла, что не хочу никого унижать. Нет, только не после того, что пережила сама.

На следующий день я подошла к группке девочек, чтобы поприветствовать их. Знаю, друзьями нам не стать, но и в королеву-язву я тоже превращаться не хотела. Они притихли, настороженно на меня глядя.

— Может мне кто-нибудь одолжить конспект по зельеварению? — выдала я.

Конспект по зельеварению, по которому у меня

всегда стоял высший балл, нужен мне был как собаке пятая лапа, но это первое, что пришло мне в голову.

— Конечно! Я могу! Я тоже! — наперебой принялись предлагать они.

Что же, будем считать, начало положено.

Бэт больше не училась в Люминаре: после того, как она отдала кинжал убийцам, ректор ее исключил. Но ее хотя бы не упекли в темницу до конца жизни, как Бэзила и Тима. Их отцов король отправил в изгнание, назначив наместниками в отдаленных провинциях Соларина. В совет приняли двух пепельных магов, принадлежащих к древним родам, хотя оба росли на Пепелище, но оно и к лучшему: они не понаслышке знали о жизни пепельников и теперь помогали дельными советами.

Первый год обучения пролетел незаметно. Наступила весна.

Магистр Кроу стал поговаривать о том, что теперь он может покинуть Люминар с чистой совестью: штат преподавателей подготовил, за ремонтом корпусов проследил, а ему-то уже не двадцать лет, как некоторым.

— Ну сколько вам? — воскликнула я, отказываясь смиряться с его уходом. — Максимум под

шестьдесят.

— Мне восемьдесят, моя дорогая ученица.

Я аж заморгала, не веря своим ушам. Магистр дал бы фору и молоденькому: он все еще был крепким и полным сил.

— Ну зачем вам уходить? — прошептала я, едва не плача. — Вы такой замечательный наставник! А я ведь вас не подвела. Обещала стать лучшей ученицей и стала!

Магистр Кроу посмотрел на меня с невероятной теплотой в темных глазах.

— Моя дорогая… Моя прекрасная ученица… Я дал тебе все, что сумел. И… Скоро произойдет некое событие, после которого я уже никак не смогу остаться.

— Что за событие? — испугалась я. — У вас что-то со здоровьем? Вы только скажите, мы с Роэном найдем лучшего целителя! Мы…

Он качнул головой.

— Нет, дело не в здоровье.

Я поняла, что уговаривать бесполезно, и только надеялась, что магистр Кроу будет не слишком скучать, уйдя на законный отдых, а станет иногда навещать нас.

«Некое событие», как это часто случается, произошло неожиданно. Был жаркий день в конце

весны. Я вышла из библиотеки, закончив писать доклад по зельеварению — за себя и за Ро, между прочим: моему мужу никак не давалась эта наука. Погода стояла прекрасная, я решила прогуляться по парку темной половины — так ее называли по старинке, хотя теперь и пепельные, и светлорожденные маги разгуливали беспрепятственно по всей территории академии.

Сгущались сумерки. Я шла, все еще надеясь повстречать Хрума, хотя с каждым днем эта встреча казалась все более немыслимой. Сумеречник пропал после того, как петля времени разорвалась. Куда — неясно. Может быть, уснул на долгие годы, как умеют делать создания хаоса.

Я пробиралась по освещенным дорожкам туда, где еще не поставили фонари, не проредили кустарники и где студентов с каждым шагом было все меньше, а вечер становился все темнее.

И вдруг заметила среди стволов серую шкуру.

— Хрум, — прошептала я, не веря глазам.

И тихонько, стараясь не спугнуть, начала пробираться навстречу.

Хрум стоял, прижавшись боком к магистру Кроу, тот безбоязненно трепал его между ушей и по жесткой щетине на спине. Я замерла, охваченная острым чувством узнавания.

Нет, нет же… Быть не может.

У ног наставника стояло ведерко с черной краской. Странно, что он собирается с ним делать здесь, на задворках парка?

Это сделалось понятно уже через мгновение, потому что рядом с магистром Кроу из ниоткуда появился столб с мишенью. Той самой мишенью с нашего полигона, которую я лично множество раз отправляла в путешествие во времени.

Магистр Кроу вытащил кисть и размашисто написал на деревянной поверхности: «Самое время».

Потом повернулся и посмотрел мне прямо в глаза, улыбнувшись открытой, знакомой, мальчишеской улыбкой.

— Самое время узнать, мама…

— Рейвен! — выдохнула я.

Но прежде чем я сделала хоть шаг навстречу, мой наставник, мой сын, мой спаситель и защитник растворился в воздухе вместе с Хрумом.

***

…Рейвен легко пересек границу между будущим и прошлым. Он и раньше мог без труда отправиться в тот год, когда на Соларин устремилась хвостатая звезда, грозя огромными бедами не только королевству, но и всей планете. Он мог,

но ждал. Год за годом. И ушел лишь тогда, когда дальше не было смысла тянуть. Трон оставался в надежных руках сына. Подрастал внук. Его любимая супруга давно соединилась с Пресветлым в Его чертогах.

Увы, время бежало неумолимо, и даже он, величайший хронор эпохи, никак не мог остановить его течение.

Он рос в любви и заботе. Ему достались лучшие родители этого мира, так он думал в детстве, и продолжал так же думать теперь, когда ему вот-вот исполнится восемьдесят лет. Отец и мама всегда смотрели на него с бесконечной нежностью и оставались терпеливыми даже тогда, когда он ребенком творил бесконечные шалости.

Кроме него, первенца, у Рейвена было еще двое братьев и две сестры, но терпения у мамы хватало на всех.

Когда Рейвену исполнилось двадцать лет, отец позвал его в свой кабинет и открыл тайну, которая изменила все… Рей застыл, оглушенный и придавленный грузом ответственности на плечах, но отец обнял его и сказал:

— Ты справишься. Я это точно знаю.

И вот теперь, отойдя от дел, Рейвен направился в Соларин на несколько десятилетий назад, что-

бы подтолкнуть мир в нужном направлении.

Он шел по тесным улочкам Пепелища, отыскивая взглядом восьмилетнюю девочку. Она вряд ли запомнит его, но обязательно узнает, что некий пепельный маг, пришедший из ниоткуда, спас королевство от хвостатой звезды.

Рейвен увидел ее и прошагал мимо, не привлекая к себе внимания. Он вернул себе двадцатисемилетний возраст, когда, как ему казалось, его силы были в самом расцвете. Эль и не заметила его, не повернула головы, а он еще долго пытался усмирить колотящееся сердце. Он так давно не видел маму… И после того, как она следом за отцом отправилась в чертоги Пресветлого, ждал с трепетом и надеждой того часа, когда окажется в прошлом и приступит к выполнению своей миссии.

Когда от хвостатой звезды не осталось и песчинки, Рей явился в Люминар, прямиком в кабинет ректора Янгвина, и предложил свои услуги в качестве преподавателя. Перед строгими очами магистра Янгвина предстал, конечно, пожилой мужчина, а не юнец.

— Сейчас набор пепельников случается у нас крайне редко, — сказал начальник академии. — Не каждый год, по два-три человека. Вы согласны

работать за гроши?

— Согласен.

— Хм… Хорошо. Как вас зовут?

Рейвен мысленно улыбнулся, вспоминая рассказы мамы о ее вышивке на платье. Прямо назваться вороном, в честь которого он и получил имя, Рей не может, но…

— Кроу. Морвин Кроу. Как «ворона» в переводе с древнего лумарийского языка.

— Отлично. Значит, магистр Кроу.

И однажды наступил тот час, когда порог учебного корпуса переступила Эль. Такая юная, испуганная, но, несмотря на свой страх, очень дерзкая и смелая.

У Рейвена перехватило дыхание, но он не мог, не должен был показывать хоть малейшую привязанность. Он здесь, чтобы повернуть ход истории в нужном направлении. Он должен до конца играть свою роль наставника, быть строгим и суровым, как бы ему ни хотелось прижать ее к сердцу. Он так скучал…

И потом, возвращая себе облик мальчишки, все же не выдержал — разрешил себе объятия с мамой.

Рей знал, что однажды это закончится. Что он не сможет всегда быть рядом даже в качестве

наставника для юной мамы, видеть каждый день такого же юного отца. Мама застукает его в парке, когда он будет делать надпись на щите.

Он заранее подготовился — вывел из спячки Хрума, которого создал в один из одиноких зимних вечеров в разрушенном преподавательском корпусе Академии. Последний раз посмотрел на разрумянившуюся и такую прекрасную, милую, совсем молоденькую маму. И навсегда покинул Люминар и прошлое. Ничего, в мире еще столько удивительных мест, которые можно посетить. Время у него есть.

Рейвен оставлял родителей со спокойной душой. Он точно знал, что они будут бесконечно счастливы, проживут долгую жизнь и состарятся рука об руку в кругу любящей семьи, окруженные заботой детей и внуков.

Он знал, что его отца будут величать Роэнмаром Величайшим, а маму — Миррель Великодушной. Он знал, что Себастиан Лир станет знаменитым биологом, описавшим в научных трудах всех созданий хаоса. Знал, что Элиза Лир будет создавать магические наряды и станет основоположницей новой моды, потом, правда, отойдет от дел, выйдет замуж, родит детей.

Он знал, что мир изменился навсегда и черный

цвет волос теперь вызывает уважение, а не страх. Знал, что огромное количество пепельников и светлорожденных заключает между собой браки.

Знал, что все будет хорошо.

Знал так же точно, как то, что любовь спасает, когда ничто другое уже не может спасти…